

Альманах

№ 22 №

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 22

Составитель: В.М. Авцен

WIRmachenDRUCK GmbH (DE), 2023. – 372 стр.

*«Семейка» – альманах для взрослых
и детей, из которых, собственно,
и состоит этот мир...*

© Авцен В.М., составление

© Лозенко В.И., обложка

© Маша Лавринюк, рисунки обложки

ISSN 1862 - 7781

*Литературно-художественный
альманах*

Семейка

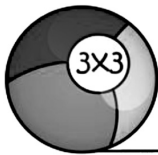

выпуск двадцать второй

*Вупперталь
2023*

Благодарим за поддержку:

Herzlichen Dank für Ihre Unterstützung:

Wuppertaler
Elternverein
„3x3“ e.V.

Für Kinder, Eltern und die ganze Familie

Caritasverband
Wuppertal/Solingen e.V.

Уважаемые читатели, взрослые и маленькие!

«На крыльях „завтра“ приходит „никогда“», – гласит японская мудрость, а мудрецы, тем более японские, слов на ветер не бросают. Как у всякого составителя альманаха, у меня имеется редакторский портфель с отложенными «на завтра» стихами и прозой. Готовя 22 выпуск, я заглянул в него и понял, что некоторые тексты пора извлечь на свет божий, иначе (см. японскую мудрость!)... Например, эссе «Чёрный вестник» Александра Кораблёва. Соответственно в альманахе появилась и новая рубрика – «Из портфеля редактора». Время от времени мне в Интернете встречаются стихи и проза, которые очень нравятся и с которыми хочется познакомить читателя «Семейки». В результате добавилась ещё одна новая рубрика: «По диким сетям Интернета», куда к месту пришлась подборка стихов о драконах, подготовленная Оксаной Коваленко накануне Года Дракона. И ещё одна новая рубрика придумана для иронической лирики и прозы – «Любить пересмешника...». В 2023 году исполнилось 205 лет великому русскому писателю И.С. Тургеневу и 165 лет его повести «Ася», что нашло отражение в этом выпуске.

Несмотря на безумие дрящейся русско-украинской и разразившейся арабо-израильской войн, а может, в чём-то и по причине этого, литераторы всех стран и континентов в истекшем году активно обменивались своими мыслями и творениями в Сети, участвовали в различных конкурсах, встречались на всякого рода форумах... В Анталии прошёл форум «Солнечный ветер». Мы вместе с руководителем Международной гильдии писателей (МГП) Ладой Баумгартен организовали и провели онлайн-конкурс переводчиков с итоговым концертом победителей и членов жюри в клубе «Вупперлиткафе». Состоялись организованные МГП интересные встречи в Литературном салоне «Общество любомудрия» и на фестивале «Лебедь белая», где я открыл для себя замечательных поэта и прозаика Константи-

на Консона и детского поэта Елену Ларину. Поэт Валентина Бендерская при поддержке МГП в память о поэте Леониде Колганове учредила литературную премию его имени. Эти события нашли отражение в 22 выпуске. Известно, что люди талантливые зачастую сильны в любых жанрах, поэтому произведения некоторых авторов вошли в разные разделы и рубрики альманаха.

В номере приняли участие литераторы из Германии, Израиля, России и Украины.

Мирного всем неба! Храни Бог!

Составитель

Стухи

и проза

Леонид КОЛГАНОВ

(1955 – 2019)

Леонид Колганов – поэт, прозаик, эссеист, общественный деятель, родился в Москве. Лауреат VI московского совещания молодых писателей, был принят в Комитет литераторов Москвы. В 1991 году рекомендован Андреем Вознесенским на стипендию Фонда культуры. С 1992 года – гражданин Израиля. С 2005 года – почётный гражданин Кирьят-Гата. Лауреат премии имени Анны Ахматовой (2013), лауреат премии Союза русскоязычных писателей Израиля имени Давида Самойлова (2015). В 2017 году удостоен медали «Русская Звезда» имени Фёдора Тютчева за весомый вклад в литературу. Руководил литературными объединениями «Арфа» (Кирьят-Гат), «Негев» (Безр-Шева), совместно с Валентиной Бендерской – Всеизраильским поэтическим клубом «ПоВтор» (Тель-Авив). Был редактором Международного поэтического альманаха «Свиток 34». Его стихи публиковались в «Московском комсомольце», «Литературной учёбе», «Истоках», «Смене», альманахе «Поэзия», в «Дне Поэзии-1989», «Собеседнике», а также во всех 11 выпусках Всероссийского ежегодника «День поэзии», в «Санкт-Петербургском Дне Поэзии-2007», «Тёплом стане», в трёх антологиях серии «Стихия», в журналах «Алеф», «22», «Юг», «Галилея», «У», «Роза Ветров», «Литературный Иерусалим», в газетах: «Вести», «Новости недели», «24 часа», в антологиях: «Антологии поэзии. Израиль 2005», «120 поэтов», «Русское Зарубежье», «Год поэзии» и многих других. Леонид Колганов – автор десяти книг поэзии и прозы: «Осеннее Очищение», «Бесснежные метели», «Пламя суховея», «Слепой рукав», «Средь белого ханства», «Вьюга на песке», «Легенда о Водяном столбе», «Океан окаянства», «Беспутный путь», в соавторстве с Валентиной Бендерской выпустил книгу «Выкрутасов эйдоса».

Пуповина

Бывшему другу

Пересыхает пуповина
Старинной дружбы, как река,
Нас разделившая чужбина,
Видать, и вправду велика!

Прощай! Ведь пересохло русло
Широкой некогда реки,
Иное молвить не берусь я,
Ведь бездны слишком глубоки!

Печально наше расставанье,
Пути-дороги далеки...
Лишь тянутся чрез расстоянье
Иссохшей дружбы две руки!

И нам пред вечною разлукой
Осталось только слово «нет»
И прежней дружбы сухорукой
В песок распавшийся скелет!

Памяти Бунина

Родина рв́алась на выезд,
Не убоившись пропасть,
Зная, что душеньку выест
Запада дымная пасть.

Страшную песню запела,
Медленно трогаясь в путь,
Словно вобрать захотела
Прежнюю милую жуть.

В пляске немой и безликой
Средь городов-мертвецов,
В барах столицы великой
Звёздно металось лицо.

То ль по нему проносились
Кони нездешних кровей,
То ль жемчугами катились
Слёзы иных сыновей...

Прощание с Европой

Ничего мне не светит в Европе,
Потонувшей во лжи, а не ржи,
Утопившейся в море утопий,
Задохнувшись во тьме паранджи!

И с её потускневшего нимба
Ятагана блестит остриё,
И не Зевс с золотого Олимпа,
Халифат вновь уносит её!

Ненавижу тебя, презираю
И шепчу в тишине громовой:
– До свиданья, Европа чужая,
Я рыдаю, прощаясь с тобой!

До свиданья, моя золотая,
Никогда мы не свидимся вновь,
Проклятущая и дорогая,
Ненавистная, словно Любовь!

8 апреля, 2016

Измены и замены

Из-за неё впадёшь в такое буйство,
Что сотрясёшь ей дом и Бытиё,
Но женщина простит тебе безумство –
Во имя и величие её!

В смирительную заключён рубаху,
Ты будешь ею до конца любим,
Останется верна паденью, краху.
И – в прахе для неё несокрушим!

Но ежели отыщешь ей замену
И Родине изменишь от обид,
То Родина простит твою измену,
Но женщина вовеки не простит!

И жизнь тебя меж полюсов колеблет,
Заносят волны часто не туда...
История твои грехи приемлет,
Но женщина не спишет никогда!

Две песни

Валентине Бендерской

Мы – две лебединые песни,
Сольёмся в полёте в одну,
Когда воспарив в Поднебесье –
В последнюю вышину, –

Застынем с тобою над Бездной,
Уже ничего не тая,
Моя лебединая песня,
Последняя песня моя!

И два лебединых порыва
Застынут, как стон, на лету,
Когда мы над пастью обрыва
Почуем небес пустоту!

И снова сольются две песни,
Когда мы – небес вышину
Отбросив – опустимся вместе
В земную, как ночь, глубину!

И будем, два ангела падших,
Лежать – небесам бросив: «Прочь!..»
И будет лишь песня лебяжья
Над нами, как белая ночь!

Хочу я, отбросив все мили,
С тобой лежать рядом в земле,
Чтоб жалась могила к могиле,
И мы вновь сливались во мгле!

Хочу, чтоб в Божественном Граде,
Где вечно идёт Вечный бой,
Прижалась ограда к оgrade,
Чтоб слиться навечно с тобой!

Валентина БЕНДЕРСКАЯ

Тель-Авив

Музыкант, поэт, переводчик, «Отличник народного образования Украины». Член Международной гильдии писателей, Международного союза писателей Иерусалима, почётный член Союза независимых писателей Болгарии. Лауреат премии имени Владимира Набокова Интернационального союза писателей, удостоена звания «Виртуоз словесности» Международной гильдии писателей. Автор семи поэтических книг: «Фрейя», «Стихи из мусорной корзины», «Асфодели непознанный профиль», «Выкрутасы зйдоса», «Любовь-Крысолов», «Пятикнижие», «Passacaglia». Инициатор и организатор Всеизраильского поэтического клуба «ПоВтор» в Тель-Авиве, которым руководила совместно с Леонидом Колгановым. Автор идеи и составитель альманаха «Свиток 34» по материалам Международных поэтических телемостов «Поэзия без границ», проводимых клубом «ПоВтор», а также антологии поэтов Житомищины «ПАРК Шодуара» (Поэтическая Антология Родного Края Шодуара). Печатается в журналах и альманахах СРПИ, ИСП, МГП, МСПИ, таких, как «Новый Ренессанс», «Созвучие муз», «Крестовый перевал», «Под эрой Водолея», «Золотая коллекция 21 век», «Новые пилгримы», «Наш дом Земля!», «Мастера словесности. Новое время» «Юг», «Литературный Иерусалим», «Артикль» и других, а также «Світло спілкування» (Украина). Многие стихи переведены на украинский, польский, болгарский, немецкий, итальянский, английский, иврит.

Из цикла «Пассакалия»

Светлой памяти Леонида Колганова

Ретроспектива

Солнце утром поднималось,
опоясывая день,
и не ведая усталость,
словно лучник, развлекалось,
мета в Землю, как в мишень.

А под вечер полоскало
пряди рыжие в воде
и, накрывшись одеялом,
за горою – в платье алом –
пряталось... Как конь в узде –

месяц выезжал на туче
и, трясясь под звёздный стон,
все поля вокруг окучив,
своей страстью неминучей
под гнусавый саксофон

ублажал души усталость
той, кому не двадцать лет...
Счастье выпало под старость:
испытать такую малость –
что любил меня ПОЭТ!

Масада

В земле природы обветшало,
Покрытой пылью веков,
В расщелине години шалой,
С прозреньем веры запоздалой
Утихли натиски врагов.

Солёно-горькая водица,
Разлом заполнив до краёв,
Туркизом призрачным искрится,
Манит, но ею не напиться,
Не напоить земли покров.

В сей чаше ветры одичали,
Здесь ненасытная беда
Со злом трагедию зачали,
Здесь слёзы высохшей печали
Окаменели навсегда.

Ветер

Запутался ветер в моих волосах.
Он был очарован игрой светотени,
взвивался, сплетался, как травы в лесах
с опавшими листьями гривы осенней.

Он нежился в запахах пряной волны,
в их блеске, в их солнечных ярых объятьях,
пьянел от удушья, и – страстью полны –
взлетали с ним вместе оборки у платья.

Он падал к ногам моим, млея у виска,
шептал шелестеньем интимным на ушко.
Он обнял меня и, завыв, как тоска,
понёсся в неведомый мир за опушкой...

Купальские росы

Михаилу Бендерскому

На Ивана на Купала
На воду слеза упала...
Заблудился мой веночек
В ожерелье одиночек...

Зацепился лентой синей
Он за веточку осины,
Алой лентой – за корягу...
С милым я в постель не лягу...

Заплутал за камышинкой
Лентой белой, за кувшинкой –
Жёлтой, бессловесной речью...
Милого я здесь не встречу...

Лента красная над бровью...
Искусала губы... Кровью
По реке плывёт веночек
К берегу, где мой дружок...

Анна СОХРИНА

Берлин

Анна Сохрина родилась и выросла в Петербурге, там же закончила факультет журналистики. В конце 90-х Анна с семьей переезжает в Германию, где продолжает свою литературную деятельность. Анна – автор четырех книг прозы, лауреат нескольких международных литературных премий. Многие ее рассказы получили широкую читательскую аудиторию и восторженный читательский отклик. Теплое предисловие к одной из книг Анны Сохриной написала Дина Рубина.

НАЗОВИТЕ ПРАВНУЧКУ ЭСФИРЬ

– Дай бог быстрой и легкой смерти... Дай бог быстрой и легкой смерти... – бормотала Этка на идиш и перебирала старческими пергаментными пальцами гречневую крупу на блюде.

– Бабушка, что она говорит? – недоуменно спрашивала я, привыкшая, что взрослые говорят между собой на идиш, когда хотят, чтобы дети не поняли. Бабушка подходила к сестре, вслушивалась в ее бормотанье и укоризненно качала головой.

– Брось, Эсфирь, грех так говорить. Бог сам знает, когда и за кем приходиться...

Эта запыленная Питерская квартира на Васильевском острове, заставленная громоздкими резными комодами красного дерева, которые, кстати, выкинуло молодое поколение, заменив на модные чешские стенки – однодневки из пластика из стекла, осталась в моей детской памяти так четко и ясно, что я и сейчас могу с точностью сказать, где стояли кровать и кресло, какие занавески висели на окнах и какого цвета была скатерть на столе.

Бабушка любила сестру и старалась бывать у нее почаще, тем более что Эткин сын Миша был хорошим врачом, выпи-сывал бабушке лекарства и давал дельные советы, помогающие держать в узде вечно скачущее давление. А я в те детские

годы при хронически занятых родителях была постоянным бабушкиным привеском.

– А где Лизочкин хвостик? – дразнил меня Эткин муж Яша. Он был веселым, с топорщащимися усами и лучиками морщинок в уголках глаз, и всегда мне что-нибудь дарил: то прозрачный леденец на палочке, то тряпичную куклу.

– Яша, – золотой муж, – вздыхала бабушка. – Ну, кто бы еще терпел нашу Этку все эти годы...

И в самом деле, вот уже лет пятнадцать, как говорилось в семье среди домашних, – «Этка сбрендила». Началось все с того, что она начала разговаривать вслух со своим погибшим во время войны сыном Атей. Портрет двадцатилетнего красавца Ати в форме лейтенанта танковых войск всегда висел на стене. Атя сгорел в танке в 45-ом в последние месяцы войны.

Этка обычно сидела за обеденным столом и, глядя на фотографию, рассказывала Ате домашние дела и новости, потом замолкала, как будто вслушиваясь в ответы, и опять что-то говорила. Объяснять ей, что Ати вот уже тридцать лет как нет на белом свете, как это пытались сделать по очереди все родственники и знакомые, было занятием бесполезным. Упрямая старуха, послушно кивала головой и, обращаясь к мужу, говорила: «А наш Атя сегодня сказал...» Сын созвал было в своей клинике медицинский консилиум, светила отечественной психиатрии посмотрели Этку и смущенно развели руками.

И еще одна странность у нее была – в какой-то момент Этка стала ревновать мужа.

– А что, – говорила она громко, обращаясь к пришедшим, – он найдет себе новую старуху с пенсией... Зачем ему старуха без пенсии?

Этка не нажила пенсии, потому что никогда не работала. Вернее, она работала и очень много, но неофициально, дома, без, как она постоянно вздыхала, трудовой книжки. Этка считалась надомницей. Когда-то еще в молодые годы одна модистка обучила ее шить лифчики по французским лекалам. Модистка сгинула в сталинских лагерях, а Этке остались столь

ценные в то время выкройки и перенятое вовремя мастерство. От заказчиц не было отбоя. В те годы, как вы помните, легкая промышленность была столь тяжеловесно-неповоротлива, что изящная французская вещица дамского туалета была едва ли не пределом мечтаний каждой уважающей себя женщины. Под Эткиными умелыми руками лифчик идеально облегал фигуру, а неподъемные груди сановных дам приобретали если не изящный, то вполне приличный силуэт.

Как подшучивал Яша, передразнивая дикцию Брежнева, «В моем доме всегда толпился многосисечный коллектив». В общем, деньги она в былые годы зарабатывала, и даже неплохие деньги, а вот пенсии у Этки не было, что и стало причиной ее старческих страхов и тревог.

Бесконечно любящий, преданный всей душой и сердцем Яша, пытался образумить жену.

– Фейгеле, птичка моя, зачем мне чужая старуха? – говорил он, заглядывая ей в глаза. – Ты же знаешь, мне никогда никто не был нужен. Только ты... – он тихонько гладил ее морщинистую щеку. – Помнишь, как ты пришла в нашу квартиру на Крюковом канале и встала на пороге... Я тогда дар речи потерял...

Они прожили вместе пятьдесят пять лет, а он все помнил ее той рыжекудрой, синеглазой девушкой, что приехала к ним из маленького белорусского местечка с письмом от дальних родственников – помочь перекантоваться в большом городе на время поступления в институт. В институт Этка не поступила, но так и осталась в их квартире на много десятков лет.

– Миша, ведь ты же врач, неужели с этим ничего нельзя сделать? Ведь изобретено уже столько лекарств! – восклицала встревоженная бабушка, когда в очередной свой приезд застала сестру, беседующую вслух с погившим сыном.

Этка подробно пересказывала Ате, что сварила на обед и как встретила соседку, «у которой, помнишь, доченька Рая, что ходила с тобой в одну школу». Потом она сына о чем-то спрашивала и, как будто слыша его шуточный ответ, смеялась, горделиво вскидывая седую голову и блестя глазами.

Приходил с работы муж, садился пить чай под зеленым абажуром. Окликал Этку.

– Атя сказал, – начинала она, – что тот костюмчик, что я ему перелицевала из старого пальто перед войной, он еще носит, а вот ботинки совсем прохудились ... Яша, надо обязательно найти деньги и купить ему новые.

– Купим, купим новые, – спокойно отвечал Яша. – Конечно, сыну нужны новые ботинки.

Всем было известно, врачи советовали Этке не перечить, со всем, что она говорит по поводу погибшего сына, соглашаться и стараться перевести разговор на другие темы.

Если не считать ее разговоров с Атей и этого навязчивого, что Яша найдет себе новую старуху с пенсией, – во всем остальном, Этка была абсолютно нормальна.

– Ты же сердце мое и жизнь моя! Какую другую старуху? – в сердцах восклицал Яша, не выдерживая и вытирая мутную слезу, катившуюся из глаз. – Я без тебя жить не смогу.

И рассказывал уже в сотый раз, какая Эсфирь была красавица, как оборачивались мужчины ей вслед, как бешено заколотилось его сердце при виде ее рыжих кудрей и легкой фигурки. И как он понял мгновенно и бесповоротно, что Эсфирь – его судьба, и женился, несмотря на недовольство матери:

– К чему тебе эта бедная провинциалка без образования? Вон посмотри, какие девушки у тебя в институте, из хороших петербургских семей...

И как ни разу не пожалел, что ослушался маму...

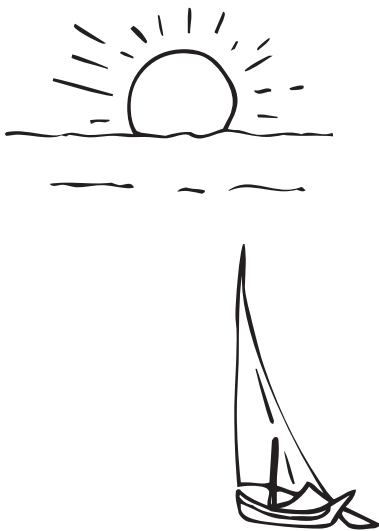
Этка умерла легко – во сне, просто заснула и не проснулась утром, как будто Бог услышал ее молитвы и таки дал ей быструю и легкую смерть. Ненадолго пережил ее и Яша, чья преданная, накрепко привязанная душа не захотела больше оставаться на грешной земле, а попросила забрать ее туда в райские кущи, за невозвратный горизонт – к его любимой жене, где они опять будут вместе.

– Назовите правнучку Эсфирь, – попросил он сына перед смертью.

И когда я приезжаю к своим родственникам в Калифорнию, и гуляю по берегу океана с рыжекудрой и синеглазой Эсфирь, своей троюродной сестрой, озорной и веселой шестнадцатилетней девчонкой, до краев наполненной молодой радостью, то думаю, что она удивительно похожа на свою прабабку.

И под усталый крик чаек и плеск волн, обращаясь к вечному океану, прошу у Бога счастливой жизни.

Счастливой жизни... Для нас, для всех.

Татьяна ПАЛАТНИК Штутгарт

Татьяна Палатник родом с Северного Кавказа, училась в московском МИХМе, окончила Кёльнский университет. По специальности инженер-экономист со специализацией в информатике. С 1996 года живёт в Германии, работает менеджером по транспортной логистике в автопроме. Интересы: путешествия, религия, наука, космос, литература, история, автомобили, информационные технологии, сноубординг...

Татьяна – автор нескольких рассказов о многообразии человеческих отношений в необычных условиях. Её герои могут находиться на космическом корабле, команда которого потеряла цель своей миссии; в магазине, где покупаются самые заветные желания; в обстановке постоянной угрозы со стороны неведомого врага или, как в представленном сочинении, во Тьме, сковавшей Египет во время предпоследней казни. Автор приоткрывает читателю потайную дверь во внутренний мир своих героев, их мысли, чувства и мироощущение.

ЕГИПЕТСКАЯ ТЬМА

(Рассказ вошёл в роман Константина Консона «Корах»)

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город».

М.А.Булгаков, «Мастер и Маргарита»

«И сказал Господь Моше: Прости руку твою к небесам, и будет тьма на земле Мицраима, и осязаемой будет тьма».

Шмот (Исход), 10:21

Нилей возвращался со службы домой привычной дорогой. На днях он получил повышение, сулящее ему стремительный карьерный рост при дворе фараона. В ближайшем будущем он надеялся войти в состав личной охраны Рамзеса Великого. Отец Нилея гордился бы своим первенцем, вои-

ном в пятом поколении, пошедшим по стопам своих славных предков, но добившегося своего высокого положения самостоятельно. Он и сам был горд собой. Но новая должность требовала от него ещё больших усилий, чем прежде, и он чувствовал, как усталость накопилась за последние дни. Да и возраст всё-таки давал о себе знать.

Вопреки обыкновению, в этот раз он решил пройтись до дома пешком, возвращаясь раньше обычного. Благо от дворца фараона было недалеко. И хотя солнце стояло ещё высоко, всё вокруг выглядело каким-то уныло безликим, краски померкли, и перед глазами будто встала серая пелена. Нилей списал это на переутомление. «Надо бы лечь сегодня пораньше и выспаться, наконец, как следует», – решил он. Но какая-то смутная тревога овладела его сердцем. Что-то изменилось, но пока он не мог понять, что именно. Казалось, это был сам воздух.

Он остановился, оглядевшись по сторонам. На улицах было непривычно пусто, но не это насторожило его. Было что-то ещё, что-то необъяснимое. Он прислушался. На него навалилась ни с чем не сравнимая абсолютно мертвая тишина. Будто сама природа затаила дыхание в ожидании чего-то. Ни звука: ни голоса, ни шороха, ни скрипа... Он почти уже ощущал эту тишину физически. «Быть может я оглох?» – промелькнула в голове ужасающая мысль. Ничто не могло так напугать отважного воина, как собственное увечье, способное поставить крест на его карьере. Тревожный возглас вырвался у него из уст, и... тут же вздох облегчения. Нет, со слухом всё в порядке. Тогда что же происходит?

Египтянин направил свой взор к небу. Его обычно ярко-голубой цвет теперь тоже приобрёл невзрачный серый оттенок, сквозь туманную пелену которого, пробивался потемневший, будто выпачкавшийся в золе, диск солнца.

Нилей поспешил войти в дом.

– Тирия, – позвал он, – вели подать еду, я голоден, как лев, и устал, как вол. Вот и зрение уже подводит меня.

– Ты совсем себя не бережешь, – посочувствовала жена.

– Дети уже спят?

– Да, опять не дождались тебя. Спрашивали, когда ты придёшь. А что я им скажу?

Нилей вздохнул. Ему тоже нечего было сказать в ответ.

За трапезой он всё расспрашивал жену о сегодняшнем дне, не заметила ли она чего-то странного.

– Да вроде нет. Хотя, знаешь, как-то сегодня необычно темно, видимо снова надвигается гроза. Надеюсь, она не будет такой же ужасной, как предыдущая.

Померкли не только краски и звуки, но и еда теперь казалась Нилею безвкусной.

Подкрепившись, он встал из-за стола и подошёл к окну. На месте солнца теперь виднелось размытое едва заметное желтовато-грязное пятно. Воздух помутнел и почти потерял прозрачность. Продолжало стремительно темнеть. Неужели Ра уступил свое царство ненасытному Апофису, пожирателю света?

С замиранием сердца бесстрашный воин наблюдал, как среди бела дня сгущается тьма и накрывает собой весь город. До Нилея донёлся протяжный и жалобный вой соседской собаки. Всё смешалось в чёрном хаосе, краски, запахи и звуки. Мрак, какого ещё не видывал Египет, беспощадно наступал, сгущаясь и стирая очертания великих пирамид, дворца фараона, домов, людей и животных. Будто чёрная бездна разверзлась над истерзанной землей, погребая под собой всё живое и неживое. Погас последний огонёк, и наступила ночь.

***

Проснувшись в своей постели, Нилей долго не мог понять, лежит он с открытыми или закрытыми глазами. Он то тарачил их до боли в веках, то жмурился и снова тарачил, но всё

без толку. Не имело никакого значения, открыты глаза или нет, его окружала всё та же непроглядная тьма.

Который час? Разве не пора большому светилу начать свой привычный круг по небосводу?

Привстав на кровати, он вытянул перед собой руку, с ужасом ощутив, что она будто слилась с окружающей чернотой. Он больше не чувствовал границ своего тела, будто оно ему во все не принадлежало, а растворившись во мраке, расплылось по всему пространству бесплотным нечто.

– Тирия, – услышал он свой хриплый приглушенный голос, словно вырвавшийся из глубокого колодца и с трудом прорезавший пространство.

– Тирия, – позвал он снова, не услышав ответа.

– Нилей? – неуверенно отозвалась жена. – Где ты?

– Я здесь, – так же неуверенно, будто сам забыл, что значит «здесь», ответил ей муж. – Иди на голос.

И он вытянул вперед то, что ещё недавно считал своими руками, безнадежно шаря в пустоте. Наконец он почувствовал едва уловимое касание похолодевших от страха пальцев женщины и схватился за них, как за спасительный пруттик. Притянув к себе, он обнял супругу, и они стояли так молча некоторое время.

– А что, у нас не осталось больше масла и свечей, – прервал наконец молчание хозяин дома.

– Я зажгла все, что было, но от них нет никакого толку, – всхлипнула она.

– Как это? Они не горят?

– Горят, но ничего не освещают. Лишь в домах у иврим светятся окна. Это похоже на какой-то заговор.

– Опять эти проклятые евреи! – процедил сквозь зубы Нилей. Все беды, обрушившиеся на нас, обходят их стороной.

***

В постоянной кромешной тьме стерлось всякое чувство времени: минуты незаметно сливались в часы, часы растяги-

вались в дни, а дни, казалось, превращались в бесконечность. Будто само время потерялось в темноте, передвигаясь неуверенно на ощупь, то замедляя, то ускоряя шаг. Никто не мог сказать наверняка, сколько воды утекло с тех пор в Ниле, как Апофис поглотил Ра и погасло солнце Египта.

Нилей снова забылся тяжелым сном. Когда сознание вновь вернулось в его брненное тело, он долго не решался открыть глаза, опасаясь, что вокруг всё-та же непроглядная тьма, только теперь вдобавок ко всему, он чувствовал ещё и какую-то необъяснимую тяжесть по всему телу, будто воздух вокруг стал тяжелее. Он с трудом разомкнул веки и попытался встать, но это оказалось не так-то просто. Попробуй подняться со дна океана, находясь под громадной толщей воды, там, куда ещё не добирался ни один даже самый настойчивый лучик света. Грудную клетку сдавило, стало почти невозможно дышать. Густая и вязкая субстанция обжигала горло и лёгкие при каждом вдохе и выдохе. Приложив невероятные усилия, Нилей всё-таки поднялся с кровати. Он двигался невероятно медленно, словно в каком-то киселе...

... слышался шорох и скрип открывающейся двери. Затем чьи-то шаги и едва различимый деревянный стук, будто кто-то что-то искал. Затем всё стихло. Это, наверняка, опять кто-то из иврим. Только их каким-то непостижимым образом не коснулась эта напасть.

Сколько это все еще продлится и как далеко зайдет? Мысли путались, страх сковывал сердце. Неужели темнота будет вечной?

Будто отзываясь на его мысли, перед взором Нилея вдруг возник полупризрачный огонёк света. Нилей впился в него взглядом, боясь, что тот исчезнет, стоит ему только моргнуть, если, конечно, он ещё в состоянии это сделать. Огонёк стал немного ярче, и от него повеяло теплом. Нилею безудержно захотелось прикоснуться к нему. Его рука будто сама медлен-

но потянулась к крохотному источнику жизни, собрав остаток сил... А может, ему это только кажется? Может, это его воспалённый разум рисует заветные картинки, выдавая желаемое за действительное? Горькая слеза, пробившаяся наружу, застыла на щеке, словно янтарь...

Внезапно Нилей почувствовал прикосновение холодной влаги к своим губам, только сейчас осознав, насколько сильно его мучила жажда. За всем происходящим он не обратил на нее внимания, но теперь жадно припал к невесте откуда взявшейся кружке. Он взахлеб втягивал в себя живительную жидкость, кажется, в жизни не пил ничего вкуснее, не обращая внимания на струйки, стекающие по углам рта. На мгновение ему показалось, что он видит перед собой незнакомца, чья рука так услужливо поднесла ему эту чашу. Но также внезапно, как и появился, незнакомец исчез вместе с чашкой, и, если бы не удовлетворенное чувство жажды, Нилей бы начал сомневаться в здравии своего рассудка.

Оставшись в одиночестве, Нилей снова погрузился в тяжёлую задумчивость, но мысли не слушались его, ему никак не удавалось сконцентрироваться хотя бы на одной из них. Они растекались мелкими ручейками и исчезали, растворяясь в пустоте. Пространство и время перестали существовать. Нилей впал в оцепенение и сам стал пустотой...

***

Когда сквозь время и пространство, возродившихся вновь, стали постепенно проступать сначала неясные, а потом всё более четкие очертания окружающих предметов, Нилей обнаружил себя лежащим на полу в нелепой беспомощной позе. Сколько времени он был без сознания? И что вообще произошло? Внезапно он вскочил. Откуда только взялись силы? Он вспомнил всё и бросился по дому в поисках домочадцев.

В одной из комнат он застал жену и детей, сидящих в объятиях друг друга. Замерев на мгновение у порога и не веря своим глазам, Нилей бросился обнимать родных так, как будто обнимал их в последний раз. Долго никто не мог прийти в себя. Так они и сидели в объятиях друг друга, не в силах сдержать рыданий. Взгляд Нилея невольно упал на окно. Была ночь, самая обыкновенная ночь. Звёзды как ни в чём не бывало невинно подмигивали ему.

Что это было? И было ли вообще? А может просто сон? Бред сумасшедшего? Звёзды продолжали безмолвствовать, равнодушно глядя на него с высоты.

– Теперь все будет хорошо, дорогие мои, – неуверенно проговорил Нилей, пытаясь скрыть волнение в голосе.

– Все будет хорошо.

Светлана КУРАЛЕХ
Донецк

Дебют

Кукла живет и танцует по кругу,
так привязались с актёром друг к другу,
что непонятно, кто водит кого:
куклу – актёр или кукла – его.
Только запутались тонкие нити,
куклы по воздуху ножками бьют,
встали-упали – уж вы извините,
не забывайте, что это – дебют.

Жизнь моя тоже танцует кругами,
не замечаю земли под ногами –
Кто-то за ниточки сверху ведёт,
перемешались паденье и взлёт.
Что-то хотела, куда-то спешила,
ангелы в небе всё ближе поют.
Накуролесила, наворошила...
Боже, прости меня! Это – дебют.

***

Нет, со мною так не надо...
Жизнь моя теперь проста.
У меня одна отрада –
песня с чистого листа.

У тебя одна повадка:
душу мне на части рвать.
У меня одна загадка:
как я буду зимовать.

Что скребут на сердце кошки,
я не стану разглашать.
Мне бы только свет в окошке
через холод продышать.

Родительская суббота

Третий год выживаем. И память храним.
Сколько страха, и крови, и боли...
Я забыла дорогу к могилам родным,
я иду, как по минному полю.

Крест один наклонился, другой – наповал:
не щадили и мёртвых обстрелы.
А родительский памятник наш устоял!
Помолчим. Слава Богу, все целы.

Бывший друг

Хохмач в литературном деле,
любитель шуток на ходу...
Ах, как мы весело гудели,
дудели как – в одну дуду!

Но жизнь – учитель наш суровый
шутливый охладила пыл,
и в друге бывшем облик новый
и незнакомый проступил –

нет-нет, не то чтобы Иудин,
но что-то разделило нас.
Я поняла: стрелять не будет,
а деньги на патроны сдаст.

***

Я – Лошадь, так мне суждено
по гороскопу и на деле,
и на меня давным-давно
узду надёжную надели...

А всё-таки пришла весна:
не то чтобы смирила с болью,
но ослабели стремена,
и вырвалась душа на волю.

Струна гитарная дрожит,
Ровняя выдохи и вдохи.
И вьётся пыль из-под копыт
Неуправляемой эпохи.

Воспоминание о будущем

Не будем ничего загадывать,
давай за горизонт заглядывать.
Там чувство холода и страха
не заглушат молитвы Баха.
Там голубым огнём засветимся
и чистокровными очнёмся...
А если вдруг глазами встретимся,
то никогда не разминёмся.

* * *

Внучке Ксюше

И вдруг мне стало ясно этим летом,
что песенка моя ещё не спета,
и нас с тобой ждёт лодка у причала,
чтоб молодость мою начать сначала.
А ты – душа моя, моя отрада,
за долгое терпение награда.
Блаженны дни Косы Белосарайской,
счастливые картинки жизни райской!
Ах, в памяти ещё не раз проснётся
ночное море, утреннее солнце,
в кафе вечером песня озорная,
твой дикий танец... рыба заливная...
А кисло-сладкий соус с перцем чили,
по-моему, чуть-чуть пе-ре-пер-чи-ли.

Ирина ПОПОВА-БОНДАРЕНКО

Донецк

Ирина Попова-Бондаренко – преподаватель, заведующая кафедрой зарубежной литературы Донецкого национального университета (ДОННУ). Автор ряда научных публикаций по литературе народов зарубежья, теории литературы, иудаике, а также сборника эпиграмм «Филологи тоже смеются».

Октябрьское

Уже в полях разлит покой,
и зайцы, как игрушки,
почти под каждую копной
сидят и кажут ушки.
Но осени опальный Бог
порой блажит, как хочет:
размётывает слабый стог,
листву осин щекочет,
берёт с собою Ветр и Дождь
на псовую охоту,
ему перед зимою тож
потешиться охота –
чтоб гнали Вечер без дорог
господские собаки,
чтоб он трубил в свой дерзкий рог
в лесу и в буераке...

* * *

Так приезжай, дружок, покуда
Мой сельский шлях не развезло,
Покуда зимнею остудой
Не отуманено стекло,
А в доме, как в душе, светло...
Блаженны дни октябрьской лени:
Мы сядем перед камельком
И недостаток впечатлений
Восполним молодым вином.
Ты из окна увидишь сад –
Весь золотой, в багряных прошвах,
И массовый исход дриад
Из гулких недр соседней рощи.

* * *

Другу-стихотворцу

Ты веер раскрываешь голубой,
хитиновых плечей своих изнанку,
мой гость изысканный, мой дачный домовой,
кузнечик мой, хэйанский принц в изгнание.
Уже настали иды октября,
но близ крылечка, средь травы высокой,
чтобы придворной формы не терять,
ты день-деньской вызваниваешь хокку.
И веришь, что отец и господин,
виною лютой и тоской снедаем,
уж за тобой отправил паланкин
в сопровожденье верных самураев...
Но смута во дворце. Там брат на брата
поднял клинок и прёрвал жизни нить,
и солнце – твой отец и император –
от слёз не в силах веки разлепить.

* * *

С утра снежок посыпал
на поздний хлорофилл,
неправильный артикул
на осень наклеил.
Заснеженные кудри
у ивы на углу:
камлот, парик и пудра –
как дворник на балу.
В зелёно-белой взвеси
мелькает охры рябь...
Засахаренный месяц
по прозвищу октябрь.
Средь городских просторов,
куда ни кинешь взгляд –
вечерних светофоров
трёхслойный мармелад.
На площади, под елью,
где сумрак ветром пьян,
молочной карамелью
подёрнулся фонтан.
Как будто бы, робея
от грубости земли,
кондитерские феи
на день с небес сошли,
трудились, словно кúли,
пока дадут отбой,
подсахарить пилюлю
невстречи нас с тобой.

* * *

Бывает так: в какое-то мгновение,
октябрьской милостью осыпанная вся,
сияет роща, как стихотворение,
о как ты хороша, душа моя.
У нас с тобой почти одни заботы –

до срока от стыдобы не сгореть.
Осенний ветер, твой критик криворотый,
чтоб разглядеть, спешит тебя раздеть.
Что было таинством, становится проклятьем:
амуры гнёздышки и кущи, где Эрот
нас пригвождал к любовному распятию,
паренью чувств – и грешной страсти пот.
Моя беда с твоей бедой сплетается,
Меж нами нету разницы уже...
Но – роцца, как Годива, обнажается,
А я стою пред всеми в неглиже.

* * *

И удумал же, комаха,
Избяной сверчок простой,
Что, подобно Божьей птахе,
Будет петь в тени лесной.
Поиграл немного в птицу –
И давай в обратный путь:
Без тебя коту не спится
И хозяйке не уснуть.
Стрекотать в траве зелёной
Полно, глупенький сверчок,
Воротись на закопчённый,
На родимый свой шесток,
На наследственный, законный,
Куда мамка привела...
Здесь паук, в тебя влюблённый,
Тихо смотрит из угла.
Сердце мается паучье,
Что сбегает каждый раз,
Потому на всякий случай
Он веревочку припас.

Моисей БОРОДА

Бохум

Родился в 1947 году в Тбилиси. Музыковед, писатель, композитор. В Германии с 1989, когда получил за мои исследования взаимосвязи музыки и речи, общих принципов организации художественного текста стипендию фонда Александра фон Гумбольдта.

Литература: в основном прозаик, несколько стихотворений, которые не стыдно показывать – не в счёт. Пишу на русском, немецком и с недавних пор на грузинском, перевожу художественную прозу с итальянского на русский (Моравиа, Гинзбург, Буццати, Бетти, и др. – всё XX век). Некоторые рассказы написаны по-немецки, потом «переписаны на русский», некоторые – наоборот. Шесть книг, пятая вышла в издательстве «СТЕЛЛА», шестая – сборник немецких рассказов – в Verlag Koeningshausen & Neumann. Член Международной гильдии писателей (МГП) практически со дня основания, член Союза Писателей Грузии. С Грузией постоянная связь. При активной поддержке руководителя МГП Лады Баумгартен и Председателя СП Грузии Маквалы Гонашвили мы организовали три совместных литературных фестиваля.

Музыка: произведения малой формы для различных инструментов, вокальная музыка. Исполнения в концертах, на радио.

Премии и звания: Литературные премии им. Акакия Церетели и Иванэ Мачабели; почётные звания «Посланник грузинской культуры» и др.; почётные звания МГП.

ТРИ ТАНЦА ЖАР-ПТИЦЫ

Однажды – так, по крайней мере, рассказывают – к известному композитору Ш. прилетела Жар-Птица.

Было это жарким июльским днём, все окна в квартире были открыты – так что откуда, из какого окна она влетела, было неясно. Да и потом, Ш., с головой ушедший в работу – он как раз заканчивал правку своего первого фортепианного трио – так вот, Ш. появление непрошеной гостьи некоторое время не замечал.

Но потом он, как-то вдруг почувствовав, что в комнате, кроме него, рояля, стола и стульев, ещё кто-то или что-то есть, поднял от партитуры голову – и увидел, что перед ним стоит ну самая что ни на есть настоящая Жар-Птица – именно такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать: в сверкающем всеми цветами радуги оперении, с длинными, в меру тонкими ногами, обутыми – ну, тут уж совсем, правда, на человеческий манер – в белые атласные туфельки. А главное – с совершенно ангельским, не лишённым, однако, живости и даже дерзости во взгляде женским лицом.

В первое мгновение Ш. – ну, не то чтобы опешил, но немного растерялся, посмотрел на гостью долгим взглядом и поправил для порядка очки.

– Ну чего? – сказала Жар-Птица на чистом русском языке – как ей, впрочем, и полагалось, – не видал, што ли? Жар-Птица и есть! – Голос её был не лишён приятности, хотя и с некоторой дерзункой.

Ш., вообще мало любивший, чтобы ему во время работы мешали, хотел было уже спросить гостью, что ей здесь собственно надо и кто она вообще такая, но быстро передумал. Время было шаткое, и непрощенные гости могли появиться в любое время дня и ночи. Правда, входили они обычно через дверь, а перед этим даже и звонили в звонок, но это были, конечно, детали. Новая власть была на выдумки хитра, фантазии для ночных и дневных визитов к людям у неё хватало, и попасть с ней впросак было плёвое дело. Да и потом: что-то в этой необычной гостье – Жар-Птица она или нет – было.

Между тем Жар-Птица прошла лёгкой, танцующей, немного развинченной походкой от рояля, где её взгляд Ш. застал, к окну, потом таким же манером обратно, потом, облокотясь о крышку рояля, обвела медленным взглядом комнату и, слегка растягивая слова, произнесла:

– Нда-а-а, а денъжат-то у тебя, видать, не густо, голубь! А?

Ш., совершенно ошеломлённый вопросом, неизвестно откуда взявшимся знанием о его финансовых средствах, а главное – этим развязным «голубь», не ответил ничего.

А Жар-Птица – то ли ободрённая впечатлением, которое её реплика произвела, то ли продолжая свою мысль, ещё раз обвела глазами комнату, посмотрела на Ш. особенным взглядом и сказала:

– И хоромы у тебя не тово... не очень. Бедные хоромы-то... Нето, што у Игорь Фёдорыча, – протянула она и заговорщически Ш. подмигнула.

Ш., к этому времени уже поняв, что так просто выставить гостью за дверь не удастся, и, с другой стороны, сильно задетый замечанием о хоромых, спросил запальчиво:

– Это какого же Игорь Фёдорыча?

Но Жар-Птицу, видимо, не так-то легко было смутить. Тем же самым тоном, слегка то ли растягивая, то ли распевая слова, она сказала:

– Како-ово, како-ово – золото-ово! А и не знаешь будто? Стравинского Игорь Фёдорыча! У него-то хоромы не чета твоим!

– А вы, – Ш. решил ни за что на свете не поддаваться этому «ты» в надежде, что гостья всё-таки обидится и уйдёт, то есть улетит, – а вы, собственно, откуда знаете, какие у «Игорь Фёдорыча», – он передразнил её тон, – хоромы?

– Я-то? – усмехнулась каким-то особенным смешком Жар-Птица. – Я-то уж знаю! Почитай с год у него жила. На всех харчах, между прочим. С полным довольствием!

– Это как же: в птичнике, что ли? – спросил язвительно Ш., которого постепенно начинал злить то ли этот тон, то ли сравнение его с «Игорь Фёдорычем», причём явно не в его, Ш., пользу.

– В птичнике это ты живёшь, голубь! – ответила с распевом Жар-Птица. – А я-то – я-то в доме жила. У Игорь Фёдорыча. Квартиру мне отвели. Из трёх комнат – хошь, как по бульвару, разгуливай! И почитай каждый день в ресторане гуляли. Финьшампань, а то и Клико вдову – слышал, может? – пила! То-то вот! Игорь-то Фёдорыч, хоть и скаред, а знал: меня уважить надо, а то...

– Да за что же? За что уважить-то? – прервал Жар-Птицу Ш., к стыду своему заметив, что уже как-то поддался тону своей гостью, поправился и спросил строго: – Так за что же надо было вас, как вы говорите, уважить?

Но Жар-Птица и бровью не повела.

– А за то самое, голубь, за то самое – произнесла она, явно наслаждаясь тем, что её собеседник-таки не сумел поставить её на место. – Ты што же думаешь: Игорь Фёдорыч Жар-Птицу свою с головы взял, што ли? Или с курицы, может, списал? – она вызывающе усмехнулась. – Не-ет, голубь, это я ему всё показала! Все танцы, как оно, значит, у нас, у Жар-Птиц, то есть, бывает. А он всё потом только на музыку переключивал. Так-то! А то стал бы он меня у себя дома держать, по Парижам возить, кошель свой развязывать – как же! Ещё и уговаривал меня всякий раз, штоб станцевала ему, и ждал, пока у меня настроение придёт перед ним танцевать-то!

И то сказать: мужичонка он, конечно, так себе, кушный, даром што денег куры не клюют, и все ему кланяются. Ты-то, голубь, поинтересней его будешь! – и она улыбнулась Ш.-у такой вызывающей улыбкой, что у него засосало под ложечкой.

И вдруг без всякого перехода сказала: – Присяду, я што ли? Стоишь тут стоишь, а ты б хотя стул предложил! Эх ты, голубь! Неопытный, видать, ещё! – и, пододвинув стул, села, положив ногу на ногу.

Потом она опять обвела глазами комнату, посмотрела на раскрытый рояль и сказала:

– А хошь, музыку тебя писать научу? Не хуже будешь, чем Игорь Фёдорыч, а? Я ведь у него мно-о-огому научилась – даром што Жар-Птица!

Ш. от такой наглости совершенно опешил и пролепетал в ответ что-то вроде того, что он в некотором смысле тоже композитор и...

Но тут Жар-Птица его бесцеремонно перебила: «Ну, ежели композитор, то сыграй мне чего-нибудь. А то ску-у-ушно мне с тобой как-то стало! А я скуку смерть как не люблю...»

Ш., в котором странно смешались желание понравиться госте, доказать ей, что он не хуже её «Игорь Фёдорыча», и желание каким-нибудь образом, но возможно поскорее от неё избавиться, сел за рояль и начал играть, краешком глаза следя за реакцией гостыи. Но ничего, кроме качания туфелькой – вроде бы в ритме музыки – и тихого мычания не заметил. То ли она подпевала мелодии, то ли что-то своё озвучивала – понять было трудно.

Внезапно Жар-Птица слегка зевнула: «А ничего, хорошо, нравится мне даже. А всё ж до Игорь Фёдорыча...», – она не договорила.

Ш. почувствовал, что, если он ещё раз услышит про Игорь Фёдорыча, он схватит первую попавшуюся из лежащих на рояле партитур и даст своей госте этой партитурой по голове. Он перевёл глаза на то место, где лежали партитуры, и увидел, что сверху лежала «Весна священная» – вполне подходящий по весу том.

Жар-Птица, как будто что-то почувствовав, сказала вдруг мирным тоном: «Ну это ты чего? Никак обиделся? Поскучнел сразу. Экие вы все, композиторы: одному то не скажи, другому это... Ну хошь, развеселю тебя чем – ну вот даже и станцевать тебе могу. А?»

– Это что, из репертуара Игорь Фёдорыча? – язвительно спросил Ш.

– Да оставь ты Игорь Фёдорыча в покое! – ответила раздражённо Жар-Птица. – Экие вы все право! Он сам по себе, ты сам по себе. Ну, да ладно... – она перевела взгляд на свою туфельку и, помедлив, спросила: – Так танцевать мне или чего?.. А то ведь и просто улететь могу: мне это раз-два! – добавила она обиженно.

– Да, да, потанцуйте, конечно! – ответил Ш., которому стало вдруг неудобно за свой тон, а особенно за только что возникшее желание прихлопнуть гостью «Весной священной». – Конечно. Буду очень рад.

– Ну што ж, рад так рад, – сказала Жар-Птица, которой, по всему видно, очень хотелось себя показать. – А подыграть мне сможешь?

Не дожидаясь ответа, она встала со стула и попыталась отодвинуть его ногой в сторону, чтобы не мешал. Ш. подскочил, взял стул, поставил его на место – и тут впервые увидел лицо своей гостью так близко.

Чёрт побери: она была на диво хороша! Особенно прекрасны были огромные зелёные, опушённые длинными ресницами глаза. И надо же было ей уродиться Жар-Птицей!

– Ну спасибо голубь. Услужил! – сказала Жар-Птица, от которой не укрылось произведенное ею впечатление. – А то всё сидишь, сидишь... И давай начнём, пожалуй, а то время вроде – она посмотрела на стенные часы – к заходу солнца идёт. А я после захода солнца не танцую.

Ш. сел за рояль – и тут началось!

Жар-Птица вдруг взметнулась ввысь и распустила хвост, сверкнувший в лучах проникавшего в комнату солнца тысячу изумрудов, потом, медленно опустившись на пол, повела плечами и поплыла, почти не касаясь пола, потом закрутилась с возрастающей быстротой, при каждом движении открывая всё новую и новую игру красок.

Ш., в первые секунды ошеломлённый бешеным темпом, довольно быстро нащупал ритм и с удовольствием увидел, что его музыка поспекает за этими волшебными превращениями...

Внезапно Жар-Птица остановилась, как будто в ней кончился какой-то завод, опёрлась, переводя дух, о крышку рояля и сказала, как выдохнула:

– Хух-х-х, утомилась я! Мне б лимонаду сейчас – у тебя нету, небось?

– Есть, вот лимонад как раз есть, сию минуту принесу. Тепловатый, правда, – ответил поспешно Ш., ещё под впечатлением танца и своей внезапно возникшей музыки.

Он принёс бутылку лимонада, стаканы, поискал, куда это всё поставить, не нашёл, поставил один стакан на рояль, а в другой, глядя Жар-Птице в глаза, стал наливать из бутылки лимонад.

– Ты гляди не пролей, голубь, – медленно произнесла Жар-Птица и усмехнулась. – А то жена заругает. Или не женат ещё? – тон её сделался каким-то уж совсем вызывающим.

Но странно: на этот раз ни «голубь», ни эта раскованная вызывающая усмешечка гости не казались уже Ш. неприятными. Наоборот, всё, каким-то образом объединившись с его только что отзвучавшей музыкой, с танцем Жар-Птицы, вдруг составилось в одну гармоничную картину...

...Нет, нет, свою новую музыку он, конечно, не забудет: музыкальной памятью его точно бог не обидел, не зря ею Глазунов восхищался...

Но ему вдруг захотелось, чтобы его гостья осталась бы подольше – со всеми её странностями, с этим самым «голубем» и даже с «Игорь Фёдорычем». Будет жаль, если она сейчас уйдёт – ну, или улетит – не всё ли равно. А на то, кажется, похоже...

Видимо мысли эти отразились-таки на выражении его лица, потому что Жар-Птица вдруг спросила:

– Чего это ты опять поскущел, а? Ну, улыбнись же улыбнись, чего там? Польза, што ли, тебе какая от печали? Играть, однако, ты мастак. Это уж точно! – добавила она без всякого перехода. – И под музыку твою мне хорошо танцевалось. Ну ка, давай ещё раз!

Она протанцевала ещё, а потом ещё раз, показывая всё новые и новые пируэты – то бешено вертась, то подлетая к потолку и внезапно на лету распуская хвост, то вдруг почти застывая в каком-то трансе. Потом, так же, как и в первый раз, она внезапно прервала танец, облокотилась о крышку рояля и совершенно обессиленным голосом сказала:

– Ну всё, голубь, уходилась я. А и тебе отдохнуть надо – сколько музыки насочинял! Голова-то своя, не казённая, её беречь надо. Нервы опять же... Я постою вот так – ну, или лучше стул мне дай, посижу – минут пять-десять, в себя приду. А потом, – она усмехнулась и посмотрела Ш. в глаза, – мне назад лететь надо».

– Может быть, останетесь? – нерешительно произнёс Ш., совершенно выведенный из себя этим взглядом, раздираясь

между желанием задержать гостью и желанием поскорее записать только что возникшую музыку. – Может быть, в самом деле, останетесь? – повторил он неуверенно.

– Угу, – произнесла Жар-Птица с прежней лёгкой развязностью в тоне. – Может, ещё с женой познакомишь. То-то она обрадуется!.. Или – чего это я? – ты ж не женатый ещё... Ну женатый-неженатый – это мне без разницы. – Она помедлила. – Нет уж, милый, мне лететь надо, а тебе – здесь оставаться.

Она встала со стула, лёгким движением расправила крылья, потом медленно отделилась от пола и, всплыв вверх, перепорхнула на подоконник и уже оттуда сказала:

– А ты того... ничего... хорошую для меня музыку сочинил. Пожалуй, получше Игорь Фёдоровича будешь... – и, чуть помедлив, добавила: – А уж покрасивей и подобнее точно. Прощай, голубь, не поминай лихом. Может, когда и прилечу к тебе! – с этими словами она взмахнула крыльями и исчезла, как будто её никогда и не было.

В комнате остался запах каких-то тонких духов – впрочем, может быть, это Ш., в памяти которого ещё колыхался взгляд опушённых длинными ресницами зелёных глаз, только показалось.

Но так или иначе – он был свободен и мог записать свою только что возникшую музыку – чёрт возьми, он действительно помнил её от первой до последней ноты! Он медленно пошёл к столу, сел и стал записывать.

***

...Ну и странная же история! И что это за «Три Танца Жар-Птицы» за такие, откуда их автор выкопал? Ни у какого Ш. этих самых танцев Жар-Птицы и в помине нет.

Впрочем, некоторые говорят, будто бы это вовсе не «Три Танца Жар-Птицы» какого-то неизвестного Ш., а «Три фантастических танца» Шостаковича...

Ну, это уж, кажется, и вовсе чушь!

Татьяна ШЛЕВА

Эссен

Стихи последних лет

Ночь в госпитале

Ах, больница, белый дом-кранкенхаус¹,
В плоти – огненная боль, в сердце – хаос.
Прежней жизни перелом – испытанье,
Чьим-то когтем иль пером – начертанье...
И не только мне одной – поэтессе,
Нынче целый мир – во зле и в эксцессе...
Всё болит и всё кричит: – Дайте капель!
Датских капель! Если нет, дайте скальпель!
Тонкой вены лабиринт полон света, –
Это жизни алый свет, свет кометы.
У раскрытого окна бьётся птица
Чайка-ласточка – надежды частица.

Сентябрь 2023 – Müllheim

***

Когда смотрю во тьму – черна и глубока,
В ней сонмы ярких звёзд, и нет конца им!
И среди них одна – светла и далека,
Так далека, что лишь едва мерцает...
В раздоре голосов земного бытия
Где хрупко всё, как тонкий абрис блюда,
Мне слышен тайный глас:
– Тянись! Звезда – твоя!
И рядом с ним другой: – Не дотянуться!..

---

¹ Кранкенхаус (нем. Krankenhaus) – больница, госпиталь, клиника.

* * *

Иону Строе

Мой брат! Надежда больше не вольна...
Грядут, мой брат, лихие времена!
За окнами – у каждого окна –
Взрастают чёрной злобы семена.
О, не стремись, о, не смотри туда,
Где чёрная беснуется беда,
И накрывает чёрная вода
И чёлн, и дом, и душу – навсегда...
Всё перепуталось: челны и берега,
Черным-черны и души, и снега...
Не выходи из комнаты, мой брат!
Окно – черно. – Малевича квадрат.

Друзья такие...

Друзья – такие, с кем врагов не надо,
Друзья – до ада и до камнепада,
Участливо манящие меня
В капканы преисподнего огня.
Друзья, кому милей навет и зависть,
Раздора и беды кромешной завязь,
Как чёрт от ладана, бегущие меня
В азартном искушении менял.
Пусть ранили, пусть вовсе развенчали –
Не выкажу обиды и печали...
Друзей, меня предавших, имена
Благословлю в лихие времена.

* * *

Сирени распустившаяся ветка
В прозрачной склянке тонкого стекла
Свежо, бескомпромиссно и приветно –
На радость мне – жила, была, цвела.
Душистая, наивная, живая,
Как кружево, крахмальна и бела...
Смотрела я, себя в ней узнавая:
Сирени ветка в хрупкости стекла.

* * *

Ты, сердце, мой заснеженный подснежник
На рурском – (не на русском...) – берегу,
Несу тебя и бережно, и нежно –
От ледяных осколков берегу.

* * *

...когда идёт гражданская война,
тогда любви и дружбе – грош цена
и намертво вражды сомкнётся круг,
где порешит меня мой лучший друг
кто прав? – а правда больше не нужна,
когда идёт гражданская война...

Из цикла «Пьеро печальные напевы»

Адамó шепчет: «Tombe la neige...»,
Голос нежный кружит в вышине,
И снежинки кружат над манежем,
Словно знаки, что посланы мне...
На пути моём – Чёрная речка,
На душе моей – чёрный тюльпан,
На коне – золотая уздечка,
Под конём – чёрный дым и туман.
Конь лихой, удалой, беспримерный,
Конь, как чёрная ночь, вороной,
Друг надёжный, единственный, верный,
Не прощайся – до срока – со мной!

Анна ЦВАФ

Меттман

АПОСТОЛ ИОАНН

27 декабря первого века нашей эры. Город Эфес.

Апостол Иоанн спокойно вынес оскорбления, которые здесь, в храме Артемиды, выкрикивали поклонники богини. Он не станет приносить ей жертвы ни в коем случае, каким бы жестоким ни было принуждение. Он проповедовал на празднике учение Иисуса Христа, своего учителя и друга, так пусть же все подивятся на истинную веру.

Крики возмущения нарастали. Верховный жрец храма Аристодем поднял жезл, подождал, пока наступит тишина.

– Пришлый! Если ты сейчас откажешься от выполнения священного обряда, то ты должен будешь выпить змеиного яда из чаши. Ты сам своими глазами видел, что два человека, не подчинившиеся нам, скончались от этого яда. Вот их тела лежат перед тобой. Итак, каково твоё решение? Поможет ли тебе твой Иисус? Он и себе-то не мог помочь – его распяли на кресте. В храме есть свидетели, что он умер и был пронзён копьём. Он мёртв! И ты будешь мёртв, так же, как и твой наставник!

Толпа заколыхалась от смеха. Стоящий рядом с Иоанном муж в богатом одеянии, поблескивая дорогими кольцами, весело подмигнул апостолу.

Нет! Мой Господь жив! – громко крикнул Иоанн.

Он потянулся к чаше с ядом, которую ему тотчас подал слуга. Иоанн перекрестил чашу, и лёгкий пар в виде змеи поднялся над ней и уплыл наверх к высоким сводам храма. Люди затихли и с любопытством смотрели на странного человека, смеявшего перечить и прямо стоявшего перед верховным жрецом.

Иоанн поднёс чашу к губам и выпил содержимое до последней капли. Он остался стоять, глаза его блестели победным блеском. Апостол наклонился к двум мёртвым, лежащим на твёрдо утоптанной земле храма, накрыл их своим плащом и произнёс:

– Именем Господа Иисуса Христа встаньте и идите!

Толпа замерла. Оба человека зашевелились, открыли глаза и с удивлением осмотрелись.

– Где я? – спросил один из них.

Другой сказал:

– Ради Христа я выпил яд, но Господь вернул меня снова сюда. Значит, я нужен тут и буду служить Ему верно, насколько хватит моих сил.

Народ упал на колени и стал молиться. Но вместо имени Артемиды слышалось имя Иисуса.

Верховный жрец Аристодем властно повелел:

– С этого дня служба в храме будет прославлять имя Иисуса Христа. А в увековечение памяти об этом чуде в этот день ежегодно служители будут благословлять вино и раздавать его людям. – Потом он повернулся к Иоанну. – А теперь расскажи нам подробно о христовой вере. Мы слушаем тебя, апостол!

В наше время в некоторых регионах Германии до сих пор 27 декабря в католических церквях священники благословляют вино, которое они приготовили для верующих, и то вино, что принесли люди в этот день с собой на службу для освящения. Многие уже не имеют никакого понятия о происхождении этого обычая, но некоторые ещё помнят старинное предание, пришедшее к нам сквозь два тысячелетия.

Сергей ЗУБКОВ
Хайдельберг

* * *

уставши от жизни сутулиться
лежал на остывшей печи
не хуже Илюшеньки Муромца
пустыня кричи – не кричи

я сэндвичи делал горячие
и в школу детей собирал
но вдруг меня стукнули мячики
которые я целовал

любимая нежная верная
шагнула из тёплых глубин
была она самая первая
а я целоваться любил

считай полстолетья потрачено
уж многие в дальнем краю
всю жизнь пережитую начерно
теперь я зачем-то корю

но духом наполнившись рыцарским
стараюсь поглубже вздохнуть
и ляжкой на лифчике ситцевом
с тобою продолжить свой путь

* * *

Я забегу к тебе, не сняв плаща,
достану флягу – счастье наших буден:
давай, родная, поедим борща
и всё плохое на двоих забудем!

Мы вместе – это значит – грохот стих,
нам наши боги снова подмигнули...
Всё ещё будет... как и этот стих,
нечаянно написанный в июле.

* * *

надоело дурью мучиться
надоело мне молчать
на полшишки не получится
эту глыбу раскатать
и чеченов беззастенчивых
для войны не наберёшь
всех уже не перевешаешь
всех уже не перебеёшь
ну а самое-то главное
не победа или месть
войско вражеское славное
видно сами мы и есть
после Каина и Авеля
повторится много раз
эта горькая баталия
эта истина про нас...

* * *

Сколько было встреч хороших, повседневных и случайных, только помнится мне больше не бутылочка и чайник, не солёный огуречик и кусочек сала с хлебом, а сердечный человек, что живёт под этим небом...

Дина ДРОНФОРТ

Франкфурт-на-Майне

Дина Дронфорт (1963, Москва) – поэт, культуртрежер, куратор литературного проекта «Невод». Родилась и выросла в подмосковном Томилино, окончила московский Лесгпром по специальности конструктор. С начала 90-х годов живет в Германии. По профессии IT-специалист, свободное время отдает литературе и фотографии.

Публикуется в ежегодной «Антологии поэзии русского зарубежья» издательства «Алетейя» (СПб.), альманахах «Эмигрантская Лира», «45-я параллель», «Белый ворон», в «Литературной газете», в журналах «Крестьянин», «Русская мысль», «Техтура». В 2009 году опубликовала книгу лирики «Огонь в ладонях». Готовится к выпуску новый поэтический сборник.

Тишина Фатерштеттена

Громогласие Мюнхена тонет в цикадах предместий,
благослепны герани балконов, причудны дороги.
Не добраться до этой глуши ничему, кроме вести
о рождённом от девы, распятом, но признанном Боге.

На душе тишина – ни салюта, ни птичьего солнца,
не рокошет лавина, молчат законные слёзы.
Горизонт между белым и чёрным сегодня не рвётся,
пара мушек-машин по ландшафту, и те безголосы.

Все вопросы поставлены, выданы впрок все ответы.
Растворяясь в тиши, утихают порывы и страсти.
Так приходит к смирению каждый когда-то и где-то,
осознав, что ни в чём,

даже в собственной смерти,
не властен.

Амстердам

Давай с тобой отменим все уставы,
забудем всё про всё, что наизусть –
инстинкты, веры, мнения и нравы.
Несладок дым Голландии! Но пусть
качает баржи Эй на мелком рейде,
горчит в промозгом воздухе листва.
Послушай: чайка тоже морем бредит,
запретного отведав волшебства.

Под вечер рыбный ветер тла и тлена
ущельем улиц пугано ведёт.
Старуха, независима, согбенна –
сама Европа! – мёрзнет у ворот.
Над кружками домов сбегает пеной
игривое барокко старых крыш.
Смотри: цветную рябь огней таверны
несёт в кольцо моста...

Но ты молчишь...

Далёкий, незнакомый, безответный,
тебе милей немые витражи.
Ладони студит камень парапета
и небо тихой моросью дрожит.

Пора. Пора! Уходит время по течению.
Дай руку! На холсте сырой стены
оставим Амстердаму наши тени,
невинным озорством обручены.

Рыцарь-клён

Ревнивец милый, хлопотливый клён,
полой ещё шумящей летом робы
укрой меня – на страже испокон –
от сентябрей, случайных и недобрых.

Вот-вот октябрь, пришлый мокровей,
сорвёт зелёный плащ, оставив немо
чернеть ноябрьской готикой ветвей
на ясном и сыром картоне неба.

Не ведая пока, что обречён
на небыль декабря без прав и власти,
мой рыцарь-клён, ты споришь горячо,
за нас двоих с нагрянувшим ненастьем.

СНЫ

Для России заблудшие пасынки,
а чужбиной любимы займы –
лжём и верим в свои же побасенки
о привольном житье.

Но у тьмы
есть права предъявлять непрожитое,
недосбывшееся... Эти сны
нам сорочками, саваном шитыми,
по ночам холодны и тесны.

Лунет

«Луна, одетая барсучьими мехами...»

Б. Левит-Броун

Пииты, кто не пел из вас Луне?
Кому она, внимая благосклонно,
под утро поспешая с небосклона,
не обещалась нежно в тишине
ещё вернуться под небесный кров
и, устлая горний путь стихами,
взойти вдвоём на ложе облаков –
жеманница, одетая мехами...
Но завтра истомлённый лик её
дуэнья-туча кроет кружевами,
напрасны стихословий фимиамы
и лирики прискучило нитьё.
Капризно бросив пару строк и мне,
смежает дива око в вышине.

Поэт России

Француз слагает песнь французской булке
и плошкам, неумытым со вчера,
огням кафе в дождливом переулке
и дыму сигареты до утра.

У немца мирно тикают по кругу
стихи без слов. Он всю неделю ждёт,
как чинную немецкую подругу
воскресным утром в церковь поведёт.

Испанца волоокая девица
бросает из седла в чечётку слов.
Такое скандинаву только снится
и верится, что это про любовь.

А наш славянский царь лесов и топей
какой виной извечной виноват?
В похмелье битвы истин и утопий
то рушит небо и возводит ад,
то заново мостит ступени строчек,
полночным часом верует в рассвет,
клянёт, благословляет и пророчит –
тобой живет, Россия, твой поэт!

По диким # сетям Интернета...

Сетевую литературу принято поругивать, и есть за что. Но иногда в Интернете случаются и симпатичные находки, как у Оксаны Коваленко – актуальные для этого года стихи про драконов или любопытные попытки поэтического отклика на чужие стихи, как «Созвучия» Сергея Зубкова... Я, составитель, в свою очередь частенько копирую в особую папочку произведения из Фейсбука, которыми непреодолимо тянет поделиться с вами, уважаемые читатели. Например, вот этими:

Марк ШЕХТМАН

Русские книги в Израиле

Что морочить вам голову сказками или интрижками,
Если рядом сюжет очень горестный и настоящий?
У подъездов в Израиле ящики с русскими книжками,
Будто траурный знак, появляются чаще и чаще.

Через Чехию, Венгрию, Австрию и Адриатику
Мы за взятки везли, превышая пределы загрузки,
Философию, физику, химию и математику,
Блока, Бунина, Чехова – всё, как понятно, по-русски.

Цену мы себе знали и были не глупыми вроде бы,
Но как много углов оказалось в обещанном круге...
И не шибко счастливые на исторической родине,
Русским словом спасались мы, книгу раскрыв на досуге.

Нанимались на всё, до рассвета вставали в полпятого, –
и за швабру, и лом, и лопату, – а чтоб не дичали,
Поломойка-филолог в уме повторяла Ахматову,
А маляр-математик листал Фихтенгольца¹ ночами.

Мы пробились к владению скальпелем, числами, перьями,
И гортанный язык перестал тяготить, как вериги.
Мы остались собой – мастерами, а не подмастерьями! –
Но состарились люди, а рядом состарились книги...

Нашим детям и внукам иврит уже много привычнее,
Чем их простенький русский,
бесцветный, как стены приюта.

И когда мы уходим, потомки считают приличнее
Ящик с книгами вынести – вдруг пригодятся кому-то.

Я прощенья прошу у любителей слога изящного,
Что безрадостны часто метафоры нового века...
Не считая своих – слава Богу, не сложенных в ящики! –
Этих траурных книг у меня уже – библиотека.

---

¹ Г.М. Фихтенголец – автор популярного в вузах СССР «Курса дифференциального и интегрального исчисления».

Марина ТЕРШЕНОВИЧ

* * *

Если страшно, тоскливо и зябко,
грязный след убирай за собой.
Видишь, тащит по улице бабка
банку с краской? Акрил голубой.
Съехал шарф и болтается маска
на резинке под нижней губой.
И плевать ей, что чёрная краска
подешевле её, голубой.
Принесёт, к животу прижимая,
банку эту – так смог бы любой –
на порог, да и ткнёт, как немая,
пальцем в надпись, читай: «голубой!»
И встряхнув эту краску до пены,
лихо выкрутит крышку с резьбой.
И покрасит унылые стены
тесной спальни в цвет голубой.
– «Жизнь, как сажа бела!» – прямо в ухо
крикнешь ей: – «Всюду мор и разбой».
Но упрямая тащит старуха
банку с краской – опять с голубой.

Александр ФМЕЛЬЯНОВ

* * *

Я на камеру тщился заснять снегопад,
Суетливых снежинок ажурные пятна.
Я старался... Но шло как-то всё невпопад
И невнятно.

Все детали отчётливо были видны,
Было ясно, что снегом планету заносит,
Только камера этой живой белизны
Не доносит.

Я надеялся зимнюю сказку создать,
Чтоб, как взглянешь, так сердце в груди трепетало.
Но технических средств, чтоб восторг передать
Не хватало.

Как же взять красоту у природы взаймы?
Как другим рассказать то, что чудо творится?
Как же мне мимолётным подарком зимы
Поделиться?

Эфим БЕРШИН

***

Зима как будто сыграна на лютне
со звонким переливом и тоской.
А за окном давно уже не люди
бредут, как люди, люди по Тверской.
А за окном, давно уже не город,
бурлит, как город, город. И над ним,
пятном пожара, мертвенен и горек,
горит небесный Иерусалим.
И шелестят, как придорожный гравий,
пустые звезды, падая на снег.
Зима. Исчезновение географий.
Кровосмешенье улиц и планет.
И лишь собаки, оставляя метки,
вдруг обнажают логику систем
невиданных доньше геометрий,
неслыханных доньше теорем.
Плывут трамвайных окон кинокадры.
Материки уходят с молотка.
Все спутано. И контурные карты
опять играют нами в дурака.
Витрины подменяют образа.
Создатель спит. Банкуют кукловоды.
Шестерки бьют козырного туза.
И дамы исчезают из колоды.

Оксана КОВАЛЕНКО

Мукачезо

Оксана Коваленко работает в службе занятости. Пишет для души в Фейсбуке. Удивляется: сотни людей читают её эмоциональные и наивные заметки. В свободном доступе – семь электронных книг на украинском языке. Автор книг «Море» и «Надзор» соответственно на русском и украинском языках.

ОБРАЗ ДРАКОНА В ПОЭЗИИ

Простите... Этот опус будет длинным. Боюсь... Теперь все будут длинными...

Эпоха перемен в моей жизни. Проходит болезненно, очевидно, по той причине, что никаких внешних причин для болезненности нет. И внутренние мучения не имеют возможности отвлечься, кроме как – сосредоточиться на самих себе. Так и живу теперь... То плачу, то смеюсь. В общем – сошла с ума.

Но что значит – не имеют возможности? Неужели нельзя отвлечься искусственным способом. С помощью искусства – например.

Почему-то спасает погружение в 2018 год. У меня тогда тоже была эпоха перемен. И я её, по-моему, так же перепугано воспринимала.

Может быть, кто-то помнит... Было время, когда я обнаружила, а точнее – притянула за уши, как я умею... Я всё притягиваю за уши. А чего оно само не идёт? Ходит туда-сюда и всё – мимо...

Итак, речь идёт об образе дракона (или драконов) в поэзии. Начнём с 1917 года. Николай Гумилёв:

Рис. М.Белоцерковской

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умфу я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

Через сто лет – в 2017-ом году Виктор Шендрик подарил миру стихотворение, взяв за эпиграф к нему цитату из этого же стихотворения Николая Гумилёва:

«...Я читаю стихи драконам...»

Сколько лет – ни глотка озона,
Сколько лет – бурелом да мхи!
И приходят ко мне драконы,
Чтобы я им читал стихи.

Очерствели они, летая
Над страной из края в край.
Я сочувствую – я читаю,
Им попробуй не почитай.

С ними как-то молчать негоже,
И заметно при свете дня,
Как мурашки бегут по коже
У драконов и у меня.

Вы читали стихи драконам?
Я решился и хоть бы хны!
Это вам не попса с шансоном,
Не дикарский запев зурны.

Послужной ни к чему мой список,
Ни к чему разливать елей,
Просто я социально близок –
Тот еще на поверку змей.

Запределье – не зазеркалье,
Заглянул в него – чудеса!
... А глаза у них – не драконьи,
Человечьи у них глаза.

Рис. М.Белоцерковской

Если, исходя из смыслового наполнения этих стихотворений, притянуть за уши метафору о том, что образ дракона – это сама поэзия или те, кто её понимает и слушает... И учесть момент, что драконы как бы уже давно вымерли... То получается такой печальный вневременной эксперимент с тенденцией к окончательному угасанию поэтического пространства – настоящего поэтического пространства на планете...

Игорь Касьяненко в своём стихотворении «О чём-то высоком» фактически сформулировал эту мысль:

*В окно ко мне, жутко скрипя тормозами,
Влетает дракон с голубыми глазами.
Давай, – говорит, – долетим до Китая!
А не долетим, так зато полетаем!
И вот мы летим, будто певчая стая.
Луна на ладони. Но мы пролетаем.*

*Под нами друг друга спасают и губят
Какие-то люди. Они нас не любят.
Там рыцари без головы, но с долгами
И умные гномы с Большими Деньгами.
К товарищу с пивом спешит пролетарий.
А мы пролетаем. Опять пролетаем.*

*Я вижу кайфами набитые ранцы, –
Там нас не поймут, бэби, там иностранцы.
Летите! – кричат, – вы способное племя,
Всё будет о'кей, но всему своё время.
По-нашему – время, по – ихнему – time.
А мы пролетаем. Опять пролетаем.*

*Любовь далеко, но не дальше, чем сердце.
На улице джип, открывается дверца.
Во рту появляется вкус безнадёги –
Там ноги! Одни бесконечные ноги!
На этих ногах – жемчуга с горностаем.
А мы пролетаем. Опять пролетаем.*

*Нам плохо с драконом, мы в сильной обиде.
Мы целую вечность висим на орбите.
А там, на Земле, на любимой планете,
Отсутствие наше никто не заметил!
Мы как две снежинки летим, пролетаем
И медленно таем... И медленно таем...*

А у вас есть знакомые стихи про драконов? Давайте читать!

Сергей ЗУБКОВ

СОЗВУЧИЯ

Оттолкнувшись от строки

В Интернете на разных площадках поэты и поэтессы выставляют на всеобщее обозрение свои стихи. Обычно в ответ читатели либо просто «лайкают», либо пишут краткие отзывы, типа «хорошо!», «класс!!», «гениально!!!», иногда автор удосуживается и более пространным откликом. Сергей Зубков на радость авторам реагирует, оттолкнувшись от их строк, своими вполне самодостаточными стихами. Получается что-то среднее между поэтической рецензией и тем, что называется – «музыкой навеяло»... О том, насколько это важно для адресата, пишет поэтесса Надежда Бесфамильная. «Сергей... Ты сам-то понимаешь, сколько приятных минут – нет! в пересчете на год – часов и дней ты доставил мне своим общением и экспромтами на моей страничке. Каждый из них – отдельная жемчужинка. Прекрасен твой дар – понять другого, суметь продолжить, по-доброму улыбнуться, или уйти в свой небесный полёт, оттолкнувшись от строки. Как же я тебе благодарна, как же приятно мне знать, что ты где-то там, за тысячи вёрст есть и когда-то вспоминаешь».

Мне захотелось познакомить читателя с этим любопытным жанром поэтического отклика на чужие стихи.

В.А.

Рецензия на «Ты куда летишь?» (Надежда Бесфамильная)

не туда летит тополиный пух
не туда слепой переносится
пеленой лежит на глазах на двух
и в слезах блестит переносица
и не видно мне ни стены ни гор
ни бульжника ни исусика
только пух летит наблюдений вор
и щемит в ушах чья-то музыка

Рецензия на «Молочнозубое» (Надежда Бесфамильная)

ноябрь на самом деле прост
как хлеб несъеденный засохший
опавшим деревом проросший
среди мертвеющих борозд

и снова сушит сухари
хозяйка рубленого дома
недалеко от танкодрома
где проживают ноябри

Рецензия на «Послевоенный сенокос. Вдовый плач» (Надежда Бесфамильная)

я читаю а в глазах режется
это слёзы видно в них нежатся
из души на белый лист капаят
и за сердце по пути цапают

**Рецензия на «Массандры,
саламандры, сколопендры...»
(Надежда Бесфамильная)**

любовь витает в воздухе как птица
и ищет места в наших грешных душах
стремясь хоть ненадолго поселиться
туда где совесть плачется в подушку
по нашим серым прериям гуляет
и крутит головой как тот подпольщик
потом к себе обратно улетает
в свою страну где воздуха побольше

**Рецензия на «Ты хочешь узнать
продолжение сказки? Щелкунчик»
(Надежда Бесфамильная)**

так хочется знать продолжение сказки
а если точнее хоть что-нибудь сделать
подкрасить и праздновать после подкраски
что свежая рыба наполнила невод

что свежие мысли под ёлочным светом
найдут продолженье конфетным сюрпризом
я кушаю вафли с рисунком вельветным
и жду исполнений последних капризов

Рецензия на «Метель из белых чаек» (Надежда Бесфамильная)

меня всегда тревожило простое слово Рига
бальзам янтарь и шоколад сидят в мозгу давно
там слушают Бетховена а я гоняю Грига
и значит нам не встретиться вполне немудрено

ты только не причисль меня к разряду попрошаек
но дай же мне хоть мизерный но шанс за парафраз
нырнуть незамедлительно в метель из белых чаек
и задохнуться нежностью хотя бы в жизни раз

Рецензия на «152. То ли воздух слишком влажный...» (Любовь Малкова)

этой музыкаю дивной вдохновляюсь торопливо
вольный ветер септаккордом надувает паруса
и выносит на фарватер из замёрзшего залива
мой кораблик заблестевший как алмазная роса

то ли в глаз попало что-то то ли что-то не попало
я кого-то обнимаю а кого не рассмотрю
просто главное ребята что б желанье не пропало
и тогда совсем не скоро ледениться январю

Рецензия на «Лишь бы море...» (Реня Рошаль)

...где можжевельник крученный растёт
и ветер ароматами лобзает
а тело в ослепительность ныряет
солёно-горьковатых крымских вод

где горы наполняют небеса
татарин старый доживать приехал
и гривой притворясь твоя коса
ритмично пританцовывает с эхом...

**Рецензия на «Я ласкаю тебя почти зримо...»
(Владимир Кошкин)**

тяжело мой друг в этой плоскости
не хватает нам былой ловкости
и следим уже без волнения
за отсутствием единения

потухая мы ищем сердечности
и стихи сочиняем для вечности
а когда-то под снимком Везувия
доводили себя до безумия

**Рецензия на «Холодно»
(Елена Промская)**

как хорошо в чужих стихах гулять
и на себя всё время наткаться
такого что не хочется стесняться
а хочется и дальше всех пленять
и обнимать и песни лихо петь
и день холодный объявлять свободным
и губы восхитительной мадонны
до умопомрачительности греть

Литкафе

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихо- или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в литкафе для первого знакомства с читателем приглашаются маститые и начинающие, но главное, каждый раз новые литераторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

Добро пожаловать!

Наталья БОНДАРЬ
Берлин

Предисловие

*Стихи приходят с детства,
Песни постукались после 35.
Не берусь оценить себя, как поэта или барда,
Пусть это делают другие.
Но одно про себя знаю точно:
Я с рождения обладаю поэтическим углом зрения на все, что вижу...*

*Не царапай мою душу
И не рви до боли,
Ведь душа моя живая,
Непонятно что ли?*

Наталья Бондарь, 10 лет, Крым

Игра

Игра – то жизнь, задуманная Богом,
На небесах и на земле!
Играет ветер с травкой в стоге,
Играет кровь и страсть во мне!

Играют взрослые и дети,
И адвокат, и прокурор,
Играет солнце на рассвете
Лучом на пике снежных гор.

А тот, кто всё это придумал,
Мечтает только об одном,
Чтоб ты играл, но всё же думал,
И понял замысел притом.

Звёздное зелье

Я ковшом Большой Медведицы зачерпну побольше звёзд,
А комету, что так светится, я словлю за длинный хвост.
И добавлю в зелье звёздное чистой утренней росы,
И чуть-чуть заката позднего с жёлто-красной полосы.

А еще морского ветра положу в волшебный ковш.
И желание заветное и на счастье медный грош.
Всё смешаю я с любовью и поставлю настоять,
Я веду со смертью битву, я лечу больную мать.

Последний вагон

Я сяду в последний вагон,
Куплю до конечной билет,
Из тела так хочется вон,
Из ночи так хочется в свет.

Я дверь приоткрою слегка
И выставлю руку на свет.
От страха бледнеет рука,
Сжимая последний билет.

Рука отпускает билет,
Билет улетает туда.
Я есть, и меня уже нет.
Я та и уже я не та...

Любовь

Лопнул мыльный пузырь – шлёп,
И засмеялся снегирь – чвирь!
Я властелин твой
И я твой холоп – ширь!
Эхо в лесу веткою – щёлк-щёлк,
Тело целует прозрачной воды шёлк.
Я, словно дикий степной волк,
Знаю в любви одинокой толк.
Посеребрила зима волосы мне,
Филином мудрым сижусь на сосне,
Утренним зайцем несусь по земле вскачь,
Новорождённой души во мне слышится плач.
Мчусь без оглядки на тройке коней – эх,
И бубенцом захлебнулся звонкий мой смех!
На паутине летаю и песню пою – ля,
Словно волчок раскручу тебя, слышишь, Земля!
Силы такие чую в себе – ох,
Я – полуживотное, полуженщина, я – полубог!
Не узнают меня даже родные, эка беда,
Словно бродяга домой приползу в холода...
– Руки в царапинах! Боже, разбитая бровь!
– Ах, ну, оставьте, любовь это, просто любовь!..

Любовь МИЛОСЛАВСКАЯ

Казань

ПОДМАСТЕРЬЕ

Когда я родилась, моей прабабушке было 69 лет, и я её помню старенькой, сухонькой, сгорбленной, постоянно чем-то занятой старушкой. Детям даже тридцатипятилетние кажутся пожилыми, а бабуля так и вовсе казалась мне древней.

Она родилась и всю жизнь жила в деревне. Меня каждый год на всё лето отправляли из города к маминым тётушкам и бабуле – на волю, на свежий воздух.

В то лето погода мало радовала. Мне 7 лет, на улице дождь, тётушка ушла на работу. Я сижу у окна, нюхаю горьковатый запах герани и жду, когда распогодится, чтобы ухлыстать на улицу.

Бабуля не пускала гулять в дождь.

– Изгваздаешься вся по уши, первая лужа от крыльца – твоя, знаю я тебя как облупленную. А коли́ какá ить хвороба прицепится, чо мне мать твоя спасибо скажет?

Она, прожив очень непростую жисть, любого наскрозь видела как облупленного. Праздно время проводить не приучена. Вот и сейчас разложила на столе свои нехитрые инструменты одинаковой длины, нарубленную медную проволоку и принялась делать штопальную иглу, без которой в деревне не обойтись, а купить негде, до городского рынка далеко.

С тех пор, как тяжелая физическая работа стала бабушке не по силам, это ремесло было любимым её увлечением. А всё же нет-нет, да и возьмётся за топор, надумает дров нарубить, потом, будто опомнится, сядет на чурбак и над собой же смеётся – куда уж теперь-то... Будто больше некому...

А дождь льёт и льёт, небо серое, день скучный, тянется, как овсяный кисель. Надежды на игру в партизаны всё меньше и меньше. Дорогу перед домом развезло, сплошная жижа, из такой даже пирожков для кукол не налепишь.

Бабуля долго молчала, потом спросила:

– Ну чо сидишь, много ли высидела, ничего не деламши? Поди-ка сюда, помогай давай, вот тут прижми пальцем крепко, чтоб проволока-то не вертелась, а я, ушкó-то, намечу.

Нащупала пальцем расплющенный конец заготовки, наставила на него гвоздь большой, на 150 не меньше, и – хрясь по шляпке молотком. Я вздрогнула и зажмурилась одновременно, но свой палец не ослабила, аж ладошки вспотели.

– Ну чо испужалась-то? Я, чай, не враг с ружжом, хоть и одним глазом, а маненько вижу. Глянь-ко сюды, у тебя глазок молодой, вострый, по центру, чо ли, наметила? С подмастерьем-то, дело у нас споро сладится, не прохлаждайся, помогай, а то уже тёмно будет, вовсе ничо не разгляжу.

– Бабуль, а где подмастерье?

– А ты в зеркале-то погляди, там подмастерье-то и увидишь: две косицы, да курносый нос, признала?

Бабуля засмеялась, и лицо её ещё больше сморщилось.

– Бабуль, а почему у тебя так много морщинок?

– А это все мои годочки улеглись в рядочки.

– Значит, у меня тоже есть семь морщинок?

– Нет, твои годочки – с мышины коготочки, ещё и не начинались.

– А когда начнутся?

– Это, как уж жисть проложит, она ведь то ластится, то гложет.

– А Расскажи про жизнь.

– Вот дело сладим, тогда и калякать будем, а сейчас приберись на столе. Зинаида, вот-вот на обед приедет, как мокра курица, на весь белый свет сердючая, а мы тут лясы точим.

Тётя Зина на обед не пришла из-за дождя, наверное, не хотела новыми сапогами дорогу месить. Бабушка достала из печи чугунок с топлёным молоком, а другой с моим любимым картофельником. Тётя Зина с утра, ещё до работы, поставила чугунок в печку на угли, чтобы томились, и к обеду молоко и картофельник покрылись сверху румяной, аппетитной корочкой.

Тарелку с вчерашней отварной курицей и хлеб я сама поставила на стол. Села к столу. Ароматы от картофельника и от

кружки с топлёным молоком усиливали мой аппетит, но я ждала, когда бабушка дошепчет молитву.

Ели молча, бабуля сердилась, если за обедом болтали ногами под столом или разговаривали. А когда чаёвничали, то разговаривать можно было сколько время позволяет. Разных дел в деревенской жизни очень много, и надо за день многое успеть.

Неожиданно кончился дождь, будто на небе кран закрыли. В окно заглянуло скромное солнышко, но мне уже расхотелось бежать на улицу, лепить пирожки из мокрой глины. Надо было завершить начатое дело, как говорила бабушка – делу время, потехе час. Мне понравилось помогать бабушке, и разбирало любопытство – какая же у нас иголка получится...

Убрали со стола, бабушка свернула и убрала скатерть, стол застелила газетами – местным «Вестником».

Сидит, аккуратно гвоздём пробивает ушко, чтобы в размер шерстяной нитки было, ни больше ни меньше.

Я мою посуду и прислушиваюсь, тюк-тюк-тюк, потом вдруг – у, каанный!

Видно, молоток соскользнул...

Тороплюсь, посуду вытерла и скорее к бабушке, в подмастерье, она смотрит на меня, улыбается.

– Али ты не убежала по лужам рыскать? Солнышко-то разыгралось, робяты, чать, ждут тебя.

– Нет, я к тебе – в подмастерье.

Мне это слово так понравилось, казалось, что оно такое важное, не детское.

– Ну, надумала, так помогай.

Взяла напильник без ручки, положила перед собой, мне говорит, прижми крепко, чтобы не холозыхал, а я буду кончик острить и ушко обравнивать.

Ловко она это делала, медь не твёрдая, хорошо поддаётся. Ширк-ширк, проволоку на напильнике и потом на тыльной стороне ладони проверяет, не цепляется ли какой-то заусенчик. А мне смотреть велит – ровно ли получается.

Затем взяла наждачку и так же оба конца иголки огладила, но серёдку не трогала, она и так гладкая.

– Что, подмастерье, спорится у нас дело-то, бери суконку, теперь сама иголку до ума доводи, три суконкой со всех сторон, да старайся, чтобы гладкая была и блестела, как пасхально яичко.

О, как я старалась! Иголка нагрелась, пальцы печёт, а бабуля ушла, чайник на плиту поставила кипятить.

Вернулась, поглядела, говорит – будет тебе, будет, не то иголка-то растает, как сосулька на солнышке.

Взяла с сундука шерстяной носок и стала через него пропускать иголку, проверять не цепляет ли, не рвёт ли нитки. И видно, что довольная, но сюсюкать она не умела, а похвалила всё же.

– Славно у тебя получилось, теперь ты будешь мастер, а я к тебе в подмастерье пойду.

У меня рот до ушей, довольная, и будто сразу стала выше ростом на целую голову.

Бабуля завернула иголку в красную тряпочку и мне даёт – держи, это тебе от меня на память. Другой раз, как дождь пойдёт, если у тебя никаких сурьёзных дел не будет, я тебя научу носки штопать.

– А вязать носки научишь?

– Научу. Жисть она долгая, всяко может повернуть, авось и пригодится. А теперь будем чай пить, у меня для тебя сладкая помадка есть, заработала, чать.

Бабуля сама варила помадку из сахара, конфеты покупные не любила, разве что иногда шоколадными угощалась.

С тех пор прошло 59 лет.

Подаренная бабулей иголка служила хорошую службу, постоянно была в работе. Я научилась вязать, и не только носки, а сшивала вязанные изделия всегда этой иголкой, да и штопать приходилось.

Возьму иголку в руку, а она будто тёплая, как только что из бабулиных рук. По сей день её храню и вспоминаю, как у бабули в подмастерье была.

Алия ГАЗИЗОВА

Казань

Дилемма

Я буду с тобой,
Пока не нужна тебе.
Стану нужной – уйду.
Так много дорог на земле,
И по всем я пройти хочу:
Каменистым, песчаным, суглинным...
И погладить всех встречных собак.
И взглянуть в глаза всем мужчинам...
Не ревнуй!
Никому из них не удержать меня.
И тебе не удержать меня.
Но я буду с тобой, пока не нужна тебе.
Стану нужной – уйду.

Настроение

Стать стрелкой на часах
Казанского Кремля.
Клавишей Delete
Мирового компьютера,
Западающей си-бемоль,
Утренним бесцветным мраком,
Всеми собаками мира,
Очками Ehte на родной переносице,
Безвольным сердечным клапаном –
Чем угодно,
Лишь бы не Лилей Газизовой.

Деревья

Когда мы поссорились,
Между нами выросло дерево.

Прошло несколько дней,
И между нами уже был лес.

Твой неподвижный силуэт
Ещё можно было разглядеть.

А я пряталась то за одним,
То за другим деревом.

Пройдёт лето,
И мы увидим друг друга.

Но деревья всё равно
Будут стоять между нами.

Рустем ТАРНАПОЛЬСКИЙ (КАШАФУТДИНОВ)

Казань

НАШ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Ниже представлены несколько фрагментов из книги моего отца, доцента Рустема Ильясовича Тарнапольского (Кашафутдинова) «Наш двадцатый век».

Было очень нелегко выбрать эти фрагменты – как нелегко каждому из нас ответить на просьбу коротко пересказать свою жизнь. Жизнь отца выдалась долгой и насыщенной событиями, и он решил однажды написать книгу, историю нашего рода, нашей семьи. В книге много фотографий, некоторым из них более ста двадцати лет. Рустем Ильясович родился в декабре 1929 года в Казани, там же успешно закончил юридический институт. Работал следователем, затем преподавал в Казанском университете, был юридическим консультантом при Верховном совете Татарстана, участвовал в создании Конституции Татарстана. Много путешествовал по всему миру.

Елена Рустемовна Ханен (Кашафутдинова)

***

Идея создания автобиографической повести зародилась у меня под впечатлением прочитанных мною книг автобиографического характера. Еще в 1950 году я начал было вести дневник, но бросил из за боязни, что его могут найти и прочитать. Поэтому я пытался писать по немецки и даже по итальянски. В некотором смысле это пошло мне на пользу, так как заставило серьезно взяться за изучение немецкого языка. Однако моих знаний хватало только для выражения несложных мыслей, и пришлось эту затею оставить. Природная скрытность характера боролась во мне с писательской чесоткой. Я начал вести ежегодные записные книжки, где изредка записывал самое

интересное, иногда в зашифрованной или сокращенной форме. Неоднократно делал небольшие наброски с описаниями. Наконец, прочитав недавно «Повесть о жизни» К. Паустовского, я поборол свою нерешительность. Собрав все свои старые записные книжки и другие материалы, я стал восстанавливать события прошлой жизни и набросал подробный план. Попутно возникла идея написать о жизни моего отца и деда, нечто вроде родословной, и охватить более широкий период времени, то есть весь двадцатый век. Тем более что, пока я собирался приступить, наконец, к написанию книги, двадцатый век благополучно закончился...

Время течет неумолимо. Давно ли бегал я босоногим мальчишкой по берегу Черного моря, мечтал о далеких путешествиях, ходил в школу, сидел за конспектами в институте, занимался расследованиями, а затем и сам читал лекции студентам? И вот все прошло. События радостные и печальные стираются в памяти, забываются лица и имена. Поэтому хочется хоть немного оставить память о нашей жизни и свои впечатления о ней в этой книге.

...О бедности наших прадедов говорит такой эпизод, который описан в письме Г. Сайфиева. Когда Кашафутдин и его братья – Мингазетдин, Сиразетдин, Фатхутдин и Тазетдин были еще детьми, их старшая сестра Гарифа, которой было уже около 18 лет, приготовила обед. Она сварила густой гороховый суп и, когда несла его к столу в большом блюде, уронила на пол. Горох рассыпался по полу. Тогда Гарифа позвала своих братьев в дом и приказала собрать горох и съесть. Мальчики собрали все до единой горошинки и съели. Выражаясь современным языком, это говорит об ограниченности продовольственных ресурсов в середине девятнадцатого века. В то же время следует учесть, что полы в доме были чистые, т.к. по традиции при входе в дом снимают обувь, а полы не только регулярно мыли, но и скоблили ножом (в те времена их не красили). Наконец, этот эпизод говорит о бережном отношении к продовольствию.

*(Отрывок из дневника тётки Фатимы Кашафутдиновой.
13 января 1918 года, Бугульма – Е.Х.)*

«Я перечитывала недавно свой дневник и заметила, что все пишу только о своем настроении, ничего о войне, которая идет четвертый год, о своем учении и вообще о событиях, происходящих здесь в Бугульме... Война теперь уже, слава богу, кончилась... Дядя Миннахмат вернулся и живет в деревне. Дядя Якуп вот уже третий или уже три года в плену в Германии, и от него давно уже нет вестей. Он был слаб здоровьем, так что боятся за его жизнь, потому что жить германским пленным, говорили, очень плохо. Не знаю, что с ним. Не дай Бог если умрет, то горе, одним несчастным семейством будет больше. У него двое детей, девочки, одна от первой жены, одна от второй. Первая уже лет восьми и ей пора бы учиться, но она, кажется, нигде не учится. Хоть бы скорее приехал дядя, он бы взялся за ее хоть небольшое образование.

С начала войны мне часто дороговизна приносит неприятности и огорчения, я хожу в старом пальто, в платке, в нехорошей форме и старом фартуке. Я до сих пор ходила в прошлогодних маминых перчатках, но они износились, я их оставила у Атласовых, и с тех пор хожу без них. У папы несколько раз просила купить перчатки, он все не покупает, вообще, он меня, кажется, совсем не любит, как я думала прежде. Ему все равно, если я хожу в старой форме, что у меня зябнут руки, болят глаза, так что и теперь не вижу уже совсем близко находящиеся предметы, и он не хватится о том нисколько, хотя я ему говорила. Никто меня не любит, не с кем мне поделиться своими впечатлениями и огорчениями, не у кого спросить совета...»

***

(Далее – снова воспоминания Рустема Тарнапольского – Е.Х.)

В госпитале, где работала мать, выпускали информационные бюллетени (иногда с иллюстрациями на карте) о событиях на фронте. Выздоровливающие раненые организовывали

концерты художественной самодеятельности, как с серьезными номерами, так и с шуточными. Один участник концерта, накинув на голову цветную шаль, подражая цыганам, объявил: «Цыгане шумною толпой кочуют по улице Белинского» (на этой улице располагался госпиталь). Мне запомнился этот неунывающий выздоравливающий раненый. Проблемы с продовольствием оставались по прежнему острыми. Если матери удавалось достать бутылку водки, я относил её на рынок, продавал и покупал хлеб или картошку. Ломоть ржаного хлеба стоил 10 рублей, килограмм картошки – 90 рублей. Иногда матери выдавали пачку папирос. В основном это были «Уральские». Я продавал их поштучно на базаре или в центре города, возле кинотеатров по 3 рубля за штуку...

Я хорошо помню День Победы. 9 мая я проснулся утром от стрельбы и шума на улице. Это салютовали военные из соседних воинских частей. Из шумных криков стало ясно: война кончилась! Я быстро оделся и пошел в школу. Город уже знал об этой новости. Улицы были полны радостно возбужденных людей. В школе я узнал, что 9 мая объявлен нерабочим праздничным днем – Днем Победы. Занятий не будет. Я и еще двое из нашего класса пошли в парк «Софиевка». Везде были шумные толпы людей, играла музыка. Люди поздравляли друг друга и особенно военных. Ведь это они были героями дня. Вечером пошли в театр. Давали какой то современный водевиль. На сцене – стол, покрытый скатертью, за столом сидит мужчина. Появляется другой мужчина, видимо, старый знакомый. По ходу действия по случаю встречи он предлагает выпить первому, но тот отказывается. И тут совсем не по сценарию пришедший говорит: «Пей, ведь сегодня День Победы!» – и, качнувшись, хватается за скатерть, стаскивает её вместе с посудой на пол и сам падает. Занавес опускается, спектакль тут же прекращается. Публика смеется, вместо спектакля все идут в фойе танцевать.

Мы все были как пьяные от радости. Закончилась наконец длившаяся почти четыре года тяжелая кровопролитная во-

йна, унесшая миллионы жизней. День Победы подвел черту под тяжелейшим периодом жизни страны. Наступил долгожданный мир. Но еще много лет мы делили нашу жизнь, нашу историю на периоды: «еще до войны», «во время войны» и «уже после войны».

...Я очень любил читать и охотился за хорошими книгами. Хотелось собрать свою библиотеку, особенно классиков. В 1950-е годы издавались собрания сочинений по подписке. Надо было в книжном магазине в Соцгороде в определенный день и час занять очередь, попасть в список и получить в ней свой номер. В определенные дни очередь собиралась, и проводилась переключка. Кто не пришел, тех вычеркивали, а остальные передвигались вперед. И так до следующей переключки. Наконец в назначенный день объявлялась подписка. Мы выстраивались по номерам к заветному столику, платили первоначальный взнос за один том и получали долгожданную подписную квитанцию. Далее в течение года выкупали очередные тома по мере их выхода из печати. Так я приобрел сочинения Л. Толстого, М. Горького, А. Чехова, А. Толстого, Р. Роллана, Ж. Верна, Г. Гейне и др. Кроме того, при подписке на некоторые журналы, например, «Огонек», «Вокруг света» и т.п., в качестве приложения предлагались собрания сочинений А. Конан Дойля, Г. Уэллса, Стендаля и др. Всю эту массу книг я, к сожалению, так и не смог полностью прочитать.

В августе 1954 года я наконец получил отпуск. Первый в своей жизни. Единственное, что я смог придумать, – это съездить в Москву. Я все еще лелеял мечту об Институте востоковедения... Однако в институте прием закончился 1 августа. Я опоздал.

Поездка в Москву тогда была для меня таким событием, как поездка за границу. Москва – это другой мир, это город надежд. Я восторгался Москвой, считая, что это необычный, особый город, и завидовал москвичам. Поэтому понятно, с каким чувством я ехал в Москву после полуторагодового изнурительного труда. Когда наконец поезд тронулся, и колеса застучали по стыкам рельс, мне послышалось, как будто они с удивлением и

восторгом говорят: «Вот так, вот так-так!». Все уголовные дела с хулиганами и воришками остались в Казани, а я могу свободно гулять, не думая ни о каких сроках по делам...

В Московском университете и ВЮЗИ я узнавал об аспирантуре по юридическим специальностям (ВЮЗИ – Всесоюзный юридический заочный институт). Оказалось, что для меня возможна была только заочная аспирантура или соискательство. В числе необходимых документов требовались характеристика, ходатайство с места работы. Необходимо также было сдать вступительные экзамены, а для соискательства сдавать так называемый кандидатский минимум. Ясно, что в милиции не дадут разрешения на учебу в аспирантуре, тем более ходатайство. А кандидатские экзамены показались мне непреодолимым препятствием.

Что касается культурной программы, то главное, что мне запомнилось, – это посещение Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ) в день открытия. Великолепные дворцы-павильоны, фонтаны, изобилие продуктов произвели на нас большое впечатление. В павильоне Туркменистана или Узбекистана в ресторанчике мы купили горячие вкусные манты. Я попробовал и запомнил вкус больших сочных персиков. Я планировал посетить Музей изобразительных искусств, концерт Л. Утесова, высотное здание МГУ, но не все мне удалось. Я пробыл в Москве 9 дней и вернулся в Казань, где и провел остаток отпуска.

В сентябре я вышел на работу и опять окунулся в уголовные дела и материалы. Последние требовали рассмотрения и решения – возбудить уголовное дело или отказать. Если возбудить уголовное дело, то постараться точнее определить характер действий правонарушителя. Для этого нужно было как можно конкретнее описать сами действия, подобрать такие слова, которые бы давали объективную картину правонарушения. При допросах и оформлении показаний требовались определенные литературные способности. Иногда важное значение имеют малейшие оттенки. Особенно при расследовании хулиганских действий, причинений тяжких телесных повреждений, мошен-

ничества. Иногда хулиганские действия или причинение телесных повреждений провоцируются самими потерпевшими. Каждое смягчающее вину обстоятельство, признание вины и раскаяние закреплялось в протоколе допроса.

Чтобы суд учел это при вынесении приговора, я запрашивал характеристики с места работы, в постановлении о предъявлении обвинения старался использовать более мягкие формулировки. Конечно, были и такие отъявленные преступники, к которым у меня не было никакой жалости. Я собирал все доказательства так подробно и точно, чтобы преступник не мог уйти от ответственности и суда. Поэтому возвращенных судом на доследование дел у меня не было.

Работа следователя требует аккуратности и терпения. Приходится встречаться с разными людьми. Многие боятся следователей и вообще милиции. Другие, наоборот, относятся к милиции с уважением, ищут в милиции защиту. При этом бывают забавные случаи. Однажды, когда я дежурил, ко мне обратился мужчина и с таинственным видом предложил: «Пойдем со мной, я знаю, где они встречаются, мы их задержим на месте преступления». Я не понял: «Кого задержим?» Он отвечал: «Я знаю, где моя жена встречается с любовником» («хахалем», как он выразился). Я пойти с ним отказался и объяснил, что милиция такими делами не занимается. Мужчина возмутился: «Но это же преступление!» Пришлось ему объяснить, что Уголовный кодекс не считает супружескую измену преступлением. Хотя для развода это серьезное основание.

***

(Из письма школьного товарища Леона Малова из Уфы. Октябрь 1969 г. – Е.Х.)

«Здоровеньки булы, Рустема!

Все собирался тебе написать очерк о России, но ведь для этого нужно время. А Россия – удивительная страна, потрясающе уди-

вительная. Я стоял под Салаватом Юлаевым, под его нагайкой, и ревел. Ревел, как ребенок. От обиды ревел. Представь себе великолепную громадную площадь, кончающуюся холмом и на холме громадный (в Европе нет такого) всадник с нагайкой. Бронзовый конь вздыблен. Ты восхищенно обходишь холм, подходишь к обрыву и замираешь. Где то внизу лента (именно лента) Белой. Кругом леса – на десятки км. Какая то змейка – всматриваешься – это ползет поезд. Поворачиваешься от этого великолепия в сторону суши – и реветь: овраг (метров 200) весь облеплен домиками, густо-густо. А овраг довольно крутой. Градусов под 45. И огородов, вроде, нет – одни игрушечные домики...

И всюду такой контраст. Вышли в Тихих горах. Горы действительно горы – задохнулись, поднимаясь. Вид с этих гор сказочный. И улица – грязи первозданной...»

***

(Снова воспоминания Рустама Тарнопольского – Е.Х.)

...Вернувшись в Казань, я занялся усовершенствованием диссертации и автореферата. При этом никакого послабления по работе я не получил. Вот запись из ежедневника за 31 марта (1970 г.): «Устаю зверски. Нагрузка непосильная. Декан занят своей докторской диссертацией, берет отпуск. Я остаюсь в деканате один. Николай Андреевич занят также своей докторской диссертацией. Занятия, оргработа, подготовка к 100-летию В.И. Ленина – стенды, студенческие конференции и т.д. Совсем зашился. На диссертацию мало времени». В эти сумасшедшие дни были и приятные события. 11 апреля в актовом зале университета известный поэт Евгений Евтушенко читал нам свою поэму «Казанский университет». Мне понравилась поэма и сам поэт. Встречали его аплодисментами...

Когда я бывал у Леона в компании его друзей, они спрашивали меня, о чем моя диссертация. Леон, шутя, популярно объяснил им: диссертация о том, чтобы не возить из Москвы

яйца в Казань (а также колбасу и другие продукты). И он был прав: диссертация была о повышении экономической самостоятельности регионов.

(Из письма школьного товарища Леона Малова. 1970 г. – Е.Х.)

«Страх берет, как вспомнишь, что мы топчем по последней трети двадцатого века. „Вперед – неизвестность пути“. Но оглядываясь назад, можно сказать, чего не хватало, того и пожелать. И желаю тебе и твоему многочисленному семейству – больше радости открытия, путешествий, веселого жизнерадостного труда и блаженного отдыха!!! Начинай путешествовать, ибо в этом – счастье»...

Иван ДРАЛИН
Вупперталь

Научи, Отче...

Верю в Господа и в пророчества,
и в бессмертие глобальное.
Но судилось мне одиночество –
одному быть сутками в спальне.

Да, Ты скажешь, что одиночество
к небесам приближает. Знаю...
Но, поверь, иногда так хочется,
чтобы просто подали чаю.

Скажешь, это удел всех прочих,
не ищи от судьбы ключи...
Но тогда, прошу Тебя, Отче,
жить отшельником научи!

Алла ТРАХТЕНБЕРГ

Херне

СИЖУ НА ДНЕ И ПЬЮ КЕФИР

Сколько себя помню, я всегда любила театр.

Я родилась в небольшом провинциальном городе в Молдавии. Закончив библиотечное отделение культпросветучилища, работала по специальности. Мы сами подшучивали над своим выбором: «**ученье – свет, а не ученье – культпросвет**», что было, конечно, не так. Заведение давало довольно приличное общее и специальное образование, учило разбираться в литературе, прививало любовь к чтению. А во мне жила ещё и страсть к театру и мечта побывать в лучших театрах страны. Осенью 1976 года такая прекрасная возможность появилась. Я, молодая мечтательная девушка, получила свой первый двухнедельный отпуск и, не мешкая, поездом Москва-Ленинград (нынешний Санкт-Петербург) отправилась в гости к моей хорошей знакомой Ирине. На «Запорожце» с ручным управлением она подкатила к Московскому вокзалу. Ирина, некогда блестящий велогонщик (её готовили в сборную Советского Союза), попала в аварию на велотреке, повредила позвоночник и перестала ходить. Но не сдалась, а освоила «инвалидку» и лихо с ней управлялась! Приехала она вместе с подругой, которая отыскала меня на перроне и помогла донести до машины мой неподъёмный чемодан.

Зная о моей страсти, Ирина через знакомых добыла мне билет на музыкальный спектакль «Укрощение строптивой» по Шекспиру с любимой Алисой Фрейндлих и с будущим «Д'Артаньяном», неподражаемым Михаилом Боярским в главных ролях (последний поразил моё воображение, появившись на сцене в костюме хоккеиста!). Одного спектакля мне было, разумеется, мало. На следующее утро в надежде стрелкнуть лишний билетик я пополнила толпу театралов у знаменитого БДТ. Мимо меня прошёл Сергей Юрский, при виде живого артиста

я так растерялась, что не догадалась взять у него автограф, как это сделала какая-то приткая местная девица. Шансы попасть в театр равнялись нулю. Выручило моё родное культпросветучилище! Оказалось, что студенты любого учебного заведения культуры нашей страны имеют право на бесплатный билет, на так называемую контрамарку. Мой студенческий был при мне, и я стала счастливой обладательницей входного билета на завтрашний дневной спектакль «Ревизор» с Юрским в роли Осипа. На следующий день я обратила внимание на надпись мелкими буквами на билете: «Неудобное место». Что это означало, поняла, оказавшись на приставном стуле за колонной. Пришлось, чтобы видеть происходящее на сцене, сильно вытягивать шею, из-за чего она сильно разболелась к концу спектакля. Несмотря на это, я была очень довольна. Моему восторгу не было предела, когда подруга Ирины вручила мне билет на сольный концерт Сергея Юрского! Ночь накануне я провела беспокойно, просыпаясь раз пять. Я бы могла для пущей важности написать, что это из-за волнения перед встречей с высоким искусством, но причина была весьма прозаична. На моём модном чулке-сапоге разошлась змейка, Ирина (голь на выдумки хитра) скрепила её обычной ниткой, и я вынуждена была спать с обутой ногой, что, как выяснилось, очень неудобно...

На концерте прозвучали произведения А. С. Пушкина, Н.В. Гоголя и фрагменты из «Мастера и Маргариты» – именно Юрский, спасибо ему, открыл мне Булгакова, которого я люблю на всю жизнь... Действо закончилось поздно – вернуться домой не получилось. В Ленинграде ночью разводят мосты, и транспорт через Неву ходить перестаёт, о чём Ирина забыла меня предупредить. На концерте я познакомилась с соседями по ряду – двумя ребятами из Перми. Их гостиница находилась в той же части города, где и квартира моей знакомой. Первые троллейбусы в Ленинграде начинают ходить с четырёх утра, и мы решили пока суд да дело погулять по ночному Ленинграду. Ноги сами привели нас к памятнику Петру Первому. Он сидел величаво на лошади, вокруг него была подсветка, в которой

так романтично искрился падающий снег. Мы наперебой читали Петру стихи Пушкина, и были, по мнению всей компании, счастливы...

Восемь дней счастья остались позади. Пришло время возвращаться в родные пенаты.

За два дня до отъезда я встретила с бывшей одноклассницей Валей. Она тоже гостила в Ленинграде у родственников. Мы заранее взяли билеты на поезд «Ленинград-Кишинёв» и договорились, что Валюшка купит с собой в дорогу напитки, а я позабочусь о еде. Поезд от Ленинграда до Кишинёва ехал в то время около тридцати шести часов. В последний день мне посчастливилось достать большой дефицит – два килограмма апельсинов. В кошельке оставались деньги только на проезд из Кишинёва в Тирасполь. Мой поезд отправлялся в 18.30. Ирина отвезла меня на Московский вокзал, на который я к ней приехала из столицы. Выгрузив чемодан и апельсины из машины и попрощавшись с Ириной, я пошла искать кишинёвский поезд. Странно, но на указанной в билете платформе его не оказалось. В панике побежала, насколько это было возможно с тяжёлым чемоданом, искать кого-нибудь из работников вокзала. Надвигались сумерки – на улице был октябрь. Дежурный по вокзалу в ответ на моё возмущённое «где же мой поезд?», объяснил, что он отправляется не с Московского, а с Витебского вокзала, и что мне надо срочно взять такси – до отправления поезда оставалось всего двадцать минут... Мне пришлось чуть не плача объяснять таксисту свою проблему, а главное, что рассчитывать могу только апельсинами. Наверное, у меня в тот момент был очень несчастный вид или таксист попался сердобольный, но через 15 минут я уже бежала к нужной платформе. И... мой поезд ушёл прямо перед носом. О, нет! В голове, как в фильме ужасов, пронеслось: отпуск закончился, и сразу по приезде нужно выходить на работу; вряд ли я куплю билет на ближайший поезд; Ирина уехала на дачу, телефона там нет, значит, ночевать мне негде. Что же мне делать?!

И вдруг замечаю, что на той же платформе, только с правой стороны стоит поезд «Ленинград-Одесса». По радио объявляют, что он отправляется через 10 минут. Вот она – счастливая случайность! Если приеду в Одессу, то до Тирасполя два часа езды. А в городе у Чёрного моря у меня есть родственники, которые обязательно помогут... Ноги как будто сами привели меня к первому вагону одесского поезда. Молодой мужчина, стоящий в тамбуре, обратился ко мне:

– Девушка, что же вы стоите? Давайте чемодан, мы же уже отправляемся...

Я сижу в поезде. Мужчину, который мне помог, звали Валерий. Он оказался очень обходительным. Когда узнал, что мне нужно с тяжёлым чемоданом идти в конец поезда, договорился с проводницей, что я переночую эту ночь здесь. Валера принес мне постель, уступил своё нижнее место в плацкарте. Потом угостил меня чаем. Проводница забрала мой билет и сказала, что утром я должна обязательно идти в свой вагон. Она и не заметила, что у меня билет на другой поезд. Все пассажиры укладывались на ночлег, а я всё сидела и думала, чем же эта история закончится. Каким-то шестым чувством понимала, что мне нельзя ложиться спать и, к сожалению, оказалась права. 23.00. В наш вагон пришли контролёры. Меня потихоньку начало трясти. Контролёры, мужчина и женщина, пригласили меня в комнату проводницы и спросили, почему я еду не тем поездом? Пришлось сделать вид, что не понимаю, о чём идёт речь. Предположила, что, наверное, мне продали неправильный билет... Но женщина-контролёр была неумолима. Она потребовала от меня, чтобы я заплатила штраф и на следующей же станции покинула поезд. Мужчина меня пожалел, штрафовать не стал, а начал просматривать расписания поездов, и тут его осенило! Наш поезд, объяснил он, не останавливается на полустанках и поэтому на полчаса раньше кишинёвского прибудет на станцию «Дно». Контролёр предложил мне выйти там и пересесть в нужный поезд. В два часа ночи меня высадили на маленькой станции «Дно». Одно название чего стоило! Если бы мне кто-то

рассказал раньше, что вообще такая существует, то я бы не поверила. Осмотревшись, увидела, что все киоски закрыты. Меня мучила жажда. Побродив по небольшому вокзалу, нашла ресторан. На моё счастье, он был открыт. Правда, всё, что мне предложили из напитков, это пол-литровая бутылка кефира и водка на разлив. Я, конечно, выбрала кефир. Неподальёку стояла какая-то металлическая тумба. Больше присесть было не на что. Взобравшись на неё, начала с удовольствием пить кефир. Напротив, заметила небольшое окошко телеграфа, и мне пришла в голову невероятная идея: а не отправить ли мне домой телеграмму: **«Сижу на Дне и пью кефир»**... На этом мои приключения, к сожалению, не закончились. Когда наконец-то пришёл мой долгожданный поезд «Ленинград-Кишинёв», была глубокая ночь. Я нашла свой двадцатый вагон, толкнула дверь, но не тут-то было: к сожалению, она оказалась заперта. Тщетно попыталась попасть в другие вагоны – никто не собирался меня впускать... Наверное, все проводницы давно спят. Сейчас поезд тронется, и я останусь ночью на этой ужасной станции, **на самом дне России**... И всё же мне повезло. Один из проводников вышел в тамбур покурить и открыл дверь. Я собрала все оставшиеся силы в кулак и, схватив свой тяжеленный чемодан, побежала к столь желанной цели. Проводник меня заметил и помог взобраться в вагон. Неужели это правда?! Неужели наконец-то закончились мои злоключения? Все спальные места оказались заняты. Первый раз в жизни мне пришлось взобраться на третью полку в плацкарте, но это уже не имело никакого значения. Даже то, что рядом кто-то очень громко храпел, не могло меня вывести из равновесия. Я еду домой и не опоздаю после отпуска на работу, а главное, мне не придётся одной ночевать на этой кошмарной станции «Дно»!

Наутро нашла свой вагон и мою голодную подругу Валю – ведь все продукты на обратную дорогу были у меня. Она уже и не надеялась со мной встретиться. К сожалению, тогда не было мобильных телефонов, чтобы сообщить Валюшке о моих приключениях... Но, как говорится, всё хорошо, что хорошо кончается.

Борис УЛЮХИН

Москва

Утро Покрова

Осенний праздник – утро Покрова:
Туман, как плат, прозрачную завесой
За кромку держит влажная трава
Между вчера ещё горящим лесом
И нашим домом.
В млечной пелене
Грачи неспешно собирают стаю,
Готовясь к перелёту.
Вот и мне
Давно пора, но я не улетаю.
Тоскливые предчувствия меня
Назначили в ноябрь, декабрь и дале,
А предстоит зима, и мне ни дня
Не пережить без скуки и печали.
Так, может быть, Набоков тосковал,
На пыльный подоконник локти ставя,
День ото дня смотря в один провал
И наваждений черновик листая.
За пеленой ненастья предстоит
Угадывать мне милые приметы,
Повинностью тоски гасить кредит
Обещанного в предвкушенья лета.
По лепесткам увядшего цветка
Распознавать прошедшего страницы
И мудрствовать:
Как память коротка!
Как безвозвратно время жизни мчится.

И череда счастливых перемен,
И перечень утрат –
Всё преходяще.
Но нечто мне даровано взамен
Простого человеческого счастья:
Значенье в междометьях подмечать,
Подслушивать у ветра звуки жизни
И за стеной тумана различать
Безмерную таинственность отчизны.
И в рукописях, словно в сундуках,
Перебирать накопленные мысли.
(Я, помнится,
В прошедших зим веках
Немало истин для себя исчислил.)
Однако, прав Экклезиаст.
Зане
Не посетит теперь мой дом веселье;
Монастырю – устав, монаху – келья,
Эпикурейцу – истина в вине.
А мне гордыня и рассудка лёд,
И русская зима, и бренди в кофе,
И муза милая, которая придёт
За тем лишь, чтоб узнать какой я профи.
А я и в пятьдесят могу затмить
Стандарт парнасский, пылкий, но короткий,
Да скушно!
Если только выпить водки!
Но эдак музу можно уморить.
А как без музыки?
Кажется, весь свет
На кончике пера, ведомый знаньем,
Готовый воплотиться тет-а-тет,
В метафоры одет без понуканья.
Ан нет!
Безвдохновенно пару строк
Чиркнёшь в тетрадь и устыдишься бреда...

(А ежели я во Владивосток
Негаданно, нечаянно уеду?
Капризница меня сопровождать
Откажется злорадно несомненно,
И вынужден я буду скучно спать
Весь долгий путь,
Тупея постепенно.)
Так ли, иначе, будущее мне
До марта представляется досадным
С пейзажем блёклым в пасмурном окне,
С заснеженным и помертвевшим садом.
Рябины грозди, разве, оживят
Недвижную картину сонных буден,
Да муза вздорная, да мысли сладкий яд,
Да ласковое чувство к близким людям.
Покуда же октябрь, туман, Покров,
Как поволока, дождь накрыл полмира.
В нём дотлевают киноварь костров
Вчерашнего беспамятного пира.
Из млечной зыби дыбится скелет
Намедни ещё царственного клёна,
Да в отдаленье церкви силуэт,
Да сосенки невзрачная корона
Над сирой паствой, вымокшей насквозь...
Туман отхлынул,
И тропинка к дому
Фигуру, что нахохлилась знакомо,
С дороги зазвала.
Ну, вот и гость.
Пока пустырь пересекает он,
Я парой строк свои закончу бредни.
За сим – кончаю я считать ворон,
Сварю-ка кофе и достану бренди.

Зал переводчика

ПО СЛЕДАМ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОНКУРСА НА ПЕРЕКРЁСТКЕ КУЛЬТУР / AN DER KRUEZUNG DER KULTUREN

В октябре 2022 года в Вуппертале (Германия) в Вупперлиткафе прошёл вечер «НА ПЕРЕКРЁСТКЕ КУЛЬТУР / AN DER KRUEZUNG DER KULTUREN», на котором были озвучены итоги одноимённого конкурса переводов. Учредителем конкурса выступила Международная гильдия писателей на основе инициативы поэта и переводчика Владимира Авцена.

Цель конкурса сформулирована так: «Совершенствование качества переводов, активизация творческой, познавательной и интеллектуальной инициативы у переводчиков, объединение писателей на ниве взаимных переводов, знакомство читающей аудитории с зарубежными авторами, не имеющими массовых переводов на русский язык».

Предлагаем вашему вниманию творчество победителей, призеров, членов жюри (они же – строгие, но справедливые судьи) и гостей «Зала переводчика».

ПОБЕДИТЕЛИ И ПРИЗЁРЫ

Владимир МОРГАЧЁВ

Первое место

Из Р.М. Рильке

(с немецкого)

Читающий

Читал я долго. Полдень за окном
Лежал, лениво шелестя дождём.
А ветра я уже не услышал:
Я в смысл вникал.

Я на листы смотрел: они – как лица –
Темнели от раздумий, как от мук.
И время замедляло ход вокруг.
Как вдруг – как будто вспыхнули зарницы,
И вместо робкой путаницы букв
Возникло: вечер, вечер... на пустых страницах.
Пытаюсь вновь читать... но рвутся
Длинноты строк... слова сбегают
С их общей нити – вдаль – куда ни пожелают.
Я знаю: над садами, что блистают
Последним светом, есть небесный круг,
Где солнечный восход нам обещают.
Теперь же – ночь, как лето, широка.
Разрозненное пробует собраться.
И людям суждено во тьме скитаться.
Но начинается малое казаться
Безмерно значимым издалека.

И если книгу я теперь закрою,
Великим станет всё, ничто – чужим.
Мир вне меня и прожитое мною –
Единым, бесконечным и родным.
И чтоб переплелось с живым живое,
Когда я приспособлюсь зреньем слабым
К вещам первоначальным и масштабам, –
Земля перерастёт себя, своё.
Она легко обнимет небо – дабы
Не различать, где звёзды, где жильё.

Надежда ФУРСЕНКО

Второе место

Из Василя Стуса
(с украинского)

***

Букетами сиреневая цветъ
с росистой радостью: сынок приснился.
И здесь я с вечностью впервые слился,
держась за ручку – нежненькую ветвь.
А он смеётся, излучая радость,
даруя исполнение мечты –
души моей запрятанная святость,
как вспышка щедрости и чистоты
или всевидящее божье око –
мне воссияло вдруг из глубины.
И понял я, что мне не одиноко,
как будто давние припомнил сны.
И понял я, что только красота
и только сына белое сиянье
наполнят вечностью моё дыханье –
минутам всё равно: паденье ль, высота.

Матьяна ЛЕШКЕВИЧ

Третье место

Из Роберта Фроста

(с английского)

Пламя и лёд

Быть может, мир погубит пламя,
Быть может, лёд.
И если уж случится драме,
Я буду с теми, кто за пламя.
Но если дважды мир умрёт,
То, зная, что такое злоба,
Я полагаю, что и лёд
Для крышки гроба
Вполне сойдёт.

Дмитрий БОЧАРОВ

Призёр

Из Уильяма Шекспира

(с английского)

Сонет № 19

О, Время, притупля когти львов,
Земли приплод – верни во глубь земли.
Свирепость тигра обеззубь. И вновь
Жизнь феникса в её крови спали.

Твори, что хочешь – пожирай года,
Добром и злом грядущее тревожь,

Пусть прошлое поблекнет навсегда...
Но заклинаю – милого не трожь!

Уйми свой пыл, смири жестокий миг,
Не оставляй морщинной борозды –
Пусть явится потомкам юный лик
В сиянии нетленной красоты.

А, впрочем... тщись. Бессилен стрелок ход –
Ведь молодость любви в стихе живёт.

Николай ШЛЬИН

Призёр

Из Сирожиддина Саййида
(с узбекского)

***

Туманы белые спадают с гор моих,
И льдинки стынут на ветвях седых.
Душа рассыпалась, как листья листопада,
Теперь в одном костре сжигают их.

Мой загородный сад стал звезды рвать с небес,
Они, спадая в воду, гаснут здесь.
Я не смиряюсь с состояньем мира,
Но мир смирился с тем, каков я есть.

Моя любовь в объятых холодов,
В моем безумии ростки чужих цветов.
Бездонный мир осколками наполнен –
Что не разбито, он разбить готов.
И голоса влюбленных тихо тонут
И умолкают в глубине миров.

Глеб ПУДОВ
Призёр

Из Николая Шабовича
(с белорусского)

***

Свиданья наши – словно дивный сон,
Душа тоскует о вчерашнем лете.
Мы оборвали песнь на полкуплете,
А ведь когда-то пели в унисон.

Не вижу я знакомого следа...
За сто дорог, а, может быть, за двести,
Твой путь пролёг. И будем ли мы вместе,
Когда однажды ты придёшь сюда?

А ведь могли по одному пути
Рука в руке – счастливые – идти,
Минуты и часы благословляя.

Но ветер, что кружит над головой,
Нам не дает увидиться с тобой,
Лист за листом с деревьев обрывая.

Виктория ЛЕВИНА

Призёр

Из Р.М. Рильке

(с немецкого)

Витражи розы

Ты чувствуешь, удар кошачьей лапы
тебя сбивает с ног. И – тишина.
Соборные подкупольные трапы.
Кошачий взгляд, тревожный и без дна,

тебя насильно кружит. В вихре этом
ты тонешь: неизвестность, мрак и страх.
Кошачий глаз нацелен на поэта,
душа его – в отточенных когтях.

То вдруг затихнет, то удвоит прыть,
измазав кровью жертвы ус, обжора.
Его задача – вольный дух сломить.

Так иногда к нам тянутся из тьмы
притворной розой витражи собора,
чтоб жертвой Бога оказались мы.

А СУДЬИ КТО?

Марина ТЕРШЕНОВИЧ

Из Редьярда Киплинга
(с английского)

Власть собаки

Нам хватает несчастий на нашем пути
от жён и мужей, с кем по жизни идти,
мы знаем, нас горе настигнет и так...
Я прошу: сторонитесь собак.
*Зачем увеличивать скорби свои?
Держитесь подальше от этой любви.*

Братья и сестры, купите щенка –
и вложите деньги в любовь на века.
Она будет щедрой, а ласка и кнут,
питая покорность, сердца отомкнут.
*Но стоит ли риска сия благодать,
чтоб сердце свое на расправу отдать.*

И минут четырнадцать лет, что даны
природой, и будут болезни видны.
Вы столкнетесь с негласным судом ветврача,
и поймете – от яда ли, от меча –
*но собаке от рук ваших выпало пасть.
И сердце свое вы ей бросите в пасть.*

А когда это тело, что нянчили вы,
станет тише воды и покорней травы,
этот дух, что на каждый ваш зов отвечал,
вдруг уйдет – вы поймете, что он означал.

*Куда-то уйдет, не воротится вспять.
Но собаке успели вы сердце отдать.*

*Мы достаточно горя хлебнем на пути,
предавая земле тех, с кем рядом идти.
Нам дается не даром любовь, а взаимы,
и проценты платить соглашаемся мы.
Чем дольше владеем, тем выше процент.
Так приносит страдания нам каждый цент.*

*И придется платить, долг велик или нет,
только смерть дает справедливый ответ.
Боже правый, зачем – до прихода ее –
вы собаке бросаете сердце своё?*

Ольга МАТВИЕНКО

Из Натальи Пасечник
(с украинского)

***

не спится – ну тогда ракушку слушай
пускай рокочет в сумеречный час
как водоросли алчные от суши
опутывают лодочный каркас

как путник по обычаю монету
бросает в непроглядный морок вод
что на глухой напрасный шёпот «где ты?» –
«иди!» – ответ единственный даёт

но вот однажды ночью море схлынет
проступят очертания со дна –
два корабля что сгнули в пучине
а там – по борту – наши имена

Евгений АГАН

Из Августы Курц
(переложение с немецкого)

Слишком поздно

Рвал розы дивные цветки –
Не думал о шипах.
...Поникли за ночь лепестки
И – раны на руках.

Не думал о зиме совсем
Под солнечным лучом.
...Душистый розовый Эдем,
пустыней замещён.

О распре и не мыслил я,
Когда любовь обрёл.
...Нас развела сквозь ночь стена,
Час роз давно прошёл.

Что я не думал о конце, –
несёт мне в сердце боль.
...Ночную муку, как прицеп,
Душа, принять изволь.

Татьяна ЦВЛЕВА

Из Марка С. Берроуза
(с английского)

В одиночестве

Ни ветерка. Спокойна ночь,
в которой память спрятала потери.
Один иду вдоль берега пустого,
безумие утрат постичь пытаюсь.
Я всё бы отдал, чтоб узнать,
что будет, если встретимся мы снова,
что стало б с нами, если б ты пришла,
гонимая безмерностью печали?
А лунный свет так нежно льнёт
к атласной глади вод...
Держу в руке созревший плод,
распробованный нами
в короткий созревания сезон,
и начинаю понимать, как сотворён
сей мир:
из боли и пустот сердец разбитых,
когда, любя, мы понимаем
всю безысходность
призрачных надежд.

Владимир АВЦЕН

(с латыни)

**Секвенция: VI.
Лакримоза / Плачущий**

В день прискорбия и страха,
Человек, восстав из праха,
Во смятении великом
Перед Божьим встанет ликом.
В Судный день, Господь благой,
Подари ему покой.

Аминь.

Алексей КУРАЛЕХ

***

Вечерний шум и тёплый запах хлеба,
Наш разговор о всяких пустяках,
В твоих глазах укrywшееся небо
И солнца луч на пёстрых козырьках...

А я не знал, что всё непоправимо,
Что всё решилось в бездне голубой.
Ты в ночь ушла, желанна и любима,
И стала просто домом и судьбой.

Урина ХАРСТ

* * *

Володе Авцену

Я рощею шла опустелой,
сердечную муку тая,
и ангелов стайка летела
куда-то в чужие края.
Когда же посланники рая
ушли за небесный порог,
легонько кружась и сверкая,
мне в руки спустилось перо.
Стою – и не знаю, что делать,
верчу его этак и так,
от блеска совсем оробела,
как в церковь забредший дурак.
А вдруг его вымолил кто-то,
какой-нибудь бедный пиит,
живёт он в постах и заботах
и в небо с надеждой глядит.
И тут я перо наудачу
пустила по ветру – лети!
...Теперь просыпаюсь – и плачу.
Да ведь не воротишь, поди.

ГОСТИ «ЗАЛА ПЕРЕВОДЧИКА»

Пётр АБРАМОВ

Москва

Пётр Абрамов, российский актёр (Малый театр), переводчик-германист, кандидат филологических наук (2006), член Goethe-Gesellschaft (Weimar), переводит с немецкого и норвежского. В 2006 году опубликовал в издательстве «Рипол-Классик» авторский сборник-биллингв переводов лирики XVIII – XIX веков «Золотые сны былого. Гёте. Ленау, Шторм». Много лет читает курсы истории зарубежной литературы в ВУЗах Москвы.

Из Теодора Шторма

1817 – 1888

(с немецкого)

Гиацинты

Глухая ночь, лишь вальс звучит вдали,
Пьянят цветы полночным ароматом,
Лишь о тебе все помыслы мои –
Уснул бы я, но танцевать должна ты.

Плывёт тот вальс, не умолкая, в ночь,
Мерцают свечи, скрипки в такт рыдают;
Как ты бледна! А лица всех пылают –
Кружатся пары друг от дружки прочь.

Ты танцевать должна в чужих объятьях,
Но грубой власти не подвластна ты.
Я вижу белое мерцающее платье
И милые, прекрасные черты...

Прохлада сонная, и в сладостной тиши
Дурманит ночь пьянящим ароматом;
Лишь о тебе все помыслы мои –
Уснул бы я, но танцевать должна ты.

Theodor STORM

1817 – 1888

Hyazinthen

Fern hallt Musik; doch hier ist stille Nacht,
Mit Schlummerduft anhauchen mich die Pflanzen.
Ich habe immer, immer dein gedacht;
Ich möchte schlafen, aber du mußt tanzen.

Es hört nicht auf, es rast ohn Unterlaß;
Die Kärzen brennen und die Geige schreien,
Es teilen und es schließen sich die Reihen,
Und alle glühen; aber du bist blaß.

Und du mußt tanzen; fremde Arme schmiegen
Sich an dein Herz; o leide nicht Gewalt!
Ich seh dein weißes Kleid vorüberfliegen
Und deine leichte, zärtliche Gestalt.

Und süßer strömend quillt der Duft der Nacht
Und träumerischer aus dem Kelch der Pflanzen.
Ich habe immer, immer dein gedacht;
Ich möchte schlafen, aber du mußt tanzen.

1852

Сергей ЗУБКОВ

Из Генриха ГЕЙНЕ
1797 – 1856

***

Бесчисленные звёзды –
Влюблённому сродни,
В тысячелетних гнёздах
Печалются они.

Язык их – тёмный омут
И межпланетный сленг,
Филологи не смогут
Понять его вовек.

Хоть я и не волшебник,
Но разобрал словцо,
Поскольку мой учебник –
Любимое лицо.

Heinrich HEINE

1797 – 1856

***

Es stehen unbeweglich
Die Sterne in der Höh,
Viel tausend Jahr, und schauen
Sich an mit Liebesweh.
Sie sprechen eine Sprache,
Die ist so reich, so schön;
Doch keiner der Philologen
Kann diese Sprache verstehn.
Ich aber hab sie gelernet,
Und ich vergesse sie nicht;
Mir diene als Grammatik
Der Herzallerliebsten Gesicht.

Барджуб

Вадим ТЕФТЕР
Днепр

Детство и юность я провёл на Дальнем Востоке, что, несомненно, отразилось на характере. Песни и предполагаемые стихи пишу с 1981 года. Участвовал во многих фестивалях, а в прошлом веке даже и в конкурсах. Бывал лауреатом, но это уже не имеет никакой ценности, особенно когда речь идёт о творчестве. В настоящее время живу в Днепре. Пишу, пою и выступаю на русском языке и даже имею успех :)

На моём счету несколько организованных и проведённых фестивалей бардовской песни: «Большой Донбасс», «32 мая» имени Барона Мюнхгаузена, «Редкая птица» и нынешний «Облака» имени Галича.

***

Я не жду непрошенных гостей,
Заварю себе покрепче чаю.
В мире есть достаточно людей,
За которыми я очень не скучаю.

Не вношу их номер в телефон,
Не мараю записные книжки,
Не несёт им добрый почтальон
От меня приветы и коврижки.

Есть, конечно, их не большинство,
С непростым клеймом единоверца...
Нас сближает некое родство,
Их звонок жду с замиранием сердца.

И вторую завершая треть
Своей долгой, непростой дороги,
Есть делить с кем хлеб и песни петь,
Пока ясен ум и носят ноги.

* * *

Я пишу свои песни на кухне,
Ну имею такой я грешок...
Если песенка радует слух мне
То даю я себе сахарок.

Я пишу их легко, на мобильник,
Обстоятельно, не для красы.
Написал и бегом в холодильник,
Меня ждёт там кружок колбасы.

Я пишу про весну и про лето,
И конечно про счастье ещё...
Моё творчество – это диета,
Вот и выгляжу я хорошо.

Сочиняю десятки историй,
Песню спел и пожалуйста – блин!
В каждой песенке сотня калорий,
В каждой ноте – сплошной витамин.

Вот сидите вы, кожа и кости,
Не пойму сразу, что вы за пол...
Приходите, пожалуйста, в гости.
Я накрою вам праздничный стол!

* * *

Из шкафа достал свой потасканный фрак.
Звезда Голливуда...
Стою перед зеркалом, старый мудака,
Надеюсь на чудо.
А время течёт, как дырявый сосуд,
Назад не вернётся...
Не сходится здесь и не сходится тут,
И вряд ли сойдётся.

А память, со временем стала острее,
До мелких деталей...
Не думаю я, что мы стали мудрей,
Но больше узнали.
Вот спину опять прикрывает мне Брут,
И что остаётся...
Не сходится здесь и не сходится тут,
И вряд ли сойдётся.

А граждане свежие новости ждут.
Из телеэкрана.
Действительность новую им подают,
Всё выглядит странно.
А там комментаторы яростно врут,
Где тонко, там рвётся...
Не сходится здесь и не сходится тут,
И вряд ли сойдётся.

Сбиваю об улицы я каблуки,
Не вырвусь из круга,
Какие же всё-таки мы дураки,
Всё ищем друг друга.
И я продолжаю нехитрый маршрут,
Колёсики трутся....
Расходятся здесь, снова сходятся тут,
Как звёзды сойдутся...

***

Сбивается сердце, по-старому херц.
В порядке и кал, и давление...
Играю я с папой на пляже в деберц,
Как раз на его день рождения.

Мне вспомнился давнишний детский азарт,
Как планы соперника выведать?..
Энергия слов, комбинации карт.
Я просто обязан был выиграть.

Так что же случилось с годами со мной?
Ужели недуги сердечные?..
Ему я сливаю игру за игрой,
Чтоб стала игра бесконечною...

Чтоб долго звучало шуршание карт,
Мгновенья любви и беспечности...
Лишь чистый расчёт и весёлый азарт,
И схватка не с папой, а с вечностью...

***

Когда все приличья откинута начисто,
И замерла жизнь, смысла нет торопиться.
Умейте дурачиться, умеете дурачиться,
Попробуйте просто,
Должно получиться.

Пусть наглухо к этим печалям прикованы,
Но раны врачует смех животворящий...
Мы просто с тобою весёлые клоуны,
Ты ряженный только, а я настоящий.

* * *

Опять фонарики на улице качаются.
Тревога, ночь особенно бледна.
А всё кончается, кончается, кончается...
И даже эта чёртова война.

Мне не уснуть, никак не получается,
Тихонько, чтоб кого не разбудить,
Из прошлого вновь песни возвращаются,
Но многие так хочется забыть...

* * *

Четвёртый год война над терриконами,
Когда всё разрешится? Кабы знать...
Обочины освоены воронами,
Им некуда и незачем летать.

И в обе стороны бредут кочевники,
Между людьми разведены мосты.
Ненужные, вчерашние учебники
По-новому трактуют блокпосты.

Мы все увязли в сапогах совдеповских...
А Мама с дедом, благо не сама,
Лежит себе тихонько на Мушкетовском,
Не ведая, что мир сошёл с ума.

Бреду я меж могилками еврейскими,
Заброшенный и неприглядный вид,
Местами, между звёздами советскими,
Желтеет на плите могоендовид.

Я маме про дела свои поведаю.
В моей душе есть свой иконостас...
«Все живы, я пошёл... Ещё поведаю.
Ты там поближе. Попроси за нас!»

***

Пыль клубится от солдатских сапог,
Запевала звонкий марш затянул.
И в потоке плац чеканящих ног
Одинокий голос мой утонул...

От победных песен шум в голове,
Невозможно ничего разобрать,
И шагают по высокой траве,
Руки чешутся врагов наказать!

Запевала, я ведь был молодым.
Тоже пел о том, как дед воевал...
А вернись бы он с войны той живым,
Неизвестно, что бы мне рассказал...

Громче звуки, смерть красна на миру,
Эту песню вместе мы не споём.
Если кто-то воспевает войну,
Пусть получит её в доме своём!

* * *

Ты в мрачный час и в час тревог
Гони обиду.
За сложность выбранных дорог
Скажу спасибо!
За то, что в жизни превозмог и не согнулся,
За то, что, отправляясь в путь,
Не оглянулся.
За то, что подло предан был
Своим соседом.
И что в скитаньях не забыл
Молитвы деда.
Что гнал сомнения души,
Что верил в чудо.
Слова, звучавшие в тиши
Из ниоткуда –
Я бережно их собирал
В простые руны.
И песня заполняла зал,
Звучали струны...
Что в сердце я сумел сберечь:
Листы альбома,
Своих друзей, мерцанье свеч
И запах дома.
Когда был выбор предо мной
Прост – либо-либо...
Спасибо, Господи, за всё.
За всё спасибо!

Марина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ
Дюссельдорф

Донкихоты

Копьё не знает промаха, всё так же верен глаз –
Открылась школа рыцарей в селении у нас.
С восхода до заката занята в ней ведёт
Известнейший идалго – Алонсо Дон Кихот.

В селенье Дон Кихоты плодятся как грибы.
Оставлены заботы на произвол судьбы,
Поля и виноградники объедены хрущом,
Зато гарцуют всадники в доспехах и с мечом.

Порывы благородные, учтивые слова...
Бурлит молва народная, кружится голова.
Красотки Дульсинеи забросили дела –
Вот то-то жизнь весёлая у нас теперь пошла!

Бродяги и повесы заполнили страну...
Но слёзы льют принцессы в разбойничьем плену,
Злодеев-великанов неисчислима рать,
А ветряков всё меньше, и хлеба не достать.

Белое пальто¹

Да, он, конечно же, наци, но с ним интересно:
Тонок, умён, ироничен на грани цинизма.
Право, не будь он таким неофитом нацизма,
Я бы решил, что мы с ним из похожего теста.
Он превосходно играет ноктюрны Шопена,
Он разбирается в снах и строении клетки,
По воскресеньям встречаемся мы непременно
В парке, за шахматной партией в тихой беседке.

Он осторожен в ходах и в словах осторожен –
Яркий образчик самой европейской системы!
Мы обсуждаем с ним самые разные темы,
Но не политику – этот расклад невозможен!
Что мне политика?! Ползать вслепую по краю?
Я максимально лоялен к вменяемой власти!
Даже в газетах я этот раздел пропускаю –
Были бы ноги в тепле, свежий кофе и сласти.

Впрочем, я слышал, у Менделя вышибли двери,
А в трёх кварталах отсюда избili старуху...
Мой визави уверяет, что всё это слухи,
И у меня нет причины ему не поверить.

Может, добавить к десерту глоточек кагора
И разыскать телефон подзабытой подруги?
.....
...Мокнет в беседке пальто из белейшей ангоры
С грубо пришитой звездой из жёлтой дерюги.

---

¹ Белое пальто – недавний, но уже устоявшийся мем. Так говорят о человеке, уверенном в собственной непогрешимости и своём нахождении «над схваткой», «вне политики». Возможно, происходит от саркастического плаката В.И. Новодворской с текстом: «Вы все дураки и не лечитесь! Одна я умная, в белом пальто стою красивая!».

Февраль-22

Жизнь вообще банальна,
Скажу я вам.
Мало кто в логово лезет
К голодным львам,
Все по фэн-шую ставят
Стол и кровать –
Некого больше
Ангелу охранять.

Ангел любит поспать,
Да и поест не прочь.
Кто-то рождает сына,
А кто-то – дочь:
План прописан от люльки
И до доски.
Ангелу делать нечего –
Ангел спит.

Ангел спит,
А мне совсем не до сна:
Не приходит что-то
В этом году весна,
Чёрный снег штрихует
Красным дома,
А вдали, на месте рассвета,
Клубится тьма.

Ангел спит, а над городом
Вьётся дым.
Что-то сместилось в мире –
Мир стал иным.
То земля покачнётся,
То небо утонет в снегу...
Я сгребаю в охапку ангела
И бегу...

Я не знаю, будет ли в этом году
Рассвет,
Или канет солнце во тьму
На десятки лет,
Но однажды черный огонь
И багровый дым
Горизонтом сменится –
Синим и золотым!

Тихо тает «сегодня»,
Уходя во тьме во «вчера».
Мы в обнимку с ангелом
Греемся у костра.
Ты не плачь – это добрый огонь,
От него тепло!
Ангел в своей корзинке
Вылизывает крыло...

Владимир АВЦЕН

НИЧТО НЕ ОПРАВДЫВАЕТ СЛАБЫХ СТИХОВ...

Эссе о поэте Ольге Бешенковской (1947 – 2006)
с письмами и отступлениями.

*В этой жизни с порядком таможенным,
Горьким хлебом и кислым вином
Утешительна мысль о возможном
Продолжении в мире ином...*

Ольга Бешенковская

4 сентября 2006 года скончалась Ольга Бешенковская – большой самобытный русский поэт. Отношение к личности и её творчеству определяется тем интересом, который не угасает и после физической смерти. У Ольги Юрьевны и по сей день тысячи читателей и почитателей. В августе 2016 года увидела свет книга, посвящённая памяти Ольги Бешенковской, «И надломиться над строкой». В неё вошли не только подборки стихов поэта из многочисленных её книг, но и отзывы читателей страничек О. Бешенковской на сайтах «Стихи.ру», «Проза.ру», поэтические посвящения, отрывки из эссе, воспоминаний, литературных исследований её творчества.

Алексей Кузнецов

Поэт – что малое дитя

Середина марта 2003-го. Дюссельдорф. Третий Международный поэтический турнир. В задании строчка Бориса Чичибабина: «Поэт – что малое дитя». Президент турнира – писатель Раф Айзенштадт. Во главе жюри – поэт Ольга Бешенковская. Я приехал в Германию меньше года назад и вскоре обнаружил в русскоязычной среде бурную литературную и каэспэшную жизнь с нешуточными разборками и выяснениями отношений. Разборки мне никогда не были интересны, другое дело – концерты, фестивали, турниры и, конечно же, люди... Об Ольге Бешенковской слышан – известный литератор, большой поэт. Но характер... Под стать фамилии! По окончании подхожу к ней, не без робости вручаю (типа, буду рад, если взглянете) тощую книжицу своих стихов «...Ни с чем не сравнимая Жизнь». Через пару дней звонит Ольга. Книжка прочитана, о стихах очень тёплый отзыв. По-детски радуюсь: поэт – что малое дитя...

Чуть позже Бешенковская дала интервью для газеты «Русская Германия». В ответ на каверзные вопросы стоит ли ей, известному поэту, возиться с графоманами, и вообще кому и на кой ляд всё это нужно, защитила и саму идею проведения турниров, и право самодетельных авторов на самовыражение, заодно помянув добрым словом организаторов этого праздника поэзии. А дальше случилось невообразимое: организаторы обиделись на неё, как я понимаю, главным образом за слова «самодетельные авторы», и последовало публичное выяснение отношений по известной логике – сама такая! Тогда я не знал, что это не первая и далеко не самая большая обида на неё...

Постарайтесь не портить «Семейку»!

Для кого-то она была Ольга Юрьевна, кто-то был с ней на «ты», у нас как-то сразу сложилось нечто среднее: неизменное «вы», но при этом дружеское «Оля» и «Володя».

Бешенковская жила в Штутгарте на улице Rotweg (Красный путь), название которой не очень вязалось с её диссидентствующей натурой, о чём она однажды не без иронии написала, заодно поведав о сути поэтического творчества:

*Ну а я о ROTWEG 43,
Где мой дом – кровать и кабинетик...
Я ведь не политик, а фонетик:
Слышу звон – и маюсь до зары...*

Так случилось, что в Штутгарт, где жили Оля и её муж Алексей Кузнецов, в 2003 году приехала семья моей сестры с нашей мамой, и я стал частым гостем этого города, что в немалой степени способствовало сближению с Ольгой и Алексеем. Поэтому, когда я вскоре по приезде надумал издавать альманах для семейного чтения, первая, кому я об этом поведал, была Бешенковская. Её реакция меня обескуражила:

– Вот вы все тут приезжаете, – сказала она неприязненно, – и сразу начинаете издавать альманахи!

Пришлось признаться, что у меня есть немалый редакторский опыт и что в моём родном Донецке я перед отъездом участвовал в создании журналов «Родомысл» и «Дикое поле. Донецкий проект», собкором которого являюсь в Германии. Объяснил также, почему хочу затеять это безнадёжное дело, и изложил концепцию будущего издания, попросив у неё, недавно закончившей издавать журнал «Родная речь», совета и помощи. Оля смягчилась и вскоре позвонила мне, предложив назвать альманах «Мишпуха». Название мне не понравилось, к тому же что-то похожее уже у кого-то имелось, но зато оно подсказало идею назвать альманах «Семейка». Название Ольга приняла, как и сам альманах, в котором она все дальнейшие годы публиковалась сама и предлагала в него авторов. В какой-то газете, давая интервью о литературной жизни иммиграции, она сказала о «Семейке», что это мост между Рейном и Днепром, имея в виду и авторский состав альманаха, и объеди-

нительную его политику, и некоторый крен в сторону украинских авторов... Когда я её за это поблагодарил, она сказала:

«Володя, альманах действительно хорош! Постарайтесь не портить «Семейку» слабыми вещами».

Я пообещал, стараюсь по мере сил до сих пор. В этой связи хочу поведать случай, который проливает свет на отношение Бешенковской и к себе, и к делу её жизни, и который помогает понять масштаб её личности.

«Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни»

Как-то уезжая от сестры, я столкнулся на Штутгартском железнодорожном вокзале с Олей и Алексеем и по их виду понял: случилась беда. И не ошибся. У Ольги неожиданно обнаружилась, как это бывает с людьми, не сильно озабоченными своим здоровьем, запущенная смертельная болезнь. Только что врач сообщил Оле, что жить ей осталось не более полугода (в Германии не принято скрывать от больных страшные диагнозы). Не приведи Бог такое услышать... А услышав, как с этим жить?

У Бешенковской было чуть ли не буквально по Давиду Самойлову: «Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни»...

Не ведаю, пыталась ли она привести в порядок свои архивы (после её смерти для их публикации огромную работу проделал муж Алексей Кузнецов – честь ему и хвала!), но знаю точно, что она отказалась от начатой было изматывающей химиотерапии, чтобы та не мешала ей работать. В результате составила книгу о творчестве писателей-инвалидов и чуть ли не до последних дней писала стихи... А ещё, даже уже не вставая с постели, жадно общалась с посещающими её друзьями, дарила им, как и прежде, своё тепло и внимание. Помню, как во время нашего с поэтессой Таней Ивлевой визита долго нас не отпускала, говорила о поэзии, просила читать ей наши стихи. При этом до конца оставалась женщиной: однажды пришёл её поведать, а она из своей комнаты – Алексею: «Это Во-

лодя? Пусть он пока не заходит», и через паузу: «Уже можно». Оказалось, надевала парик (химиотерапия, даже прерванная, сделала своё)...

Так вот, об отношении Бешенковской к себе, к делу её жизни и масштабе её личности.

Готовя очередной выпуск «Семейки», прошу у Оли подборку её новых стихов. Получив её лирику, в котором она прощалась с этим миром, обнаруживаю, что два стихотворения в этой сильной подборке заметно слабее остальных. Встаю перед проблемой: дать всё как есть или убрать эти два. После мучительных колебаний решаю убрать... Для нормального человека поступок мой выглядит чудовищным (да кто ж из нас, литераторов, нормален?!). И то, что я выполнял завет Оли «не портить «Семейку», и то, что я заботился не только о пресловутой планке альманаха, но и о качестве столь важной подборки, вряд ли может служить оправданием. Благими намерениями, как известно...

Звоню Оле, сообщаю, что хочу убрать из её подборки два, на мой взгляд, слабых стихотворения. Называю их.

Оля:

– Если вы считаете, что они слабые, убирайте. Ничто не может служить оправданием слабым стихам.

И далее говорит то, что никто другой на её месте, наверное, ни за что не сказал бы:

– Знаете, Володя, а ведь и в (звучит название толстого российского журнала) тоже не взяли именно эти два.

Мастер

Работала Оля много. Стихи, статьи, эссе, рецензии, критические отклики, составление чужих подборок стихов с неизменно доброжелательными (иногда, на мой взгляд, излишне авансовыми) предисловиями в газетах и журналах. Её творческие вечера становились настоящим событием для любителей поэзии. Во время личных встреч всегда просила меня почи-

тать новые стихи, но сама свои почти никогда не читала. Однажды я попросил её об этом, на что она ответила, что давно не пишется, нового ничего нет, ну разве что вот это... И выдала мне очень сильный цикл стихотворений об окружающих её вещах. Я с удивлением заметил, мол, как же не пишется, такие стихи! На что Оля возразила: да это я так, чтобы форму не терять...

О её творчестве (а Ольга начала профессионально писать в 12 лет) с восхищением отзывались многие собратья по перу, в том числе Евтушенко, назвавший Бешенковскую одной из лучших поэтесс нашего времени. А известный литературовед Ефим Эткинд как-то сказал о ней: «Ваше мощное соединение современности речи, сегодняшнего мышления и видения мира с античной образностью и перифразами классицизма, Ваше слияние отвращения и любви, духовного и отвратительно-материального, строгого и распущенного меня покорило».

На этом можно было бы поставить точку, если б не одно давнее ко мне письмо и не один мой старый долг перед Олей – неопубликованная статья. Об этом ниже. Но сначала об одной её странности.

Оставьте своё сообщение...

Была у Бешенковской одна странность, которую я долго не мог понять. Звонишь ей, включается автоответчик с просьбой оставить сообщение, и только ты открываешь рот, чтобы это сделать, трубку снимает Оля. Спросить, почему так происходит, было неловко, списал это на странность поэта. Лишь позднее до меня дошло, что это никакая не странность, а кошмарная жизненная необходимость: Оля должна была сначала понять, кто звонит, чтобы решить, брать трубку или нет...

А вот теперь – письмо.

«Привет из Штутгарта!»

Володя, привет!

Как дела? Я надеюсь, что у тебя всё хорошо. Последнее время замечаю, как мал круг светлых людей в этом нашем германском – русском мирке. Поэтому бывают минуты, когда кризис среднего возраста вдруг на какое-то время тебя покидает, и ты начинаешь думать о тех, с кем было в последнее время приятно провести время.

В данном случае о тебе. Поводом для таких приятных воспоминаний послужило нижеследующее эссе. Возможно, ты его уже читал, если нет, то прочитай. (Автор письма прочитал книгу О. Бешенковской «Травля» /Вынужденное послесловие к «Дневнику сердитого эмигранта»/, с бумажным вариантом которой я, естественно, был знаком. – ВА)

Случай в «Менестреле» я помню очень хорошо, и помню, что я тогда совсем не понял твоего праведного гнева, так как был совсем не в курсе всех тех событий, которые описываются в этом повествовании, просто интуитивно тебе поверил, и знал, что, если ты так поступил, значит это правильно. Володя, ты был тогда абсолютно прав, и молодец, что не промолчал! Если бы я был в курсе, то тот человек никогда не попал бы к микрофону. Впрочем, он уже давно на клуб не ходит, и как мне теперь кажется, именно после той «оплеухи», которую ты ему красиво отвесил.

Интересно, то, что я прожил в Штутгарте уже 18 лет, из них в течение 16-ти пел песни и организовывал всякие меропрятя, и никогда не думал, что в этом обществе всё так «друстно». Может потому, что мы просто «починяем свой примус», и создали сообщество замечательных людей, в кругу которых тепло и интересно. Но добро должно быть с кулаками.

Удачи тебе! Не болей! И твори на радость всем!

Миша, 09.05.2012

Неожиданное это послание от бывшего руководителя штутгартского бардклуба «Менестрель» Михаила Раменского пришло через шесть лет после смерти Бешенковской. Оно меня взволновало, и я ответил Мише, что раз он (пусть и через столько лет!) понял то, о чём написал, значит, действительно преодолел кризис среднего возраста, и я за него искренне рад.

Сам Миша, к сожалению, скоропостижно скончается (сердце) в неполные 50, спустя несколько лет после своего исповедального письма...

Предыстория этого письма такова.

Из моей неопубликованной статьи «Не могу понять»

Живёт в Штутгарте известный литератор, которую Евгений Евтушенко, составитель антологии «Строфы века», назвал одной из сильнейших современных русских женщин-поэтов. На днях Нью-Йоркское издательство, взяв, что сейчас редкость, расходы на себя, выпустило в свет её десятый сборник «Беззапретная даль».

Зовут литератора Ольга Бешенковская. Далее будем именовать её Ольга. Для простоты изложения.

Живёт в Штутгарте ещё один литератор. Тоже, по-своему, известный. Руководит литобъединением. Пишет стихи. Лирику его мне прочесть не довелось, а вот ироническую продукцию я имел возможность услышать в штутгартском бардклубе. Зовут литератора Юрий.

Ну живут и живут в одном городе два поэта, казалось бы, чего им делить? Ольге и впрямь делить с Юрием нечего. Она, по её словам, в глаза его не видела и стихов не читала. Юрий же Ольгу пристально читает и «горячо любит». Выступая перед публикой, он так и говорит: «А сейчас – пародия на нашего горячо любимого автора!» И зал уже улыбается, ибо ведаёт, о ком пойдёт речь, и замирает в предвкушении. А вкушает зал примерно такое: «Я, – говорит Юрий, – тоже, как и эта поэтесса, родом из

Питера. Там её, кстати, никто не знает». (Это Юрий об Ольге, чьи произведения не однажды появлялись на страницах журналов «Нева», «Звезда», «Октябрь», о творчестве которой не раз писали журналы «Новый мир» и «Знамя»). «Она, – продолжает Юрий, – там рассказывает всем, как знаменита здесь, а здесь – как знаменита там». (Это Юрий об Ольге, у которой огромное, за тысячу, количество публикаций в альманахах, журналах, антологиях России, Украины, Германии, Франции, Америки). «Я обожаю её пародировать, – откровенничает Юрий, – потому что она пишет свои стихи, напрягаясь так, словно вот-вот пукнет»... Вы наверняка сейчас морщитесь, дорогие читатели, и вряд ли смеётесь. А вот публика в этом месте просто заходится от смеха! Но дальше и ей не очень смешно – пародия слабая и откровенно скучная (на других авторов у Юрия почему-то получается лучше, возможно, мешает ему та самая «любовь» к пародируемому объекту).

Отступление первое

Юрин выпад произошёл за несколько лет до ухода из жизни Ольги Бешенковской и аккурат через полчаса после её ухода из бардклуба вместе с мужем Алексеем Кузнецовым: когда они узнали, что я приезжаю с творческим вечером в «Менестрель», пришли и честно отсидели час до перерыва. Помню, как Ольга, прощаясь со мной, грустно пошутила: «Вот ведь удивительно: объяви, что будет вечер поэта Авцена, соберётся 20 человек, а на Авцена-барда, придёт 200...»

Когда закончился вечер, я собирался сказать Юрию, что пародия должна быть не слабее, а желательно сильнее пародируемого материала, и что уж точно недопустимо при этом говорить пошлости в адрес объекта пародии. Попытка не удалась – Юрий покинул мероприятие сразу по его окончании. Тогда я поделился этой мыслью во время дружеского застолья с членами клуба, а заодно задал вопрос: почему к Ольге здесь такое, мягко говоря, странное отношение. «Ну вы же знаете,

кто она такая!», – ответили мне. «Знаю, – сказал я, – большой русский поэт». За столом повисла пауза, кто-то предложил пустить гитару по кругу, и тема Бешенковской была закрыта. Не желая огорчать Олю, я ей обо всём этом не рассказал.

Через год я снова в «Менестреле». У меня несколько минут во второй части вечера в «Зелёном микрофоне». И только я покидаю сцену, как на неё поднимается Юрий.

Из статьи «Не могу понять»

...Юрий объявляет, что сейчас, как обычно, будут стихи «про нашего любимого автора». Цитирую по памяти начало, далее, уж простите, в пересказе:

*А и Б сидели на трубе,
Говорили меж собою
о Мудищеве Луке...*

Кто и что разумеется под Б, вам, уважаемые читатели, понятно, а под А (подскажу) имеется в виду муж этой самой Б – Алексей. Суть же вишней сводится к тому, что Б как женщина в большой претензии к своему А как мужчине, а вот Лукой Мудищевым, напротив, весьма довольна за (как бы это поприличней сказать?), в общем, за его большое достоинство, и отдаёт предпочтение Луке, а не своему мужу, у которого это достоинство поменьше... Надо ли говорить, что по ходу чтения в зале смех, а в конце – бурные продолжительные?!

Отступление второе

Едва Юрий покинул сцену, к свободному микрофону вынесло меня. (В зале недоумённый ропот.)

– Я прошу, – сказал я, – простить меня за выход без приглашения. Возможно, у вас здесь не принято вступать в публичную полемику, за что я тоже приношу извинения. (Зал при-

тих.) Но иначе я поступить не могу. При мне уже второй раз здесь у вас вытирают ноги о большого русского поэта, живущего в вашем городе и делающего этим ему честь. Это, во-первых. Во-вторых, Юрий, я ещё прошлый раз хотел вам сказать, что хорошие пародии и стихи могут быть злыми, но не злобными и желательно не пошлыми. (Зал выжидающе молчит.) И в-третьих, Юрий, откуда у вас такие познания о том, что делается у Алексея в штанах?! (Пародист заметно краснеет. Зал хохочет – теперь уже над Юрием.)

Схожу со сцены, меня ловит за руку тоже, как я, иногородняя посетительница клуба:

– Напрасно вы так, Володя! Если бы здесь была Оля, она бы посмеялась вместе со всеми, да и всё.

На что я ответил, что вряд ли, и поинтересовался у девушки, смеялась бы она, если бы со сцены нечто подобное прозвучало о ней...

Кто-то передал Оле о моём заступничестве, о чём она упомянула в эссе «Травля».

Из статьи «Не могу понять»

В жизни бывает всяко. Ну полюбил один литератор другого странную любовь. Ну принял как руководство к действию хрестоматийные строчки «У поэтов есть такой обычай, в круг сойдясь, оплёвывают друг друга». Ну... Впрочем, на этом всякие «ну» и кончаются. Ибо ни в какой круг Ольга и Юрий никогда не сходились и не сойдутся – Юрий и впредь обречён произносить свои безответные филиппики за её спиной. Это, во-первых. А во-вторых, и, в главных, – дело не в Юрии вовсе. Дело в нас, именующих себя (часто не без скрытой гордости) русской иммиграцией и даже русской интеллигенцией и... упивающихся приведенными выше Юриными пассажами! Именно на подобную публику рассчитывали те, кто в прошлом году завалили почтовые ящики русскоязычного населения Штутгарта анонимками в адрес Ольги Бешенковской, которые невозможно даже процитировать в

силу низкопробности их стиля и оскорбительности содержания. Хочется надеяться, что прямого отношения к написанию этих анонимок Юрий всё же не имеет, чему, как мне кажется, есть подтверждение. Но об этом – чуть ниже. А пока в двух словах о причине столь пристального внимания «анонимистов» к Ольгиной персоне. Для тех, кто не знает.

Лет десять назад Бешенковская, что называется, подставилась по полной программе, опубликовав сначала в издаваемом ею журнале «Родная речь», а затем в «Октябре» «Дневник сердитого эмигранта». В этом большом, многоплановом и, если можно так сказать, многожанровом эссе писатель, прожившая первые три года по приезде в Германию в иммигрантском общежитии, поведала в прозе и стихах о своих радостях и печалях, умудрившись задеть за живое и русских, и немцев, и евреев, описав не самые лучшие качества и нравы некоторых своих соседей. При этом никаких конкретных имён (что важно!) не было названо... Автор настолько ярко изобразила жизнь и характеры, что читатели из других городов в своих письмах недоумевали, зачем писатель придумала про Штутгарт, когда всё это происходило в их городах и в их общежитиях! СобираТЕЛЬНЫЕ образы – приём в литературе известный, а жанр памфлета, который просматривается в описании неприглядных сторон бытия, потребовал от писателя и соответствующих красок. Зеркало, поднесенное ею к глазам читателя, отразило отнюдь не умиленную картину. Вот этого-то долгие годы и не могут ей забыть и простить русскоязычные обыватели города, как те, которые по прочтению «Дневника сердитого эмигранта» узнали в героях себя, так и те, кто, по печально известной формуле, эссе не читали, но с их автором не согласны. Очень скоро «сердитая эмигрантка» Бешенковская получила от рассерженных иммигрантов и продолжает все эти годы получать звонки с угрозами, возмущённые письма в инстанции, а теперь вот эти анонимки.

В юности мне как-то попалось на глаза изречение философа Бенедикта Спинозы о том, что, размышляя над поступками людей, он не спешит их осуждать, а старается сначала понять.

Постулат этот мне полюбился и не раз потом помогал разобраться в чудовищно трудном явлении, имя которому – человеческие взаимоотношения. Помогал часто, но, увы, не всегда.

Я могу понять чувства тех, кого обидела не злая в жизни, но остроязычная и резкая в своих статьях, а порою и стихах Бешенковская. Могу понять, что у обиженных возникло естественное и справедливое желание разобраться с обидчиком. Но я не понимаю столь очевидной неадекватности ответных мер. Я не понимаю, как можно без устали воевать с писателем целых десять (!) лет! Я не понимаю: дело тут в каких-то особых качествах людей, которые вышли на тропу войны, или причина в известности писателя, ошибочно принимаемой за синоним счастья, и если бы после «Дневника» писательская судьба Бешенковской вдруг не сложилась, то её прегрешения скоро и навсегда забылись бы?

Я могу понять и Юрия. Ревность к чужому таланту – тяжкое бремя! Это разрушительное чувство коварно – оно обоюдоопасно, как для её объекта, так и для самого субъекта. Думается, именно этим чувством продиктованы злые Юрины эскапады в адрес Ольги, именно это чувство, как мне рассказывали, погнало его однажды в другой город, чтобы упредить своим выступлением ожидаемую там встречу читателей с Бешенковской, а заодно поагитировать публику не ходить на её концерт. Все это я могу понять. А вот его недавно испечённое с товарищем письмо в журнал «Нева» я понять не могу! Не понял его и главный редактор журнала Борис Никольский, не привыкший к подобного рода посланиям или уже счастливо отвыкший от них...

«Дорогая Ольга!

На днях вышел пятый номер „Невы“ с Вашей (по-моему, очень хорошей, глубоко трогающей душу подборкой стихов). Так что поздравляю и Вас, и себя. Вместе с тем, не могу не поделиться одной странной историей. Недавно я получил письмо из Штутгарта, где два наших бывших соотечественника по собственной инициативе пытались организовать подписку „Невы“. И вдруг вот

что пишет мне один из них (Семен Ратнопорт). Дальше воспроизвожу текст письма дословно: „ja i Yury Gerlovin sanimaetsja podpiskoi na Vasch zurnal. No nekaja Olga Beschenkovskaja provela akziju protiv podpiski. Negativno otsivajas o NEVE i Vas litschno. Mi poterjali vsech (11 tschelovek) soglasivschichsja“.

Конечно, подобное письмо не могло не привести меня в изумление. Мне кажется, я знаю Ваше отношение к «Неве» и что-то не верю, что оно могло так быстро и так кардинально измениться. Но в чем тут дело? Обычно я не придаю подобным историям значения, однако я всегда слишком ценил и ценю наше сотрудничество, наши отношения, чтобы отнестись к возникшей ситуации со спокойным безразличием.

Всего Вам доброго! Ваш Б. Никольский»

Повторяю, понять это письмо в журнал невозможно, ибо оно вне человеческой логики. 15 лет печататься в «Неве», быть в прекрасных отношениях с редактором и мешать подписке, можно сказать, на свой родной журнал?! У Ольги Бешенковской, как у любого человека, есть недостатки, но с мозгами-то у неё всегда было всё в порядке.

Впрочем, хотя именно данное письмо и было последней каплей, переполнившей терпение и побудившей меня написать эту статью, но как раз оно и навело меня на мысль, что к написанию упомянутых выше анонимок Юрий может личного отношения и не иметь: как видим, он сражается со своим «любимым поэтом», хотя и нелепо, и излишне темпераментно, но всё-таки с открытым забралом. А это слегка утешает! Как и то, что всё же были и в бардовском клубе люди, которые не тащились от антибешенковского стёба; как и то, что далеко не все русскоговорящие иммигранты восхитились обрушенной на них анонимной стряпнёй – долгое время в квартире поэта не умолкали сочувственные, а в редакциях газет возмущённые телефонные звонки; как и то, что «Еврейская газета» выступила тогда в защиту Бешенковской и обронила по поводу её травли своё «золотое слово, со слезами смешанное»...

Вот и мне от моего «весёлого» рассказа что-то взгрустнулось. Я понимаю, господа, что призыв Кота Леопольда «Давайте жить дружно!», – не про нас, иммигрантов.

Я понимаю, что и немиммигранты тоже не сливаются денно и нощно в дружеских объятиях.

Я много чего понимаю.

Но я не понимаю, почему мы не можем жить на земле по-людски?..

Отступление третье

Цитируемая здесь статья готовилась для газеты «Русская Германия». Узнав о том, что я усомнился в причастности Юрия к собственноручному написанию и распространению анонимок, Оля сказала, что она уверена в его виновности, и я должен в статье про это непременно сказать. Поскольку уверенность не есть доказательство, я напомнил Оле о презумпции невиновности. На что она сказала: «Ну тогда вообще не надо это печатать!» На том и порешили...

И вот через много лет после ухода Ольги Бешенковской я со сложным чувством своей тогдашней правоты и нынешней вины перед ней решил опубликовать и эту статью, и всё, что с ней связано.

P.S. В 2010 году Международная гильдия писателей учредила литературную премию имени Ольги Бешенковской. Случилось это в Штутгарте через 4 года после смерти поэта... А на логотипе в правом верхнем углу журналов «Русский Штутгарт» и «Баден-Вюртемберг» рядом с портретами великих княгинь, королев Вюртемберга Екатерины Павловны (1788 – 1819) и Ольги Николаевны (1822 – 1892) с неких пор появился портрет Ольги Бешенковской (1947 – 2006), жившей в городе последние 14 лет. Мне бы в пору радоваться: сбылось моё предсказание, что штутгартцы со временем будут гордиться своей выдающейся современницей. Но что-то мешает... Существует утешительная фраза

про время, которое работает на истину и всё расставляет по своим местам. Возможно. Вот только дожить до результатов этой работы, увы, редко кому удаётся.

Ольга БЕШЕНКОВСКАЯ

Алексею Кузнецову

Любимый, прощай и прости,
Что мало стихов посвятила.
Сначала ссыхались в горсти,
Мерцая гордыней, чернила.
Потом наших дней круговерть,
Пеленки и пленки, и гости.
И, кажется, столько стерпеть
Должны мы без приступов злости.
И вот роковая черта –
За ней не напишешь и строчки.
Любимый! Я больше не та,
Я вижу моря и листочки.
На ней, на черте роковой,
Виднее любовь и разлука,
И если б Амур был живой,
Он выстрелил снова из лука.

Александр ХОРАБЛЁВ

Горловка

ЧЕРНЫЙ ВЕСТНИК

(о донецком поэте Игоре Галкине)

Впервые о нем я узнал из стихотворения, в котором были такие строчки: «Мы с поэтом Галкиным вам еще покажем!» Подумалось: наконец-то! И не важно, кто он такой, этот Галкин. Может, отвлеченной образ: патриот, пролетарий, хранитель традиции, носитель подлинности. Важнее другое: в Донецке зарождается настоящая литературная жизнь. Наступает свой, несколько запоздавший, но все же серебряный век – с направлениями, манифестами, конфронтациями.

А подумалось так потому, что это было не просто стихотворение, а послание Всемирному съезду верлибристов, который совершенно алогично и невероятно состоялся в 1992 году в Донецке, где вроде бы никаких оснований для такого события не было. Ну, разве что кроме такого же алогичного и невероятного Сергея Шаталова, сумевшего его организовать. Выходит, этого достаточно.

Сам «съезд» не пробуждал особых надежд. Он был фейерверк в ночи. Ну, нашлись деньги, сошлись звезды, вот и реши-

ли погулять, да так, чтобы было что вспомнить. А дальше что – снова тишина?

Другое дело – энергия противостояния. Это испытанный способ запустить процесс. Но что в Донецке противопоставить всемирному съезду, и кто из донецких может противостоять харизматичному Шаталову? И вдруг нашелся такой. Некто Галкин. Наполовину Пушкин, судя по фамилии.

* * *

Провозглашенное противостояние не состоялось. Услышав стихи Галкина, Шаталов просто подошел и обнял поэта. И они стали работать вместе.

По странной случайности, а может, и закономерности, их сближало, хотя и разделяло, кино. Один создал в Донецке киноцентр, добывал разными путями редкостные видеокассеты, выступал перед просмотрами, настраивая публику на высокие градусы восприятия. А другой сидел в том же зале и озвучивал зарубежные фильмы, иногда при этом иронизируя и импровизируя.

Некоторое время Шаталов работал и на телевидении, вел авторскую программу. А Галкин, сидя у телевизора, язвительно и желчно комментировал популярные телепередачи и резонансные фильмы, в том числе и мировые шедевры. И публиковал эти комментарии под псевдонимом «Критиканский».

Реальные творческие отношения, как это часто бывает, особенно в донецком контексте, сложнее литературных разделений. Кое в чем Галкин, действительно, противостоял Шаталову, но главным образом потому, что он противостоял вообще всем. Это не мешало ему не только работать в шаталовской киносистеме, но и публиковаться в «Антологии русского верлибра» (1991), где донецкий блок был собран, опять же, Шаталовым. Это была не беспринципность, это была свобода.

* * *

Это была «игра в декаданс». Да-да, демонстрация своей разности, демонизация своей личности, имитация своей значимости. Манифестация себя, раз уж возникает возможность.

*это я
черная душа в светлой человеческой упаковке
а сверху снова закутан черным пальто
и завинчен черным зонтом
страшно от этого мне одному
я невидим в черных витринах ночных*

Это что, серьезно? – спросит кто-нибудь из будущего. Более чем – ответят те, кто помнит то время.

Литература тогда уже пошла вразнос, но еще оставалась смысловым центром, ради нее стоило жить. Она все еще диктовала и вела, объясняла и оправдывала. Да, она играла судьбами, но это была высокая игра. Она повторялась, но это была творческая реинкарнация. Кто-то совпадал с ниспровергателями канонов, кто-то держался традиций, кто-то улетал в космос, кто-то уходил в себя. Это по-прежнему была матрица, предопределяющая личностное бытие.

Не важно, что апологет Галкина и автор антишаталовского послания Сергей Минаков стихов не вообще писал. Зато он знал, как пишут стихи, потому что прочитал об этом книжку В.В. Кожинова. Он был серьезен, когда говорил о поэзии, и искренен, когда призывал к Есенину и Рубцову. Но поступил в духе первых русских футуристов, которые заявили о себе миру, еще ничего толком не создав.

Попробуй разберись, кому ближе и на кого похож Игорь Галкин, в каком ряду и в каком окружении его место. Любил – Блока, работал – как Маяковский, жил и пил – как Есенин.

Перебирая облики и роли, в которых он представлялся, задерживаюсь на одной аналогии: Александр Добролюбов. Был такой поэт век тому назад – тоже ходил в черном, жил в ком-

нате с черными стенами, писал странные стихи, потом ушел в народ и вовсе пропал.

* * *

15 марта 1994 года Игорь Галкин выступил на заседании Вольного филологического общества (на «Кораблёвнике», как говорили), которое в то время образовалось на филфаке Донецкого университета. Там можно было послушать, расспросить и откомментировать известных, но также и совсем неизвестных донецких авторов.

Пригласил его Минаков, который тогда был завсегдаем тех заседаний. Надо же исполнять данное обещание, что-то «показывать». Галкин согласился. Не то чтобы представиться – скорее покуражиться. Почему бы не проверить свои тексты на зубах злобных критиков? Почему бы не поглядеть на этих экспертов? Он ведь не только поэт, но и отменный журналист – чуял, где пахнет жареным.

Явление Галкина должно было произвести на собравшихся инквизиторов inferнально-готическое впечатление: весь в черном и сам черный, с траурными испытующими глазами. Сразу стало понятно, почему его зовут «Черный Доктор».

Предваряя свои стихи и отвечая на вопросы, он экспрессивными черными мазками набрасывал перед слушателями свой литературный портрет:

– Я случайный человек в этом мире, и моя профессия ни о чем не говорит.

– Назрела невротическая ситуация – я ее быстро нейтрализовал.

– Я апеллирую к конкретному человеку.

– Я, как всякий безумный человек...

– Люблю Блока. Не люблю Бродского.

На вопрос о его мировоззрении Черный Доктор ответил:

– Я атеист. Я в любую секунду жизни могу утверждать, что я атеист.

На вопрос о его местоположении в иерархии донецких культурных компетенций сказал:

– На сегодняшний день лучшего специалиста по проблемам кино в городе Донецке нет.

О его месте в донецкой литературе не спрашивали – предполагалось, что как раз это и предстояло выяснить. Но по его репликам можно было заключить, что у него имелось мнение и об этом.

В его стихах и в том, как он их читал, тоже была чернота:

«Мы дети бунтующей черни...»

«Выручи, ремеслуха...»

*«Будущее – бездарно,
Лучшего – не создам...»*

«Там где-то в глубине...»

На встрече присутствовал доцент Станислав Васильевич Медовников. Галкина он видел впервые, ничего о нем не знал и судил по тому, что только что посмотрел и услышал:

– *Наш гость разыграл неплохой спектакль. Очень мощная маскировка. Менял маски, весьма искусно, нельзя отказать в этом ремесле... Это распространено – когда стихи пишутся о чем-то. Это звучит неплохо, малый эпатаж годится для развлечения публики. Стихи весьма искусны, вполне соответствуют представлениям о поэзии... Это стихотворная беллетристика, которая имеет право на существование. Но есть и другой род поэзии, высший... Игорь Галкин добился своего – мы ничего не узнали о нем. Этому соответствует тусовочный разговорчик... Это поэзия для своих. Она, повторяю, имеет право на существование, можно на этом поприще иметь успех. Но Игорь Галкин, простите, наверное, знает, что поэзия – откровение, обнаружение некоторой сущности...*

Поэт сумрачно смотрел на доцента и, когда тот приостановился, произнес: «Говорите, я слушаю. Я не Хаткина». Значит, он в теме. Знает, кто такой Медовников (премьер донецкой критики) и кто Хаткина (прима донецкой поэзии), и об их взаимной неприязни. И как значимо он противопоставился. Еще одна оппозиция: «Я не Хаткина, я другой».

А мэтр невозмутимо продолжал:

– Но в чем-то вы похожи. К сожалению, все ваши стихи знакомы в тысяче других вариантах. Это не значит, что они подражательны. Игорь никому не подражает. Но и не идет вслед за поэзией... То, что идет от Бога, – совсем задушено. Надо не бояться выпустить то сокровенное, что есть в Игоре Галкине. Он нас обидел – не лучшее отдал. Лучшее в себе несет. Человек должен писать лучше, чем говорить, и думать лучше, чем писать. Есть путь другой поэзии. Когда стихи пишутся в присутствии Бога...

Другие эксперты, менее искушенные (хотя среди них были и будущие местные знаменитости), тоже старались не поддаться галкинскому наваждению. Предъявленный им антураж они восприняли как атрибутику театрально-карнавального действия. Черные одежды бесцеремонно срывались с пришедшего, и на обнаженном теле ставилось клеймо:

– Поэт – когда есть некое объединяющее начало.

– Это прозрачно...

– ... как студень.

– Диагноз: гипоманиакальный психоз.

– Поэзия больше, чем автор... Такая поэзия – самопознающая, а не миропознающая... Использует использованный материал... Остается человеком... Поэт учится у своей поэзии... Это было бы лучше для Игоря как для человека.

***

Галкин умел не только слушать, но и возражать. А уж критиковать – и сам любил. Критиканский!

Он стал приходить на заседания «Кораблевника». И всегда это было вторжение. Как-то заявился он посреди чьего-то вы-

ступления со словами: «Я пиджак не забывал? Пьяный был в прошлый раз...»

Предпочитал бывать на знаковых обсуждениях, как бы мерясь харизмой. Например, когда звезда филфака Дмитрий Трибушный, тогда еще студент, читал эссе о Башлачеве. Ставя свой диагноз, Черный Доктор высказывался веско, внятно и категорично:

– Дима в 19 лет решает вечные вопросы. Я бутылку вина выпиваю с большим трудом. Решать их, может быть, и нужно. Хотя это и бесполезно... Доклад изначально порочен... Башлачев – бездарен...

Пришёл на памятную встречу с американскими миссионерами, где позволил себе недипломатичные высказывания, которые, впрочем, позволял себе и прежде:

– Украине и Америке чужды понятия культуры... Наглость американцев меня потрясает. Наглость человека, не умеющего думать.

А однажды угодил под экстрасенсорную экспертизу. Известный в городе биопсихоаналитик Л.Ф. Лихачева определяла духовность и биополя участников клуба. Тот, кто ожидал разоблачения Черного Доктора, был разочарован. Оказалось, что это человек светлый (+5 из 7) и энергичный (25 м). Если, конечно, верить тому, чего нельзя перепроверить.

***

Наверное, он действительно умел слушать, потому что постепенно его стихи стали обретать недостающее – поэтическую силу, органику и сквозящую в обыденности нездешность. В 2002 году пришло время издать первый поэтический сборник. Но автор озаглавил его иначе, печальнее: «Просто время прошло».

«Пришло» и «прошло» – это разные ощущения времени и своего существования в мире. В обоих случаях – констатация

психофизической закономерности, но есть разница: «пришло» – встреча с будущим, «прошло» – прощание с прошлым. Это честные стихи, зафиксировавшие прожитое, пережитое, унесенное временем, но не удаленное из памяти, ставшее опытом, знанием, зрением.

Он подарил мне свою книжку, надписав: «Сан Саныч! Спасибо за то, что помните... 23.02.2002». Теперь эта надпись читается как записка из прошлого в будущее, из 2002-го в 2022-й, когда пришло время оглянуться и вспомнить.

А тогда, так совпало, я стал издавать журнал «Дикое поле», и в первом номере была помещена рецензия Игоря Лимаренко, который хорошо знал автора и мог отметить перспективу его роста: «от богов – к Богу, от многих любовей с их „равенства знаком“ – к Любви, от какофонии повседневного – к Музыке...»

В донецкую литературу впечатывалось новое имя. Автор это сознавал и уже отстранялся от себя:

*Зачем я имя свое распушил?
Какие сугробы!*

(«Реквием невозможному», с. 10).

Имя – всего лишь слово, но это последнее, что остается от исчезающего навсегда человека:

*Останется зимняя схема
и мокрая схема снегов.
И даже невнятное имя,
и отзвуки от него.
Останется несколько сплетен,
хоть их вспоминать не резон.
А я подпою напоследок –
алхимик и фармазон.
Останутся в сотне архивов,
заученные наизусть,*

*и эта последняя хитрость,
и эта славянская грусть,
и вечная слава нашедшим.
Но мы навсегда утаим
извечное несовершенство –
праматерь печалей своих.*

(«Останется зимняя схема...», с.36)

***

Мало кто знал, что в те годы журналист Игорь Галкин, отвлекаясь от основной работы, писал не только стихи и кино-рецензии, но и как бы научное исследование. В 1998 году его труд был закончен, но, несмотря на либеральное время, ни украинские, ни российские издательства не взялись его опубликовать. Наверное, оттого, что название показалось вторичным, а содержание пугающим: «Ветхий Майн Кампф».

Не будучи профессиональным историком, не располагая достаточным материалом, не владея эксклюзивной информацией, он детально и, насколько это было возможно, досконально, с множеством цитат и ссылок, рассмотрел взаимосвязь двух громадных явлений XX века – фашизма и сионизма.

Куда бы ни вглядывался исследователь, это зеркало, в котором отражен и он сам. В книге Галкина отразились не только его интересы, мысли и отношения, но и особенности его личности, его устремленность к самым темным тайнам своего века, его интеллектуальная смелость, честность, жёсткость, но и, как считается, излишние в научном исследовании эмоции, эмпатии и даже непроизвольный мистицизм.

Странное, монструозное название книги выражает суть заключенной в ней концепции: судьба еврейства, предсказанная в Ветхом Завете, исполнена, и фашизм – исполнитель предсказанного. В событиях Второй мировой войны он пытается разглядеть сокровенный ход истории. По-журналистски резкие и цепкие галкинские комментарии, перемежающие сарказм с иронией, скрепляют разроз-

ненные факты, свидетельства и интерпретации в динамичное и нескучное повествование.

Как бы извиняясь за свой невольный антисемитизм, он оправдывает себя апелляцией к оттесняемому с мировой магистральной славянству, принявшему на себя основной удар глобальной военной катастрофы:

Я, наверное, пишу святотатственные вещи – Альтишулер, сцелив зубы, форсировал Днепр и лез на стены Кёнисберга, а у Бравовера и до сих пор виден на руке неподдельный номер Дахау. Но почему ни разу в моем присутствии с трясущимся листиком к микрофону не вышел Кузнецов, а места почетного председателя районного Совета ветеранов ни разу не удостоился Сидоров или Фоменко?! Они что – плыли медленнее или на одну цифру имеют на руке меньше?!

А в последних абзацах его тон меняется, приподнимается, становится почти пророческим:

Каждый год, одного и того же числа, на улицах всех городов и сел моего бывшего Отечества появляются старые люди с орденами и медалями на пиджаках и мундирах.

Когда-то их пытались заставить «кланяться» и «лизать прах»...

Но я надеюсь, я знаю, что это не удастся сделать ни с их сыновьями, ни с их внуками, ни с их правнуками... Не удастся сделать ни «высшим», ни «прогрессивным», ни «избранным»...

* * *

Несмотря на свою инаковость и разноликость, он был своим, донецким. Это чувствовалось и произносилось, притягивало и провоцировало, делало его самого фигурой речи и знаком идентичности.

И вдруг он уезжает. Но тоже по-донецки – чтобы вернуться. Наверное, помимо материальных причин, были и нематери-

альные, экзистенциальные какие-нибудь. Скажем, испытать новые ощущения, испробовать новое пространство, не умозрительно, а реально – руками, ногами, всеми органами.

Он уехал в Крым, в древний Судак. Уехал вместе с верным соратником Минаковым. Там они охраняли какой-то объект и пили местное вино, закусывая стихами. В Судаке, между прочим, производилось знаменитое вино «Черный доктор» – элитное, целебное, крепкое, десертное.

В поэзию Галкина вошли облака, горы, море, кипарисы, коты, улитки...

*Часами наблюдаю облака.
Помногу дней бесчинствую в запое.
Неделями о жизни свысока
раздумываю, весел и спокоен.*

*Я месяцами праведен и прост.
Зато дурак другими месяцами.
Годами отвечаю на вопрос:
зачем же я слежу за небесами?*

Может, всего перечисленного было слишком много. Все чаще вспоминался родной Север, и Крым прекратился.

***

Приближаясь к пятидесяти, Черный Доктор стал похож на пророка – суровый, белобородый. Бывают ли пророки атеистами?

От былой борьбы с верлибристами осталось только вольнодумство. Верлибры теперь случались и у него самого – как проявления новой свободы, остихотворенной не внешними скрепами, а внутренними смыслами. Вот его перевод отрывка из песни Стинга, озаглавленный по-докторски «Рецепт»:

*Когда врачам не удалось тебя исцелить,
Когда ни одно лекарство не приводит к улучшению,
Когда ни одно правительство не приводит к покою,
Когда уже больше нет места для лжи,
Больше никакой бесполезной информации,
И стрелка компаса вращается,
Стрелка компаса вращается между раем и адом...
Позволь душе быть твоим пилотом,
Позволь душе указать тебе путь,
Она отлично с этим справится...*

То же происходило и с его имиджем. Свои газетные публикации Галкин еще подписывал «ака Черный Доктор», но в стихах уже проступало, как ян сквозь инь, что-то иное, противоположное. Может, эта двойственность всегда в нем была, и только теперь пришло время ей приоткрыться. Та же черно-белая синема, вскрывающая структуру личности, о которой он когда-то признавался, в момент откровенности: «это я». И тогда же он высказывал надежду, что кто-нибудь – может, любимая, а может, читатель – соединится с ним в гармонии противоположностей:

*и мы уходим вместе
потому что невидимы оба
(«Это я...», <1991>)*

***

Он действительно был «чёрный»: одежда, волосы, глаза, взгляд. Похоже, это у него родовое, судя по фамилии. Он был, как его тотем, – такая же «весёлая, живая, ловкая и умная птица» (по Брему), с черным оперением и, как пишут орнитологи, склонностью к галдежу, грабежу и нарциссизму.

Но почему «доктор»? Может, потому же? Может, следуя фамильному предписанию, для того Галкин и поступил на

биологический, чтобы лучше понять себя? А где биология, там и медицина, предмет-то у них общий – жизнь.

А где жизнь, там и искусство. Черный плащ вместо белого халата, острое перо вместо скальпеля – это внешние различия. Существеннее внутреннее сходство: диагностика, рецептура, целительство.

В том, что он оставил естественную науку и ушел в гуманитарную сферу, наверное, тоже была психологическая предрасположенность и тоже нацеленность на исключительный результат. «Доктор» – это ведь степень не только в науке, но и в искусстве. «Доктор Кинчев», например.

Не исключено, что в случае «доктора Галкина» этот титул содержит и кинематографические аллюзии, если учитывать осведомленность его носителя в этой области. Например, культовый многолетний (с 1963 года) британский фантастический телесериал «Доктор Кто», где главный герой – инопланетянин, путешествующий во времени и периодически меняющий свой облик. Меняются и актеры, играющие роль Доктора. Почему бы и донецкому поэту не разыграть такую роль? Этаким модифицированный Будда, одно из воплощений. «Учитель», если буквально переводить на русский язык слово «doctor».

Все эти значения, в той или иной степени, конечно, присущи образу «Черного Доктора» в исполнении Игоря Галкина, но все – не в полной мере. Биологом он не стал, к рокерам относился иронически (даже к БГ, у которого брал интервью), никаких высших степеней ни в науке, ни в искусстве не достиг, а сериалы не любил. Складывается впечатление, что у этого позывного не только не буквальное, но и не метафорическое значение, а приблизительное, мерцающее, скрывающее какое-то иное, более точно определяющее авторскую идентичность.

Истинное призвание не произносится вслух, но Галкин однажды его назвал, и достаточно внятно:

*Я чёрный вестник. Мне не нужно имя.
И кроме головы мне нечего терять.
(«Я чёрный вестник...»)*

Не всякий автор так скажет о себе, но галкинская самоирония допускала подобные высказывания: как бы и не всерьез и как бы без ложной скромности. Существенное уточнение: «чёрный», но не «доктор», а «вестник». Одно – для социально-го обихода, другое – для настройки понимания.

Автор, конечно, рисковал, запуская такие смыслы. Каждый теперь мог спросить: это что, серьезно? Какой же ты доктор, если не можешь вылечить себя? А если ты вестник, то о чем твоя весть?

Такие вопросы ожидаемы, но ответы на них не очевидны. Как знать, может, он и вылечил себя – исцелил свою душу, исправил свой ум, перенаправил свою волю.

А весть, которую он принёс, может, и ему самому была неизвестна. Если она есть, ее можно прочитать в его стихах. Если она черная, тем легче ее увидеть на белой бумаге. Может, она о саже, которая въелась в души. Может, она о чернухе, ставшей новым искусством, как бы правдой о жизни, как бы сутью бытия. Может, она о черни, которая правит умами, помыслами, страной. А может, она о предстоящей войне.

*Право, не знаю – какое мне дело
до суеты этой глупой страны.
Пусть её песни и злые идеи
учат её самозванцы-сыны.*

*Я называл эти степи своими,
мок от вечерней росы.
Дали им глупое имя.
Дали нам глупый язык.*

*Можно обиды и сопли упрятать,
взять самогона, сдвинуть столы,
и усадить узурпатора рядом...
Хоть мысли, как шуба моя, тяжелы.*

*Мы его песни могли поорать бы...
Но гложет, гложет одно:
кто раньше из бывших братьев
выхватит острый нож?*

(«Независимость», 2012)

***

Когда под белым скрыто черное (под благопристойностью – лицемерие, под многознанием – тщета, под высокоумием – пустота) – это фарисейство. А бывает и наоборот, когда под черным скрыто белое (под шутовской личиной – правда, под парадоксами – истина) – это юродство. Несомненно, Игорь Галкин знал и думал об этом, потому что свою вторую, последнюю книгу стихов назвал – «Песни юродивого».

Она вышла в 2012 году, через десять лет после первого сборника. На этот раз надпись была такая: «Сан Саныч! Вы – первый работник науки, которому я вручаю экземпляр. До этого – кому угодно... Так что – не откажите, примите!..» Такое обращение следовало понимать как побуждение к профессиональному прочтению. Вместо дружеского «Старик, ты гений!» он ожидал хоть какую-нибудь, но все же аналитику, что я теперь, пусть и запоздало, предпринимаю.

Книжка открывается «Исповедью», а заканчивается «Завещанием». От былого атеизма не осталось и следа. А может, его и не было никогда, а всегда было только «юродство» – сакраментальные провокации, дразнящие одежды, экивоки, попойки, драки. И вот теперь, словно сбрасывая этот уже ненужный имидж, светлым взглядом и чистым голосом он пробует открывшуюся перед ним даль:

*Какая ясность в перспективе!
Ни снегопада, ни прохожих.
Меня родили, окрестили,
и сны мои хранила кошка.
А у восточного окошка
сиял далёкий блеск креста,
покоились снега роскошно
и степь, как простыня, чиста...*

Это был уже другой Галкин, выросший из себя, и все-таки узнаваемо тот же, потому что рос он все-таки из себя. Если это зрелость, расти дальше некуда. Но как узнать, это уже или еще?

***

Я пригласил его снова выступить на «Кораблевнике». Не зная о его состоянии, спросил, насколько он мобильный. И неожиданно получил такой ответ:

Я сейчас СОВСЕМ не мобильный – уже 10-й месяц после микроинсульта не выхожу из дому, так – вдоль стенки только двигаюсь и все время ощущаю сильный перегруз информацией (любой...).

Предложил другой формат общения с читателями – «Дикое поле». Начал было отбирать стихи для публикации, но оказалось, что у него есть и проза. Своеобразная, галкинская.

Материал был подготовлен, но журнал прекратился. В Донбассе началась война.

***

Азотный поселок, где жил Галкин, был в зоне интенсивных артобстрелов. Как быть в такой ситуации человеку, который может перемещаться только по квартире, держась за стену? Галкин смотрел кино. Разное: авторское, европейское, российское, французское, элитарное, историческое, блокбасте-

ры, ретро, экранизации, байопики, боевики, триллеры... (согласно его рубрикации).

До войны он не просто смотрел – жил этим, писал об этом. В «Живом журнале», где он вел «Дневник киноманьяка» под образом Джона Сильвера (пирата из «Острова сокровищ»), хранится около 2,5 тысяч его кинооткликов, больших и кратких, броских анонсов и обстоятельных рецензий, написанных за пять лет его ведения (2008-2013). Издать бы – это же обширная авторская энциклопедия кино, написанная живо, остро, профессионально. Весомое подтверждение, что он имел основание называть себя знатоком в этой области.

Его киномания объясняет существенную особенность его поэзии: это тоже своего рода «кино» – увиденная и отснятая в его памяти и стихотворных строчках жизнь. Для своих друзей и земляков, но с надеждой, что это может быть интересно и в других местах. Он примерял на себя киношные образы, рядился в антуражные облачения, разыгрывал сценки, бросал реплики, вызывая незабываемое впечатление. Он чувствовал кинематографичность жизни и органично ей соответствовал. Это было для него несложно, поскольку это было для него, по сути, одно и то же – кино и жизнь.

Жизнь тоже заканчивается. Как и в фильмах, ее финалы бывают разные, но сама финальность, особенно если фильм хороший, вызывает ощущение какой-то сверхжизненной неоконченности, как будто видимое – это только видимость, а есть что-то еще.

***

Война – тоже кино: реалити, хоррор, экшн. Галкин отзывался на законные события в социальной сети, сигнализируя, что он еще жив и адекватен. Не имея возможности выйти за пределы своей квартиры и лишенный личных впечатлений о происходящем, он писал не столько о настоящем, сколько о прошлом (рассказывая какие-нибудь случаи из своей жизни) или о будущем (прогнозируя, что будет со страной после во-

йны: экономический упадок, демографический кризис, психологический и политический раскол).

Но однажды он все же вышел из своего домашнего заключения. Друзья решили его развлечь: «вынесли из квартиры, посадили в машину и покатали по городу». И что же отметил его свежий взгляд?

Он увидел, что «самые красивые в мире девушки, т.е. донецкие», «остаются по-прежнему эффектными, неотразимыми, сногшибательными». Но что-то все же изменилось. И вот он уже смотрит сквозь этих красавиц, сопрягая времена – недавнее минувшее, когда был изменен общественный строй в его стране, и грядущее, когда эти изменения изменят ход биологической эволюции. И все потому, что произошла переоценка ценностей – материальных, этических и эстетических.

Как бы спохватившись, что рассуждает слишком отвлеченно для газетного жанра, Галкин тут же переключает регистр:

Ну, а если говорить попроще, житейски, тогда имеем ситуацию вот такого характера... Вот что толку, что я умный, красивый, талантливый, благородный?.. А зубы мне выбили много лет назад в одной дикой принципиальной драке. И все эти годы ситуация в стоматологии всё больше и больше становилась похожей на ювелирный аукцион. Но я-то ладно, возраст уже позволяет спокойно относиться к этому. А вот те двое, которым выбил зубы я, были лет на 12-15 моложе – самое время размножаться... И в стоматологиях за прошедшие годы им так и не сделали скидки на мою бескомпромиссность.

* * *

27 мая 2016 года его киножизнь закончилась. На смерть поэта отозвались в основном друзья-журналисты. Некрологи напоминали кинокритику: памятные кадры, удачные роли, место в рейтинге...

Мощный старик, корифей, исполин, гражданин и литератор, чей калибр и значение личности еще предстоит осознать.

Таких, как Черный Доктор, уже не делают. Что вы! Штучный товар...

Р. Мармазов.

Игорь Галкин продолжал в Донбассе так называемую есенинскую традицию...

М. Газизов.

Он – наш Чарльз Буковски (к которому он, в общем, относился с симпатией), и иди еще знай, кто покруче и почестнее с собой и миром. Он – настоящий, безусловный талант, глубокий поэт и блестящий журналист, он – последовательный и честный прожигатель собственной жизни, давно и искренне махнувший на себя рукой и никогда не гнавшийся... ни за чем не гнавшийся и свободный, он – философ, эрудит, начитаннейший человек, законно отмечавший, что даст фору любому «остепененному образцовцу» (и делал всех!), он – воплощенная противоречивость, он – обладатель невероятно насыщенной биографии, он – воплощенное чувство юмора во всех регистрах, от жесточайшего циничного сарказма до мягкой улыбки

Л. Орлова.

***

Подготовленная для «Дикого поля» публикация Игоря Галкина теперь воспринимается как постскрипtum к прожитой жизни. Авторское самопредставление – как эпитафия, шуточная футуристика – как письмо в будущее. Авось кто-нибудь найдет эту затерянную среди терриконов информационного мусора капсулу времени, адресованную «племени младому и непохожему»...

Игорь ГАЛКИН (1963 – 2016)

Игорь Викторович Галкин. Рожден русским, крещен православным, и начато воспитание советским в 1963 году, в Донецке. С тех пор персональные установочные данные не менял, невзирая на многочисленные изменения данных среды и контекста обитания, вплоть до самых агрессивных и опасных для жизни и психики. И менять не собираюсь...

Люблю котов, брюнеток с короткими стрижками, музыку Пола Маккартни и степные ландшафты. Терпеть не могу демократию, людей, которые в первые же секунды знакомства интересуются местом вашей работы, и людей, которые только прикидываются, что способны думать (т.е. 95 % человечества).

Автор стихотворных сборников – «Просто время прошло» (2002) и «Песни юродивого» (2012).

Общался с Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой (но это так – хвастаюсь...))))

И.Г.

РУССКАЯ МАТРИЦА (Футуро-сказка)

В начале XXI века у народа русского «поехала крыша». Нет, ехать она начала раньше – в середине 80-х века XX-го. Но в начале XXI-го съехала окончательно. Славяне, как напившись дурного отвару, принялись называть своих детей самыми диковинными, самыми экзотичными, да попросту собачьими именами!.. И каких только Марьянолл да Лямуров (прости Господи, прости Господи, прости Господи...) не путалось тогда под ногами, волоча сопли...

Но шли годы. Вменяемые старики ворчали и помирали. А беструсня, как водится, вырастала, превращалась в наглое отрочество и юношество, мужало, незаметно начинало уставать

к вечеру, испытывать боли в поясницах и сердцах, старело – чего уж там...

И вот в деревеньке 80 Гигов, ранее быдловски называвшейся Кумачовка, наступило лето 2060 года. Лето не самое жаркое, временами сыроватое. У тамошних жителей (некогда крутых и продвинутых) о ту пору разом обострились все ревматизмы, остеохондрозы и артриты. Например, неугомонного старика по кличке «Айфон» (настоящее имя выговорить было невозможно по причине присутствия в нём цифр и компьютерных символов) так скрутила подагра к СисАдминову дню, что даже заматерелые провайдеры-патриархи при виде его начинали хлопать себя по карманам в поисках валидола... Да, тяжела доля людская...

* * *

По улице Дня патентования Майкрософт ковылял дед Джеймс, подвязавший с утра драный мохеровый платок умершей жены поверх фуфайки-безрукавки. Он, как всегда, слегка прихрамывал на правую ногу, время от времени отругиваясь «Щщщееет!» в пространство. Ногу ему сильно повредили ещё в 2011 году в драке со своими же согражданами, болевшими за футбольную команду «Шахтёр». Их возмутило то, что дончанин Джеймс болел на родном стадионе за команду соперника, какую-то «Ворсклу». На зубодробительный вопрос Джеймс (тогда ещё – Джеймсыра) невозмутимо ответил, что «Шахтёр» – команда бразильская, а он, как украинец, болеет за команду украинскую. Пострадал, в общем, за любовь к точности во всём. Зубы потом он вставил, а вот вживлять в ногу нанопроволоку почему-то не захотел. Убоялся, наверное... Вот и ковыляет по Гигам калькулятор знает уже сколько лет.

По этой улице Джеймс-Глюк (так его называли односельчане) ходит даже чаще, чем по своей собственной – Драйверской. Тут, в девятом доме по левой стороне живёт старая бобылка Роксана-самогонщица, недолюбливающая Глюка. Однако клиент есть клиент...

В многолетнем пьянстве Джеймса она видела причину преждевременной смерти его жены и своей пожизненной напарницы по «Квейку» Саманты-Утилиты. И хотя в бумажке о вскрытии значилось, что смерть наступила в результате инфаркта, когда Саманта не смогла пройти 57 уровень «Квейка-142», Роксана считала, что виноват именно Джеймс. Он-де мог бы спасти жену, вовремя вызвав Службу 1103, но валялся вдрызг пьяным на улице Линукса, которую постоянно путал со своей. Когда, то есть, он выходил с Майкрософта и сворачивал влево, к себе, то, типа, всё время ловил загадочный глюк, вроде временной потери зрения на левый глаз (отсюда и кличка). И первый поворот, аккуратно на Драйверскую, словно не видел. А на следующем, на Линукса, зрение – оба! – возвращалось, но сил вернуться обратно часто уже не было совсем.

Проснувшись в придорожных кустах на Линукса, Джеймс неумолимо возвращался на Майкрософта, похмелиться (он неплохо зарабатывал на голимом юзере Клаусе, обладавшем чёрной компьютерной аурой, что раз в три дня выводила из строя всё «железо» в доме – и тогда вызывался Джеймс инсталлировать всё по новбй). И мог таким форматом не появляться дома по двое-трое суток. Как и в тот раз... Вот так и померла в кибер-шлеме простая русская баба Саманта-Утилита.

Но мы отвлеклись... Сегодня Джеймс ковылял всё к той же Роксане, всё за тем же, но с иной целью.

– Роксанушка-а-А-а-А!.. – голосом Брэда Дурифа из «Чужих-4» засипел он поверх плетня.

– Ась! – сизой горлицей щебетнула из сеней бабка Роксана. И марля от мух в дверном проёме заколыхалась... Бабка Роксана была, чего там, сырой, некрасивой смолоду бабищей, застревавшей даже в двухстворчатых дверях, а в однодверном проёме могла и пять минут бороться с собственным неформатом. От предложений ещё хоть как-то кликающей алкашни прорубить дверь пошире она решительно отказывалась, мотивируя тем, что эти входы-выходы для нее вроде фитнеса. Несгибаемой старухой была Роксана с Майкрософта...

– А-а-а, это ты, прорва ненасытная! – валторной загудела она, едва только голова с бородавкой под правым глазом выпуталась из марли. – Долг за шесть бутылок принёс, уксус?! (Клаус уже третью неделю гостил у знакомого по «Фэйсбуку», из городишка Рутрейкер в Николаевской области, последней не переименованной на человеческий манер области государства UA – и дед Джеймс брал пока в долг.)

– Да нет, подожди ещё малость, пожалей старика... Я всё верну! Скоро! Совесть пока не пропил...

– Да сколько у тебя там осталось совести-то – два килобайта?

– Да погоди, не трещи, старая клавиатура! Беда тут у нас...

– Знаю я твои беды! До аптечки не добёг после атаки Зелёного Огра!..

– Тю, твою дефрагментацию!.. Беда – говорю! Джона радикалит доконал в конце – криком кричит! А понять ничего нельзя, как «txt» через «Word» читаешь – пальцем тычет в сторону жопы и воет... Мы со старым блоггером Крэйгом с пяти утра у него, извелись уж...

– Ах, ты!.. Джесус Крайст! Джонушка занемог! Родненький мой! Джонушка, сердешный! Так што ж я-то?.. Я ж всё для болезного...

– Дык...

– А за врачом, Мэтью Григорьевичем, послали?!

– Послали, закороти ему селезёнку... Он всё утро конференцию по скайпу ведёт, международную. «Никак, – говорит, – не могу отлучиться».

– Вот нехристь! Как будто в церкви не зарегистрирован! Ну, а вы что?..

– А шо мы! Мы другому учились! Электрошокером три раза шарахнули – замолчал минут на пять. Потом снова в крик. За Присциллой-Антивирусом бегали – три раза его в поясницу кусала, старая змея. Ни-че-го! Пасечника Говарда звали, прибежал со своими пчёлами. Восемь раз жалили, да видно только занемело – бредит, старый винчестер, вскрикивает изредка... А тут Агнесса-Свободный Доступ вспомнила, что её бабка её деду

лечила радикулит компрессами из самогона, «досовский» ещё какой-то рецепт. Я чё-то не верю, что может помочь, но вдруг...

– Да, да, да! Я тоже помню, в «досовскую» эпоху так и лечили! И попускало! Отца твоего соседа Теренса, Владислава Петровича... тьфу, и не выговоришь сходу... только так и поднимали. Хоть полусогнутый, но по хозяйству хлопотал. Точно, точно!.. Да что ж я стою – тебе ж бутылочку надо дать! Сейчас, родные, сейчас!

И дверной косяк затрещал под мощным поперечным параметром Роксаны.

– Литр бы сразу налила, очень страдает!.. Оно и внутрь, – продолжал уже про себя Джеймс, – не помешает, как болеутоляющее... А как его применять? – снова гаркнул он в дверной проем. – Налить на спину и поджечь?

– На головную плату себе налей, старый идиот! – отозвалась Роксана. И раздался хруст разрываемой материи. – Вот, сложишь марлю в четыре-восемь уровней, польёшь, и на большое место... А потом одеялом сверху укрой, чтобы загрузилось хорошо... И «досовские» люди что-то в жизни понимали. Ты что, думаешь, самогон, который ты жрёшь непрерывно, вместе с «Тетрисом» придумали?

– Самогон и солить огурцы – это другое... Это задолго до телевизора придумали, – взял он слегка трясущей рукой литровую колбу мутного зелья и сложенную марлю.

– Не-е-е-е, это вряд ли... – задумалась и Роксана. – Хай-фай всякий только лет за пятьдесят до 21-го века начали артефактировать. По-моему, самогон получился как ошибка в результате каких-то биохимических экспериментов... В 50-х... А про огурцы не знаю, говорить не буду. Да иди уже, иди. Мучается ведь старый репликант. Я позже сама заскочу, состряпаю только что-нибудь. Вы ведь не догадались, пропойцы, еды хоть какой занести?

– Да какая еда?! Орёт благим матом...

– От компресса должно полегчать. А я как раз супчик с фрикадельками смиксирую. И смотри! – резким фальцетом взвизг-

нула она. – Если обманул нащёт Джона, если монитор свой залить...

Багровый пухлый кулак аж всколыхнул знойный степной воздух.

– Да побойся Бога!

Дед, отдуваясь от всё усиливающейся жары, ковылял, форматируя углы, по направлению улицы имени МТС, где и жил его старый друг Джон. Джеймс не врал – друга скрутило реально. Но как надо лечить – прекрасно знал и раньше, про Агнессу так, для солидности сказанул, «социальную сеть» изобразил. Некогда нашёл он флэшку своего отца, компьютерщика первого поколения, на которой были сохранены жемчужины «досовской» и даже до-«досовской» мудрости... Так что и количество лекарства, нужного для настройки, и сам процесс настройки были Джеймсу прекрасно известны. Литр он выклянчил, чтобы хватило и для «операционной системы», как сам же ласково называл свой желудок. После вчерашнего колбасило конкретно...

По дороге он намеревался остановиться на заросшем бузиной пустыре, оставшемся от некогда богатого хозяйства хакеров-беспредельщиков Криса и Джулии. Те в далёком 2012-м взломали сервер налоговой полиции и кое-что там переписали, наивно надеясь, что это припишут приближающемуся Концу Света по календарю майя. На следующую ночь Конец Света наступил эксклюзивно для них, и оба загадочно исчезли. Джеймс лично обследовал тогда дом и обнаружил, что вместе с хозяевами исчезли жёсткие диски всех компьютеров, множество хай-тековских артефактов, придуманных самими супругами, и значительная часть их богатейшего архива. О хакерах больше ничего не слышали. А хозяйство и оставшуюся часть архива потихоньку растащили деревенские «чайники».

Сейчас там высился только угол уцелевшего, некогда двухэтажного дома, куда местные пьяницы притащили старый компьютерный столик и две табуретки.

Доковыляв, Джеймс поставил на стол бутылку и полез в карман пиджака, извлекши одноразовый стакан, завернутый в файл кусок колбасы, и, уже из внутреннего кармана, бутылку с «жэковской» водой. Тут же, откуда ни возьми, у ног завертелся смешной годовалый пёс Игорёк, которому все в деревне симпатизировали за жизнелюбие и незлобивость.

– Щца-а-ас... – слотнув слюну, выдавил Джеймс.

Прямо из горла он хватил два добрых глотка 50-градусной «роксановки», откусил и проглотил кусок «Таймс-Нью-Романовской», потом откусил ещё и сплюнул в сторону вилявшего хвостом Игорька. Кабысдох поймал и проглотил колбасу на лету. И сразу всем корпусом развернулся направо, встав в охотничью стойку.

Джеймс осторожно выглянул из-за щербатого простенка. Невдалеке, явно загруженные на 82% (осталось – 9 минут), шли Вонючка Мишель и деревенский юродивый Стюарт.

– Этого спама мне ещё не хватало! – раздражённо прошептал Джеймс, всё ещё держа в руке литр лекарства. Бросая остаток колбасы Игорьку, тихо добавил: – Молодец, издалека вирис чуеть...

Мишель когда-то давным-давно была красавицей, пределом мечтаний всех продвинутых юзеров КиберЛинковского района. Её родители – дворник и санитарка – назвали дитё именем из битловской песни, которую, в свою очередь, крутили их родители. Назвали, а потом постепенно пришли к убеждению, что с таким-то именем работать ей уж никак нельзя, что она – продвинутый житель постиндустриальной эпохи, и начали готовить наследницу к выгодному замужеству. Представьте, быстро выдали тупую и избалованную красотку за трудолюбивого разработчика унплагенов, который полюбил её всем сердцем и отказывал в чём-либо только тогда, когда заказчик задерживал плату за очередную разработку. В один из таких моментов вконец обнаглевшая Мишель продала кому попало не совсем законченную программу за десятую часть её контрактной стоимо-

сти, чтобы купить себе пятую шубу. А мужу пришлось отдать почти всё накопленное с бонусами за свинское нарушение договора. Деньги ладно, пришли-ушли, но святотатство – кражу копирайта – он простить не мог, и тут же подал на развод...

После чего Мишель запила. Не из-за утраченной любви, конечно, а из-за того, что лишилась денег мужа. После кражи артефакта ни один порядочный программист, разумеется, не доверил бы ей даже полочку с игровыми дисками, не то что жениться... А даже намек «пойти поработать» Мишель воспринимала как глубочайшее оскорбление. Поэтому она быстро скатилась к общению с продвинутыми юзерами, потом – с тупыми юзерами, потом – с «чайниками», а потом, куда уж ниже, с теми «неприкасаемыми», у которых не было даже смартфона. Она пила и пила, стала неряшлива, за бутылку шампанского и пачку сигарет с золотым ободком на фильтре «коннектилась» уже с теми, кто и слова «Виндоуз»-то не знал. Красота быстро отправилась в «Корзину», от нее стало дурно пахнуть, со временем всё сильнее и сильнее, и вот сегодня рядом с ней мог находиться только придурок Стюарт, которого природа от рождения забыла наделить не только разумом, но явно и одним из пяти чувств – обонянием...

Впрочем, Джеймс беспокоился зря – загрузка на солнцепёке происходила очень быстро, и до завершения оставалось минуты четыре, как раз – спотыкаясь до забора геймера Мигеля, дававшего в это время дня стабильную тень...

«Интересно, что они пьют? У Роксаны я их не видел», – подумал дед Джеймс, бодряжа самогон водопроводной водой до прежнего уровня. Потом вспомнил свои ощущения при проглатывании, вздрогнул и решил, что можно отпить ещё столько же под домом у Джона и снова разбавить – безо всякого ущерба для дела.

***

К вечеру, когда прошёл небольшой дождь, когда в бутылки оставалось совсем чуть-чуть и когда Джеймс громко уснул на старой кушетке, Джона отпустило. Он опасливо привстал с кровати, нащупал тапки и сделал первые за сутки робкие шаги...

За дверью оказался совсем незнакомый, странный мир. Нет, всё, вроде бы, было привычно... Тяжёлые капли звучно падали на листовое железо старых системных блоков – но порождали какое-то зловещее, мистическое эхо. Привычно валялись по всему двору мотки разноцветных проводов – но в этот момент они походили на те странные креатуры, которых Джон изредка видел на телеканале «Animal Planet». Ага!.. – вот! вот ещё одно, только лохматое!.. – кажется, в боевой позиции... сползает с дерева, угрожающее чем-то размахивает и инфернально произносит: «Мяу...» А за ним, поверх забора, Джон видел знакомый, почти непроницаемый строй шестовых и круглых антенн, выглядящий сейчас словно войско с щитами и копьями из какой-то древней «игрушки»...

Остатки боли и слабость от «роксановки» просто не позволили Джону сделать ни одного движения. Чудовище беззвучно и уверенно приблизилось по какой-то шевелящейся, на вид очень агрессивной, субстанции к его правой ноге и... и мягко потерлось ухом, ещё раз сказав «мяу». Онемевший Джон не смел даже дышать – от испуга, от тошнотворного запаха, заполнившего всё окружающее пространство. Короткий разряд щёлкнул в его мозгу. И он вспомнил. В начале только названия: дождь, трава, хвост... Потом начали всплывать смутные картинки и ощущения из реал-шоу под названием «Детство»: сырость, свежесть, голос персонажа под названием «Мама» («Возьми яблочко – оно после дождика чистое»), опция «Вкус» (кислое, но очень приятное), чудовище с мокрой шерстью (ник – «Мурзик»), персонаж «Отец», вносящий в комнату ящик и говорящий: «Ну, что, сынок, поедem в путешествие? В чудесную страну Интернетию?»

В голове Джона добавилось пикселей и всё отчётливее и отчётливее начала прорисовываться мысль: это путешествие, кажется, затянулось на всю жизнь, и только сейчас, похоже, он вернулся домой. Вернулся и опустил взгляд. Чудовище сидело, задрал голову, и преданно глядело ему в глаза. «Мурзик...» – тихо произнёс Джон. «Ур...», – вяло ответило чудовище (хотя вообще-то его звали Диджитал). «Наверное, его надо подзарядить, а то сигнал совсем слабый у этого Мурзика. Интересно, какой у него разъём? Надо разбудить Глюка, спросить...» Чудовище послушно поплелось следом. Мягко прошелестев, что-то упало в темноту. Не успев испугаться, Джон получил автоматический «коммент» из подсознания: «Яблоко». Этот мир нравился ему всё больше и больше...

***

Умер Джон через 4 года, гуляя во время дождя. Молния ударила в микрочип, вживленный в правый висок. На чипе, среди прочего, сгорели схемы всех оптико-волоконных коммуникаций деревеньки 80 Гигов, которую ему, как умеренно пьющему, доверял Совет провайдеров деревни. И правильно доверял! Потому что, например, отчаянно, по-русски, по-хохлацки пивший Джеймс помер через четыре месяца после описанных выше событий, промахнувшись в декабре в очередной раз мимо Драйверской и замёрзнув на Линукса. В ту же студёную ночь на развалинах дома Криса и Джулии замёрзла и вонючка Мишель. Когда её обнаружили днём – даже ахнули, мраморному заледеневшему лицу мороз словно вернул прежнюю красоту...

А Роксана жила долго. Она даже застала те ужасные времена, когда в народе русском произошла страшная мутация и люди начали называть детей дичайшими именами – Иванами, Марьями, Александрями, Еленами... Кто-то даже собачьи имена давал, вроде Игоря.

Старуху в последние годы жизни часто можно было видеть на кладбище, утирающей уголком шали слёзы. Слёзы были не

от ветра, нет, и не от нахлынувших воспоминаний, а от обиды... Боль охватывала её сердце, когда проходившие мимо выродки, Иваны да Игори, тыкали пальцами в сторону двух родных могильных плит и тупо ржали над простыми бесхитростными русскими и украинскими именами: «Джеймс Опанасович Кукурудзяк», «Джон Саввич Тюкавкин»...

* * *

*Вот и сказке инсталлеу,
В нашем сердце – Билли Гейтс.
Мой пятый клон там был,
Джин-колу пил.
По усам текло,
А в рот – not support...*

Любить
пересмешника...

Александр ГАБРИЭЛЬ

(Alex Gaby)

Бостон

Александр Габриэль, минчанин. В настоящее время живёт с семьей под Бостоном, штат Массачусетс. Автор семи поэтических книг и нескольких десятков публикаций в крупных русскоязычных журналах, трижды лауреат конкурса им. Николая Гумилева.

***

Нынче ветрено, и волны с перехлёстом...
 Постоишь на берегу – и канешь в Лету.
 Чёрный ворон круг сужает над погостом.
 Жизнь как фокусника трюк: была – и нету.

Ведь настанет тот момент: Харон причалит.
 Жди не жди, а все мы будем там, вестимо...
 Отчего ж тогда нас, Постум, так печалит
 понижающийся уровень интима?

Хоть цитируй девам По или Верлена,
результат один и тот же, на смех мухам:
дальше локтя не пойдешь или колена,
дальше пальчика и локона над ухом.

Нам не пить уже из этого колодца
так, как пили мы когда-то в девяностом...
Наша страсть теперь харассментом зовётся.
Вот признайся: ты на зону хочешь, Постум?

Вышли мы с тобой в тираж, как говорится,
стали парюю брюзжащих каракатиц...
Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Ты с ней спал ещё? Недавно стала братец.

Мы с тобой уже давно не в лучшем виде;
счастья дни от нас бегут быстрее серны...
«Да пошло б оно!..» – говаривал Овидий.
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Алла ПУРИЕН

Любек

Алла Приен родилась и жила в Запорожье, где в 1980 году окончила технический университет. По образованию инженер, патентовед, переводчик технической литературы (английский язык). Жила и работала редактором в Киеве, откуда и переехала в Германию в 1996 году, где окончила еще два университета по специальности «Экономика социальных вопросов». Работает финансовым директором и социальным работником. Училась в медицинском университете Любека. Получила диплом психотерапевта. Раз в месяц проводит лекции и консультации на темы здоровья. 15 лет занимается вопросами ресоциализации заключенных. Дважды была занесена в Книгу почета Министерства юстиции, культуры и Европы земли Шлезвиг-Гольштейн. Играет в городском театре Любека и переводит пьесы. Пишет стихи, рассказы, делает выставки своих фотографий и картин.

ХРОНИКА БРАКОСОЧЕТАНИЯ

День первый. Он же и последний

Я приехала к сыну на роспись и жила в отеле.

Рано утром нужно было поехать в Standesamt, ЗАГС по-нашему.

Естественно, выехала на час раньше.

На самом деле ехать туда всего 15 минут. Но это Берлин. А это всегда неожиданности.

К ним относятся погода, ремонт дорог везде и вокруг, но главное – водители.

В ушах наушники, пальцы постукивают по рулю.

Черт с ним, пусть постукивает, но он не расслышал, куда ехать!

И, конечно же, мы приехали не туда, потом вроде туда, но с другой стороны, потом я на ходу выпрыгивала, завидев мечущегося между колоннами сына...

Его отца, Алика, не было видно.

Вдруг он появился с чемоданом в руках, его с вокзала везли через весь город и тоже не туда...

Наконец, все оказались в сборе!

Я с мокрым от дождя зонтом и измятым букетом, б/у муж с чемоданом, сын, невеста и ее мама с шампанским и булочками, и ее б/у муж, художник, со скорбным выражением лица и картиной подмышкой.

Такой странной процессией все двинулись расписываться...

Но не тут – то было!

Весь небольшой холл, облицованный в духе общественных туалетов на бывшей родине в 60-х годах прошлого века, оказался заполнен огромным количеством восточных людей. Они пели, ели, пили, кричали, размахивали руками, пирожными, лентами и розовыми шариками. Их женщины были в черном и с блюдами, наполненными конфетами, в руках. Раздавали всем вокруг, все пробовали и причмокивали.

Наша компания выглядела не менее странно.

Видимо на нервной почве, мы неустанно фотографировались. При этом из рук выпадали то булочки, то сумочки, то картина, то букеты...

Алик вообще забыл, где оставил чемодан...

Между нами постоянно шмыгал фотограф. Тоже в черном. «Для богемности», – объяснил он мне.

Ему уплатили офигенные деньги, и он их честно отработывал...

Отец невесты постоянно уныло спрашивал, почему Тема без носков, но в туфлях от Гуччи...

Он боялся, что Теме не хватило денег на носки...

Я в сотый раз объясняла, что это мода такая ...

Он в сотый раз забывал...

Хотя мне тоже не нравился костюм от... и голые ноги.

Но это же мой сын! Я защищала его, хотя подозревала, что через полчаса он уже не сможет ходить нормально, разотрет ноги...

Наконец, жаждущих пригласили в зал. Восточные люди пролезли без очереди впереди и победно на нас смотрели.

До этого проверили документы, как в полиции, оставив сначала всех за дверью.

Потом секретарь (мужчина) пригласил пройти в зальчик с обшарпанными красными бархатными стульями (2 штуки), красными длинными бархатными скамеечками (2 штуки), высокими красными бархатными тронами (2 штуки) и столом (1 штука).

Перед ним тоже стояли красные обшарпанные бархатные стулья (2 штуки).

За столом возвышалась толстая тетенька, с прической, как из классических советских фильмов про бракосочетания.

Зычным голосом она потребовала внести коробочки с кольцами (2 штуки). Интересно, что не было никакой музыки! Никаких Мендельсонов. Действо снимать нам запретили и отобрали телефоны. Почти по-пластунски по этому залу передвигался нанятый фотограф Эдмон. Он красиво контрастировал в своем черном с обшарпанным красным...

Мужчин посадили на троны по обеим сторонам зала, а нас усадили на стулья.

Но главное ритуальное действие пришлось... на бархатные скамеечки!

Точно, как в Запорожье во Дворце бракосочетания.

Только там был красный ковер, если кто помнит.

И нам такая же толстая тетенька все время говорила громким голосом: «Брачующиеся, зайдите на ковер!», потом «Брачующиеся, сойдите с ковра!», и так много раз подряд. Этот коврик интересовал ее гораздо больше, чем мы.

А здесь нужно было зайти за скамеечки, встать перед скамеечками, встать по краям скамеечек, подвинуть скамеечки, сесть на скамеечки, встать со скамеечек...

Страны разные, а маразм одинаковый везде...

Но главное поджидало нас впереди!

Тетка стала торжественным голосом, нараспев, расспрашивать наших брачующихся, или они хотят, или не хотят, по

своей ли воле, или как, вступить в брак... Понимают ли они, что делают...

И дальше она попыталась произнести, где родился Тема. Орджоникидзевский район города Запорожья! Это была неперевожимая для нее игра слов! Я получила истинное наслаждение!

Раз десять несчастная пыталась сказать Орд.. и дальше ее заклинивало, а еще же надо произнести Запорожье!!! Красно-речие обрывалось на слове Запрррр... Зачем, не знает никто ...

И потом нужно было несколько раз произнести 6 имен невесты!

Наконец, нас (их) расписали...

Эдмон построил всех по правилам конторы перед, за, на, хорошо еще, что не под, бархатными скамеечками... И щелкал, щелкал, в упоении и до изнеможения...

После этого тетенька построила нас с чемоданом, булочками, шампанским и картиной гуськом, и повела к выходу, неожиданно тормознувшись у двери.

«Ах, какие ручки! Посмотрите, какие ручки! Из чего сделаны эти ручки!», заламывая свои ручки стенала тетенька. Речь шла о входных дверях...

Мы дружно посмотрели... И она тоже...

Эдмон запечатлел весь волнующий момент с ручками ...

Наконец, мы попытались выйти оттуда.

Но двери в центре были заблокированы теми же поющими, жующими и пьющими воду людьми из южных стран. Они посыпали всех шоколадными конфетами и пластмассовыми розочками.

Слева, в желтых одеждах, в огромных количествах веселились представители африканских стран, тоже пришедшие жениться...

Наши дети, уже муж и жена, в изнеможении свалились на ступени. Они растерли ноги, а ведь нужно было позировать со счастливыми улыбками на выходе фотографу Эдмону... А нам, по задумке мамы невесты с помятыми булочками в руках,

пускать мыльные пузыри через трубочки... Для этого раздали специальные машинки с раствором.

Выход наших счастливых из дверей состоялся два раза. Потому что в первый раз мы неправильно пускали пузыри, и они неправильно полетели в желтонаряженных африканцев, которые не сопротивлялись, но были почему-то недовольны.

Во второй раз мы справились.

Пузыри получились качественные и попадали туда, куда надо. Все смеялись и визжали от избытка чувств.

Опять пошел дождь. Он лил, правда, все время, но по-разному.

Эдмон повел нас в парк напротив делать фото. Он просто покорила меня, когда в поисках необычного ракурса заставил отца Темы широко расставить ноги треугольником, пролез между ними и так, полулежа, щелкал затвором аппарата... Оказалось, что за три часа он успел сделать 16 тысяч снимков!

Мама невесты, наконец, разложила свои булочки (как оказалось, бейгели в честь Темы) на мокром парашюте, папа открыл шампанское.

Было светло и радостно.

Мы устали, но казались очень счастливыми.

Алик нашел свой чемодан.

Папа Терри подарил картину.

Я отдала остатки букета.

Шел дождь.

Пели птицы.

Тили-тили тесто через 14 лет совместной жизни стали мужем и женой...

Свадебные хроники. День первый. Часть вторая

Полдня после росписи и под дождем уже прошли, пора обедать, но Тема предупредил, что нас ждет вечером ужин в Мишленовском ресторане, а посему мы не должны наесться

сейчас, просто попить. Мне хотелось согреться хотя бы чаем в якости теплый июльский день.

Места в ресторане «Varet» были забронированы женихом так давно, что девушка-администратор вообще не смогла нас найти в длинном списке жаждущих... Пришлось просто сесть за стол, безо всяких выпендриваний.

Просто сесть...

Тема с невестой быстренько исчезли на фотосессию, 16 тысяч снимков от Эдмона им показалось маловато, и мы остались «просто попить».

В ресторан попасть было непросто. Он находился где-то высоко, в Выставочном центре, и был, оказывается, очень престижным. Но кроме дикой очереди к лифту и нажимающего на кнопку лифтера в белых перчатках, я ничего особенного не заметила. Разве что б/у мужа Алика с чемоданом рядом. Лифтер, кстати, тоже удивился, зачем Негг едет в ресторан с чемоданом. Наверное, подумал, что он фокусник и там у него костюм.

Поднялись, приехали, прошли, сели, заказали, ждем. Интерьер так себе, официанты тоже. Правда, быстро бегают. Пришлось разговаривать с новыми и старыми родственниками и поддерживать светскую беседу.

Стол был очень большой, музыка оказалась громкой, я сидела по диагонали с Терри, отцом невесты. Он француз из Лиона, плохо говорит по-немецки, несмотря на известность в Берлине как художника.

Я плохо слышу на таком расстоянии, к тому же он говорит очень тихо и невнятно.

Рядом со мной Алик с чемоданом, а напротив мама невесты.

Они заказали себе по кусочку тортика и кофе. Стандартный, совсем не праздничный набор.

Причем мне почему-то отвалили по половинке от своих тортиков! Заботливые, чтоб сахар у меня не поднялся...

Но «у меня с собой было»...

Это в сумке притаился уже зачерствевший черный хлеб с солонкой, который по моему сценарию должны были отламывать дети и макать кусочек в соль.

Еще у меня в сумке лежал пакетик риса и мешочек мелочи, заблаговременно подготовленный еще дома, и пакетик с конфетками.

По моей задумке я должна была их обсыпать рисом, закидать мелочью и в конце бросаться конфетами. Понятно, чтоб жизнь была сладкой, богатой, а зачем рис не знаю.

Так подсказали знакомые мне, темной, не знакомой со свадебными обрядами...

Потому что сама я вычитала, что дети должны были по немецкому обычаю пилить на козлах ржавой пилой бревно... Дети активно мне сопротивлялись, но ржавую пилу мама нашла давно еще у себя в закромах родины.

А бревно с козлами так и не появилось...

Мое чтение обрядов пилой не ограничилось. Я узнала, что каждый посадит куст, а вечером нужно разбить 6 тарелок. Не чашек, нет, не стаканов! На этом настояла мама невесты и пригнала посуду. Ее мы били во дворе в садике у их дома, под дождем, а потом дети, чертыхаясь, собирали в совочек мокрые осколки в мешок и под наблюдением из окон соседей стащили их в мусорник.

Вот такая была веселая прелюдия росписи.

Кусты, ко всеобщему счастью, во дворе садить не разрешили ...

Жених прочел мне лекцию на тему, а кто этот рис с конфетами убирать будет? И зачем бросать в нас мелочь?

У нас и так хорошие зарплаты, лучше отдай бедным. Ок, забраковали все мои честные намерения.

Так я и потащилась со всем этим хозяйством в сумке в престижный ресторан, потому что сложить все в свой чемодан Алик не разрешил, так и таскался с ним, как в «Соломенной шляпке» Сергей Мигицко с миртовым деревцем...

А пока они клевали свой кусочек торта, я тайно отщипывала хлебушек в сумочке и была очень довольна, запивая гадким остывшим кофе. Только в соль не макала, потому что я и так сама себе главная.

Папа невесты заказал себе воду со льдом, и, перекатывая во рту кубики льда, пытался со мной поговорить. Как я и писала уже, тихо и невнятно с другой стороны стола пытаюсь объяснить, из какой он семьи.

И тут я слышу вроде «Flieger, Flieger», думая, что он зачем-то за столом стал говорить о мухах ... Ладно, он авангардист, ему можно. Они все особенные. Я сочувственно киваю головой, что мол, я тоже очень не люблю мух. Они очень неприятные, разносят инфекцию и жужжат.

«Что вы, что вы», – продолжает Терри, – «моя сестра очень любила Flieger, он не жужжал, это только самолет гудит, а он совсем нет. И он совсем не инфекционный, здоровый был, но потом умер все равно, а сестра его, Fliegera, все время помнила. Ей нравился Flieger в форме...»

Я совсем очумела и спросила, а где он видел мух в военной форме??

Но Терри тоже не меньше очумел от моих вопросов.

И тут лениво включился Алик, успевший уже подесть и мой кусочек торта.

«Послушай, он говорит не о мухе, ты не слышишь, а о летчике!!! Муж его сестры был Флигером, но это еще и летчик, не только муха!!!»

Короче, пришлось мне прятать свой конфуз за быстро заказанным стаканом свежего апельсинового сока, который стоил в этом ресторане, как крыло самолета того самого усопшего летчика...

Терри выпил свою бутылку воды, сжевал весь лед и пошел на посадку, как Флигер, на второй круг нашей светской беседы.

Теперь я расслышала, что вроде он о Жанне Д'Арк говорит.

Алик и мама невесты потихоньку ржали, слушая нас, заказали вино, и беседе двух глухих не мешали.

А надо сказать, люблю я Жанну, ее девиз стал по жизни и моим девизом. «Если не я, то кто же? Кто любит меня, за мной!»

И я вдохновенно рассказала, как проехала по Франции по местам ее боевой славы.

Но смотрю, он как-то не так реагирует. И все повторяет, что его сестра после смерти Флигера переключилась на Ж. Д'Арк. Я удивилась, что у нее с гендерной идентичностью произошло на старости лет? А Терри невозмутимо продолжал гундосить, что сестре нравилась всегда военная форма. И тут как раз Жанна. И она вышла замуж.

Я же не могла опьянеть от сока?

Говорю, извини Терри, но когда жила Жанна, а когда твоя сестра?! Немножко по времени не то... И не было мундира у народной героини...

Смотрю на Алика, на маму невесты напротив, они уже рыдают от смеха.

И тут добрый Алик говорит: «Он вообще не о том. Он о ЖАНДАРМЕ, за которого его сестра вышла, а ты о ЖАННЕ!!! Просто он плохо говорит, а ты плохо слышишь...»

Пришлось мне заказать еще один стакан сока...

Терри оказался великодушным, оплатил мои соки, жалко, что он не носит форму, я бы рассмотрела его кандидатуру, чтобы продолжить наши светские беседы и дальше...

Дети про нас благополучно забыли, а мы странной процессией, я с хлебушком на всякий случай, мама невесты веселая и пьяная, Алик все с тем же чемоданом, который он не выпускал из рук, потянулись к лифту и поехали уже в следующий ресторан, ужинать.

И только Терри, прожевавший уже к тому времени три стакана кубиков льда, все время повторял, что свадьба – это так скучно...

Виталий СТАРОДУБЦЕВ Вупперталь

Родился 28 февраля 1967 года во Владикавказе. Горно-металлургический институт, долгое время – театральная студия. Бард, фотограф, график-дизайнер, сочинитель мелких похабных стихиков и вообще мерзкий саркастический старикашка.

Размышлизмы дедушки Виталия после третьей бутылки

* * *

Я бы с депрессией сразился,
но не хочу бесить людей.

* * *

На свете много есть соблазнов,
Но жить со мною не хотят.

* * *

Всю жизнь прожив с еврейским счастьем,
Я о несчастье лишь мечтал.

* * *

Лишь бабка надвое сказала,
Дед на троих сообразил.

* * *

Я вас люблю, чего же боле?
А денег я не обещал!

* * *

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше хочется налить.

***

Друзья, не поминайте лихом!
Уж лучше водкой с коньяком!

***

Мадам! Я приглашаю вас на ужин!
И пусть он в завтрак перейдет!

***

Пускай обводят вокруг пальца,
Лишь бы мелком не обвели.

***

Я в ваше положение вошел
И в положении покинул...

***

Всем сердцем деньги я любил,
Они ж мне подло изменяли!

***

Пытался правду я найти
И понял, что попытка – пытка!

***

Я вас сквозь объектив увидел
И понял, что его пора менять...

***

Бывает часто, бедность сердце гложет,
Но нищему помочь лишь нищий сможет.

***

Накатила грусть, мать ее едрить!
Эх, придется мне тоже накатить!

* * *

Все люди – это Божие творенье,
Но кто-то, как дерьмо, а кто-то как варенье.

* * *

Россия-матушка с душою нараспашку!
Тут все, как в перевернутой стране!
Разумные в смирительных рубашках,
А депутаты с куполами на спине.

* * *

От дурака на свете нет лекарства,
Уж коль дурак, так это навсегда.
И коли без царя в башке осталось царство,
То это не ему, а всем вокруг беда...

* * *

Сидел я как-то и хлебал чаек из чашечки,
Под пенье птиц весною упоительной,
В такой красивой, новенькой рубашечке.
Жаль только, что она была смирительной...

* * *

Как много в мире тех, кто любит сетовать,
Что в бедах их виновных не найти...
Увы, я не могу вам ничего советовать,
Могу лишь подсказать, куда пойти.

* * *

Эх, жизнь! Ты подло подвела
Нас всех под обстоятельства!
Теперь вопрос «ну, как дела?»
Звучит, как издевательство!

***

Года летят... Я время вспоминаю
Когда я молодым был чудаком.
Ну а теперь все чаще отдыхаю,
Лекарства запивая коньяком...

***

Я многое уже забыл
И документы потерялись...
Но так хочу, чтоб я почил,
А люди все еще смеялись!

***

Эх, нелегка Руси стезя!
Каноны как-то поменялись.
Был праздник трезвости, друзья...
Ох, как же мы тогда нажрались!

***

Я не могу сдержать от смеха слез,
И думаю, что вы меня поймете,
Когда необразованный колхоз
Решил судить о Моцарте иль Гете.

***

Скажу вам честно: жизнь прекрасна!
Судьба мой путь благословляла.
И гладила меня так часто,
Что у меня волос не стало!
Вот наблюдаю я воды круговорот,
Восходит паром и на землю возвращается...
Ну почему, когда я наливаю водку в рот,
Она в конце в коньяк не превращается??

* * *

Дитем мечтал я поскорее взрослым стать...
То кашу ешь, то в детский сад идти не хочется.
Эх, если б только мог тогда я знать,
Чем это все в конце концов закончится!

* * *

Я с удивлением смотрю на молодежь...
Глаза уже, наверно, видят слабо,
Пока штаны не снимут, хрен поймешь,
Где там мужик, а где, простите, баба.

* * *

О здоровье задумался к старости...
Все привычки зловердные – вон!
И, наверное, в знак благодарности,
Долго руку мне тряс Паркинсон...

* * *

Помню, как Новый год мы встречали с тобой
В волшебном сиянии праздничной ночи!
И рыдал мой желудок горячей слезой,
А печень хотела с собою покончить!

* * *

Не надо раздражение копить!
И, чтобы на душе полегче было,
Не валерьянку, братцы, надо пить,
А просто сразу с разворота в рыло.

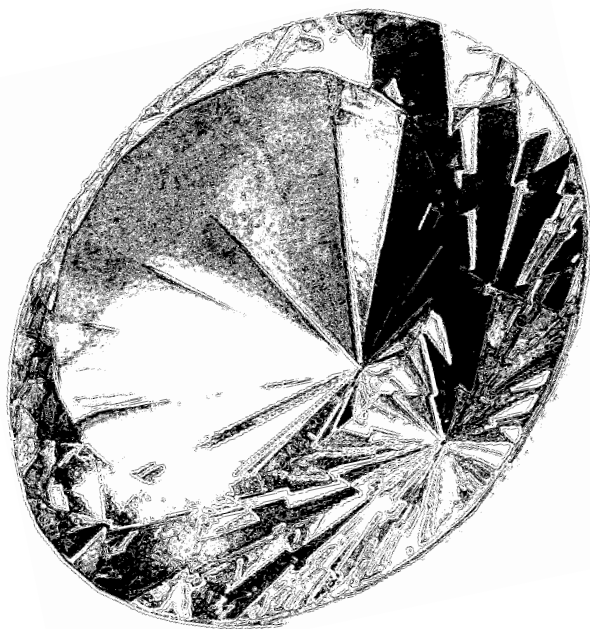
* * *

Все жаждут всяких званий век от века,
Признания и почестей мирских...
Да будь ты, сука, просто человеком!
Не нужно больше званий никаких!

Молитва о прощении

Прости меня, Господь! Прости за слабость,
Что я надежд твоих, увы, не оправдал.
Я жил одним лишь днем, бездумно радость
В лихих утехах юности искал.
Прости меня за то, что был упрямым,
Что мать до слез, бывало, доводил.
Казалось мне, что буду самым-самым,
Да только не хватило слабых сил...
Прости, что часто рюмку наливаю,
Чтоб грусть души, пусть хоть на час, унять,
Когда я вижу, как друзья страдают,
Но мало чем могу их поддержать.
Прости за то, что не успел, не сдюжил,
В беде кому-то руку протянуть,
Когда был рядом, позарез был нужен,
Но время вспять, увы, не повернуть.
За то, что я не так любил, не верил,
Был черств порой, кого-то обижал.
Что жизнь свою, как тот костюм, примерил,
А что с ней делать, до сих пор не знал.
Но жизнь сама осудит и накажет,
И каждому воздаст, что заслужил.
Я лишь прошу, пускай хоть кто-то скажет:
«Спасибо, Бог, что он на свете жил».

*Лёд
и пламень*

Леонид ХАПЛАН

Кёльн

Я родился в городе Львове 24 мая 1945 года. Дата моего рождения, число и месяц, совпадает с днём рождения Йосифа Бродского, моего любимого поэта. Год – с окончанием второй мировой войны. Место рождения – один из самых красивых городов рухнувшей империи. Окончил Львовский политехнический институт. 25 лет занимался проектированием радиоаппаратуры.

В Германии я почти 30 лет. Многим жителям Кёльна моё имя знакомо по названию туристического агентства «Kaplan Russland Reisen GmbH», в котором я проработал следующие 25 лет. Около пяти лет назад я оставил работу и перешёл в почтенное и говорливое братство пенсионеров. Лежа на диване, я пытаюсь подводить итоги. Попробовал писать. О разном.

В прошлой жизни существовал документ под названием: «Перечень опубликованных работ». В этом списке у меня более 50 наименований. Все они касаются технических вопросов конструирования и были написаны более 30 лет назад. Предлагаемое читателям эссе о Шалеве – моя первая публикация в Германии, этот список пополняющая. Достаточно резкое изменение сферы интересов и деятельности.

КАК ПО МНЕ, ЛУЧШЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НЕ ПИСАЛ В МИРЕ НИКТО...

(О Меире Шалеве и его «Русском романе»)

В переводе с иврита фамилия Шалёв, с ударением, как обычно, на втором слоге, переводится как спокойный. Мудрый, добрый, ироничный, спокойный. Исполненный любви и бесконечно талантливый...

11 апреля 2023 года умер Меир Шалев, самый читаемый сегодня израильский автор, писавший на иврите и блестяще переведённый на русский.

Родился Меир Шалев 29 июля 1948 в разгар войны за Независимость. Беременную мать провёл по горным тропам в госпиталь брат матери – боец «Пальмаха». Отец Меира, Ицхак Шалев, образованный и талантливый человек, поэт, писатель учил детей Танаху (Библии) и литературе, читал лекции в университете. Мать писателя, Батья Бен-Барах Шалев, писала стихи и рассказы для детей, преподавала в школе.

Детство писателя прошло в посёлке Нахалаль, еврейском поселении в Изреельской долине, прообразе места действия «Русского романа» и многих других книг. Две бабушки и дедушка Шалева приехали в Палестину из Российской империи во второй алии. Родители дедушки владели магазинчиком на Украине. Как рассказывал дедушка, в этом магазинчике продавались: *«Товары для тела: сапоги, топоры, лопаты; товары для души – еврейские молитвенники, тфилин, талес и товары между ними – селёдка»*. Селёдка – это и еда, и лекарство от тоски и грусти. Шалев приводит рассказ дедушки о том, как они пили в голодное время чай. Кусочек сахара не делили, а подвешивали над столом на нитке. *«Чай вприглядку»*. Литературная метафора: смотришь и чувствуешь сладость во рту. *«Идея сладости...»*

Все эти истории мы найдём, позднее, в его романах.

А вот приведённый писателем рассказ о беседе в 1944 году отца с англичанином, водителем военного грузовика. Глубоко верующий христианин был поражён познаниям отца Шалева в Библии: *«Я не мог себе даже представить, что Библию и на иврит перевели»*.

Во время «Шестидневной войны» Меир Шалев служил в армии в бригаде «Голани». Был тяжело ранен в случайном столкновении за Иорданом, близок к смерти. Именно в это время у него сформировалось особое отношение к войне и к смерти. Тема войны и смерти пройдёт затем по романам Шалева, но немного стороной как одна из многих. Интересно отметить, что большинство его героев, раненых и убитых на войне, пострадали как бы случайно, в ситуациях далёких от героических. Пафос героизма вообще чужд писателю.

Учился Шалев в Иерусалимском университете по специальности «психология». До сорока лет не собирался быть писателем. Любимые предметы: биология, зоология. Став писателем, особо гордился премиями от различных зоологических и энтомологических обществ за удивительно точные и красочные описания в романах животных, птиц, деревьев и трав.

Работал на радио и телевидении. Был одним из самых популярных теле- и радиоведущих в Израиле. Маленький штрих к портрету писателя: любил мотоцикл и автомобиль. Участвовал в гонках джипов по Иудейской пустыне. Подсмеивался: *«Я лучший водитель среди писателей и лучший писатель среди водителей».*

Шалев человек не религиозный: *«Я не думаю, что Танах – божественное произведение, потому что от Б-Га я ожидал бы большего... Б-Г написал 10 заповедей и успокоился... Нет у него времени на «Песнь Песней», – у него и так забот хватает...»*

Первый, самый известный роман писателя, называется просто: «Русский роман». Как правило, свою первую книгу люди пишут о том, что они хорошо знают. У Шалева это еврейское поселение – мошав – с рассказами бабушек и дедушек и Танах.

Вот как пишет Меер Шалев о Танахе: *«Из Танаха я беру иногда стиль, технику письма, иногда идеи рассказов. Я получил Танах очень светским образом, поэтому я не испытываю трепета по отношению к Моисею, Давиду, Аврааму. Я отношусь к ним, как к литературным героям, как к реальным людям с точки зрения психологии».* Для Шалева Танах – это, прежде всего, литература, красивая мифология, которую он блестяще знает. Он вспоминает, как отец, первый и главный учитель, давал ему мелкую монетку за каждый верно поставленный вопрос по Танаху, приучая будущего писателя к глубокому анализу.

Среди передач по радио, которые вёл в это время Шалев, особой популярностью пользовались *«Библейские рассказы для детей».* Об Адаме и Еве. Про змея и яблоко. О потопе. Об исходе из Египта. О Моисее и прочих. Светские и религиозные дети по всему Израилю рассаживались на полу у радиоприёмников, выпадая на этот час из окружающего мира.

Сказки, сказания, воспоминания, былины, мифы, притчи. Так строились «Библейские рассказы». Так построен и «Русский роман». Из семейных историй и преданий Меер Шалев создаёт образ становления Страны, начиная со второй алии 1903-1914 и по 70-е годы. Образ почти библейский. Исход из Египта и бегство от фараона можно сравнить с исходом из Русской империи и с бегством от погромов начала XX века. Первые поселенцы, пионеры 2-й алии, «восходят» из России в Землю Обетованную и осваивают её, преодолевая трудности.

История народа Израиля в Танахе – это истории жизни отдельных семейств во многих поколениях, начиная от Авраама. Так написан и «Русский Роман», – этакая семейная сага четырёх поколений. Шалев пишет: *«Всего 400 поколений отделяют меня от Авраама. И если вся русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, то вся израильская – из мифов „Танаха“, из свитков священных книг»*. Писатель продолжает эту традицию, создавая свой особый стиль: *«Библейский мифологический реализм»*. Он уверен: *«Я хорошо знаю библейский язык и умею незаметно вплетать его в современный»*.

Хроника романа начинается с создания *«Трудовой бригады им. Фейги Левин»*. Затем следуют мифы – семейные истории членов этой бригады, главных героев романа и персонажей вокруг них. Героическая борьба первопроходцев за выживание. Надежды и обманутые ожидания. Обида. Мечь. Любовь – как вечная тема писателя. Шалев не стремится к повторению историй Танаха. Играя сюжетами, он придумывает свой, новый Танах, события в котором развиваются по библейской справедливости, которая не всегда совпадает с нашей, сегодняшней.

Единого сюжета в романе нет. Да и какой, вообще, может быть сюжет в Танахе? Истории, мифы. В начале романа – обрывки многих сюжетных линий. Переход из одного времени в иное, эпизоды несвязанных событий. Грусть, ирония, любовь, земля, болото, крестьяне. Местами очень смешно. Но смех тихий. Скорее улыбка. Иногда горькая. Порой по-настоящему грустно.

В Танахе *«В начале было Слово»*. В романе это устав *«Трудовой бригады имени товарища Фейги Левин»*. Этот документ, как скрижали Моисея, служит основой для разработки Комитетом, высшим исполнительным органом поселения, где живут наши герои, всех законов мошава – коллективного хозяйства с элементами частной собственности. Мягкая ирония Шалева над его глубокомысленной серьёзностью и утопической назидательностью.

Легендарные пионеры, отцы основатели Страны – библейские сказочные герои нового Танаха. В первую очередь, это члены *«Трудовой бригады»*: Яков Миркин. Циркин-Мандолина, Элиерзер Либерзон и «примкнувшая к ним» юная красавица Фейга Левин. К ним присоединяются остальные герои романа: Маргулис, Пинес, Рылов... Их жены, дети, внуки, в конце правнуки. Число героев нарастает. Кто на ком женился, кого родил, куда делся... *«Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его...»*

Мы запутываемся в именах и родственных связях. В последующих романах Шалев рекомендует читателю не мучиться, а сразу строить генеалогическое дерево всех действующих лиц, как у Фолкнера в Йокнапатофе. Кто же они, эти мифические герои?

Это **Яков Миркин** – основа основ романа. Яков – любимый библейский образ Шалева. Совершенно не случайно в большинстве его романов обязательно имеется свой Яков.

У каждого героя «Трудовой бригады» да и всего романа есть занятие, дело, которым он живёт и которым владеет, как никто иной. У Якова Миркина это его сад. Библейский Эдем. Каждое дерево, каждый куст в его саду имеют душу и души эти созвучны душе Миркина.

Как библейский Самсон Миркин убивает голыми руками гиену, как библейский пророк мстит поселянам за их ограниченность и догматизм. Он придумывает в своём саду кладбище и завещает похоронить себя там. И все поселяне желают быть похоронены с ним рядом. *«Почему?.. Может они видели в нём пророка? Пророка Миркина с зелёными пальцами и нимбом то»*

ски вокруг головы? <...> Они верили, что захоронение в древней земле освободит, очистит и избавит их от грехов и приблизит к раю?» Великолепный сад превращается в великолепное кладбище, которое в 10 раз более прибыльно, чем социалистическое сельское хозяйство. «Могилы бросили издевательский вызов всему смыслу их жизни» – так комментирует один из героев романа эту метафору гибели утопической мечты.

Это **Фейга Левин**. Решением «Трудовой бригады» она назначается в жёны Якову Миркину. Фейга любит Якова, а он, уважая и оберегая жену, всю жизнь тоскует по своей первой любви – крымчанке **Шуламит** (Суламифь!), которая переспала со всеми казаками, затем с большевиками-начальниками, осталась в России и с Миркиным не поехала. Раз в полгода с пеликанами в клювах посылает она ему письма. Друг Миркина – учитель **Пинес** в эту историю не верит: «В России и в Украине нет пеликанов...» Красивая, весёлая, трудолюбивая, ироничная Фейга – прообраз бабушки Шалева Тони Бен Барах. Невзлюбив политиков, она называет курицу именем жены премьер-министра и ругает, что та несёт мало яиц. В романе её любят все, кроме Якова, а она потеряно смотрит на пролетающих в небе пеликанов.

В библейском «Русском романе» фантастично всё. Герои, их чувства, поступки, отношения.

Сын Фейги и Якова **Эфраим** – красивый и одарённый, самый трагический герой романа. Его искалеченное после ранения лицо не хотят видеть поселяне. Почему? Страшное обличье войны? Не сумев вызвать сочувствие у поселян, он уходит из мошава с быком на плечах. Имя быка – Жан Вальжан. И читатели должны сами вспомнить, что так звали героя романа Гюго «Отверженные». Автор предоставляет нам некий ключ, чтобы попытаться самим разобраться в причинах трагедии Эфраима, да и Якова Миркина. Типичная лаконичность Шалева, свойственная Танаху. Его книги «густо насыщены библейскими и литературными аллюзиями». Шалев обращается к читателю думающему, внимательному и образованному. Женщина спра-

шивает любимого: *«ты часто думаешь обо мне?»* И тот отвечает: *«ложась и вставая...»* Если Вы узнаете цитату из молитвы *«Шма Исроэл»*, если вспомните к Кому относятся эти слова, то вам откроется вся глубина блестящей метафоры Шалева.

Дочь Фейги и Якова – красавица **Эстер**. В неё с трёхнедельного возраста влюблён Даниель, сын Элиерзера Либерзона. Влюблён безнадёжно. Сын Эстер, Барух-«Малыш», воспитанник Миркина – главный рассказчик в романе, *«крестьянин в отпуске от деревни, от земли, от семьи»*. Именно он по завету деда устраивает в саду Миркина кладбище пионеров.

Близкий друг Миркина, член «Трудовой бригады» **Элиерзер Либерзон** живёт в атмосфере вечной любви к жене Фане. Рассказы, шутки, поцелуи до глубокой старости. Элиерзер, возможно, самый романтичный герой романа. Причём, одновременно догматичный идеолог мошава: *«Позорно устраивать в еврейском коллективном птичнике пьяный кабак»*. Это его замечание Фейге, которая подпаивала индюков, когда усаживала их высидывать куриные яйца.

Третьего члена великой бригады зовут **Циркин-Мандолин**. Это он *«умел щипнуть одной рукой и струны, и сердце»*. Одной фразой почти всё сказано!

Среди главных героев романа трогательный **Марголис**, который в знаменитую бригаду не входил, а присоединился к ним позже. Если у Миркина делом жизни был сад, то у Марголиса это были пчёлы. Он знал про них всё и любил их беззаветно. Пчёлы отвечали Марголису пылкой взаимностью. Возлюбленная Марголиса Тоня ушла к нему от своего унылого мужа, лизнув покрытый мёдом *«сладкий палец»* пчеловода. После смерти Марголиса над его могилой постоянно стоял рой пчёл, и целыми днями сидела Тоня. Пчёлы вились вокруг могилы и не разлетались. Когда умерла и Тоня, в пчелином облаке над могилой образовалась удивительная пустота. Издалека видимый, как бы вырезанный в густом, чёрном пчелином рое склонённый силуэт любящей женщины. Лучший символ, памятник любви трудно себе представить.

Один из важнейших персонажей романа – учитель Пинес. На его примере особенно ярко видно неоднозначное отношение Шалева к своим героям. Любит и посмеивается. Пинес преподаёт в школе Танах и природоведение – две дисциплины, имеющие своим предметом циклы времён. Если у Миркина делом жизни был его сад, а у Марголиса пчёлы, то у старого учителя это воспитание детей. В Пинесе сочетаются трогательная любовь: *«Каждый ребёнок был как целый мир, и я не переставал вглядываться в него»* и, одновременно, догматическое следование социалистическим идеям. Вот его речи за чаем: *«Они (пионеры) были из другого теста. Терпение целого народа прорвалось в наших сердцах, терпение двух тысячелетий прорвалось в наших сердцах и взбурлило нашу кровь»*. Высокопарность, переходящая у Шалева в иронию. К старости Пинес начинает понимать: *«Мы ошиблись в выборе идеала»*. Вспоминается Андрей Платонов. Сначала ранние «романтические» рассказы: «На заре туманной юности», «Река Потудань», а в конце жизни нескрываемая сатира на социалистические идеи в «Котловане» и «Чевенгуре».

По-библейски грандиозна смерть нашего героя. Над входом в пещеру, местом погребения древних обитателей долины, нависает огромный камень. Как Моисей жезлом, бьёт старый учитель маленьким молоточком в одному ему известную точку и проваливается в бездонную пропасть под десятками тонн обломков.

Комедийный персонаж романа, тупой «Страж Рылов», сидит всю жизнь в отстойной яме и хранит там страшные запасы взрывчатки и оружия. Взрывается, сапоги с остатками его тела находят через полгода и торжественно хоронят. На похороны приезжают *«бледные старцы... 85-летние братья по «Пальмаху»... которые выбрались по такому случаю из своих отстойных ям»*. После печальной церемонии они собираются под деревом и обновляют явки, пароли, обмениваются давними военными секретами. Смешно и горько.

Внук Миркина Ури. Как Пророки, возносит он свою весть с водонапорной башни. *«Я трахнул жену Либерзона!»* – с этой

фразы начинается роман. Умный, красивый, немного циничный Ури, любимец женщин, – самый оригинальный мыслитель в романе. Народ его избивает и прогоняет из мошава. Но именно он возрождает сад. Рубит декоративные деревья на кладбище, сажает вновь фруктовые. На последних страницах книги прокричать любимое высказывание просит уже его жена, дочь раввина Нехама, в которую он влюбился, конечно же, на крыше водонапорной башни. Круг замкнулся. Начало и конец роман. Кольцевая композиция напоминает романы Набокова, любимого писателя Шалева.

Так о чём же эта фантастическая, по-библейски грандиозная драма?

Прежде всего, «Русский роман» – это ностальгия о славном прошлом.

Тоска по мечте. Герои романа отцы основатели – идеалисты и бессребреники. *«Столько мечтали, а потом нам опять подсунули нечто иное»*. Романтика пионеров столкнулась с реальной жизнью.

Конечно же, это книга о любви.

О любви мужчины и женщины. Такой любви в жизни мы не встречали. Поистине библейские страсти. Каждая из любовных историй в романе фантастична и не похожа на иные. Шалев как бы исследует понятие, что есть любовь и говорит нам – посмотрите, а вот бывает так. А вот ещё и так. А если вот так, это тоже будет любовь? Миркин и Шуламит с письмами и пеликанами. Маргулис и Тоня с пчёлами и «сладким пальцем». Элиерзер Либерзон, который всю жизнь, без устали, развлекает жену Фаню. Философ Ури, специалист в вопросах любви, поясняет: *«любая женщина стоит любви на всю жизнь. В Фане не было ничего особенного. Она была не более, чем зеркало, которое Либерзон не уставал начищать и перед которой выполнял свои шпaгаты и пируэты, плясал и пел...»* Сын Элиезера Даниэль Либерзон, который с младенческого возраста и до конца

жизни любит Эстер. В трагический день её свадьбы с соперником, на тракторе с плугом он вырезает в земле, на склоне холма многометровые буквы её имени. Каждую весну её имя расцветает фиолетовыми цветами, которые видны с любой точки мошава. Красавец и умница Ури на крыше водонапорной башни упорно ищет свою половину, давая женщинам то, что не смогли дать им их унылые мужья. На этой же крыше влюбляется он в дочь раввина и худеет на 26 кг за 5 недель... Ироничный Шалев приводит точные цифры. Для убедительности.

О любви к природе и всему живому вокруг. Таинственный герой по имени Зайцер появляется уже на первых страницах книги, но то, что это осёл, мы узнаем ближе к её середине. Активный участник жизни мошава он между делом летает в гости к английской королеве, а когда видит распад в деревне, то заканчивает жизнь самоубийством. О любви к молочным коровам в наушниках, обречённым курицам и хмельным индюшкам, к коту Булгакову и учёным пчёлам Либерзона. Ко всем бесчисленным фруктовым деревьям и кустам удивительного сада Миркина. К полям, лугам, травам и цветам Страны.

Это рассказ о трагедии старости. И не только людей! О молодости и постепенном старении государствообразующей идеи. О вечном несовпадении мечты и действительности. *«Их удивляло, что легендарные пионеры стали стариками... Жизнь разменяла наши титанические мечты и свершения на жалкие гроши ревматизма!».*

Элиезер Либерзон слепнет после смерти жены Фани – а на что смотреть? Он уходит в поля, и его останки находят через 6 месяцев. *«Слепой и одинокий он утратил всякое значение – как в своих глазах, так и в глазах всей деревни... Всего два поколения прошло, после встречи Либерзона и Фани в виноградных кустах, а кусты эти уже выкорчевали, землю покрыли бетоном... И вся история эта напрочь забыта...»*

Одна из главных тем романа – это сионистский утопический социализм. Сионистская трудовая утопия, неутомимое строительство светлого будущего. Его строили в Стране те самые молодые евреи, которые не успели этим заняться в Советской России. Анатолий Найман пишет о них: *«...избегая диктатуры, тяги к тоталитаризму ГУЛАГа, строили социалистическое государство киббуцев и мошавов. Создавали „трудовые бригады“, изучали труды „классиков“, создавали „музеи первопроходцев“, шли в профсоюзную номенклатуру»*. Шалев отчётливо видит сходство идей и мечтаний. Настенный деревенский листок и общие собрания мошава напоминают стенгазеты нашей юности, унылые профсоюзные и комсомольские собрания. До боли знакомые утопические попытки выращивания *«нового человека»*. Там, – отменив буржуазную эксплуатацию, здесь, – привязав человека к земле и к почве. Когда Маргулис женится, то отец невесты, самый богатый еврей Украины, тайком от большевиков присылает телегу наследства под конвоем 6 казаков и 4 черкесов. Хрусталь, серебро, посуда, постельное бельё, ковры, мебель, одежда. Но: *«Странный блеск в глазах женщин деревни», «То, что папе удалось спасти от русских большевиков, разокрали наши, израильские»*. Уже *«новый человек»* – Тоня Рылев, *«вне себя от зависти и принципов»*, требует созвать Комитет и всё поделить.

Что же получается? Что *«вместо неуверенных евреев Галута мы получили грубых и сварливых крестьян»*? Что любовь к земле отняла душу? Меир Шалев насмешничает и иронизирует не столько над своими героями, которых он нежно любит, сколько над самими идеями *«утопического сионистского социализма»*.

Почему же книга так названа? Почему роман русский?

В самом названии уже заложена некая игра слов. В русском языке слово *роман* означает форму литературного произведения и одновременно определённые романтические отношения: *«У неё с ним роман»*. *«Русский роман»* на иврите – это

сильные страсти, взаимоотношения героев с эмоциональностью, присущей русской литературе. Эти «страсти» описываются Шалевым с любовью и в то же время *«с привкусом той суховатой иронии, которая ещё горше подчёркивает трудность человеческой жизни»*.

В сионистских идеях «привязанности к земле» Шалев слышит отголоски русского толстовства и народничества. В резолюциях Комитета угадываются саркастические тексты Платонова и Зощенко. В попытках вырастить за несколько поколений «нового человека» проглядывает Булгаков, за неудачными сельскохозяйственными экспериментами – Мичурин и Лысенко. И это естественно, ведь главные герои романа, это русские революционеры, переехавшие на землю Израиля. Поэтому и «Русский роман».

Всё вышесказанное было, **О ЧЁМ** написан роман. Попробуем глянуть, **КАК** он написан. Как необыкновенно расположены предложения, слова и буквочки на каждой его странице. *«Не каждый умеет петь. Не каждому дано яблоком падать к чужим ногам»*. Не каждый имеет музыкальный слух. Не все мы понимаем и чувствуем поэзию, в состоянии отличить стихи от хорошо рифмованного набора слов. Шалев сотворяет чудо: *«...читая, произнося про себя вслух медленно слова и буквы, наслаждаясь мелодией звуков, неожиданно до вас доходит страшный, трагический смысл прочитанного, замаскированный красотой звучания слов...»*

Один из героев Джерома Сэлинджера говорил о *«...потоке поэзии пронизывающим всё в мире»*. Это и о книгах Меира Шалева. Музыкальная, цветастая, поэтическая проза.

Роман написан на иврите. *«По общему мнению ивритоязычных читателей, язык Шалева – один из самых богатых в израильской литературе»*. Вот как он пишет об иврите: *«Это самый удивительный и интересный язык на свете. Представьте – сюда входит царь Давид. И мы с ним можем поговорить! Сегодня! Мы не всё поймём, но что касается чувств, мы прекрасно поймём, – ни чувства, ни слова, их обозначающие, с тех пор не из»*

менились... Язык как бы уснул на 2 тысячи лет летаргическим сном, а теперь он проснулся и развивается так быстро...»

Мы не знаем иврита и читаем этот и иные романы Шалева на русском. Однако и тут нам несказанно повезло. Такое не бывает случайностью. Virtuозным по мастерству владения ивритом, пронзительным по глубине чувств романам соответствуют блестящие переводы удивительной русскоязычной пары Аллы Фурман и Рафаила Нудельмана. Как они переводили Шалева *«в соответствии с мелодией оригинала, с его музыкой, с его звуковой игрой...»*, как русский язык соотносится с ивритом и где между ними затаился идиш, что связывало этих троих людей в жизни и даже в смерти, всё это отдельная тема... Говоря о Шалеве, я лишь повторю за Рафаилом Нудельманом: *«..Меня захватила изысканно-сложная композиция, мощная трагическая тема любви-ненависти, лиризм и ирония, распахнутая фантастичность и библейская глубина, – в общем, все, вплоть до дыхания фразы. В этом смысле у меня есть давний камертон: мелодия текста должна подниматься в душе, как ножка бокала (я когда-то видел такой в Гусь-Хрустальном), и распускаться в „чашечку“ точно в тот момент, когда душа уже требует вдохнуть. Эту мелодию я ощутил в тексте Шалева».*

«Если ты хочешь, чтобы я заплакал, ты должен заплакать первым». Перефразируя Горация, скажем: если ты хочешь, чтобы я улыбнулся, ты должен улыбнуться первым. Кажется, что, когда Меир Шалев писал этот и иные романы, улыбка не сходила с его лица. Просто улыбка весёлая и ироничная сменялась на горькую и печальную.

Как по мне, лучше за последние годы не писал в мире никто.

Перечитайте Шалева. Побудьте с ним. Положите камешек на его могильную плиту.

В этом году замечательному израильскому писателю исполнилось бы 75 лет...

Мария БУНИНА
Зигбург

В СТРАНУ ТУРГЕНИЮ
Из лирического дневника филолога

В 2023 году исполнилось 205 лет великому русскому писателю Ивану Сергеевичу Тургеневу и 165 лет со дня публикации повести «Ася».

Кандидат филологических наук, тургенивед Мария Янина – автор статей «Человек в художественном мире Чехова и Тургенева (Гамлеты и дон Кихоты: структура образа)» и «Человек в художественном мире Чехова и Тургенева. Очарованные героем и негероем... («чеховская» и «тургенивская» женщина)». Эти работы и путешествия учёного в город, где рождалась «Ася», легли в основу готовящейся книги Марии Яниной «В СТРАНУ ТУРГЕНИЮ». Предлагаем вашему вниманию фрагмент из первой части книги «На Асины холмы. Тургенев. Лич. Зинциг и „Ася“».

Составитель

О чём пишут в дневнике? О самом-самом, что должно навсегда остаться со мной, что нужно додумать, передумать, а потом удивляться: «И как это только могло прийти в голову?! И ты ли это писал... Какие глупости, в детство впал. Но почему – неведомо почему – тебе это дорого? Задумываешься: как могли случиться эти счастливые минуты, что сделать, чтобы подобное состояние повторилось, как пережить снова это счастье, как подарить это и другим?

...Итак, начнем наш путь к Тургеневу через «Асю». Почему через «Асю»? Я думаю, ты, читатель, догадаешься сам, добавлю только к тому, что ты уже знаешь: (наше с тобой действие – путешествие связано с его двухсотлетием и юбилеем «Аси»). А почему путь – «наш»? Я и ты, воображаемый, со мной на пути в страну, создатель которой обладал способностью «тотчас отзываться на всякую благородную мысль и честное чувство», отзовется и на твои неотступные, новые и давние вопросы,

может быть, тотчас. Вспомнилось пушкинское «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», тем меньший, чем более он нас возвышает. А разочаруешься – твоя воля, ты пошёл «туда, не зная куда», как и я, как и её создатель. Почему расстались господин Н.Н. и Ася? Уж не для того ли, чтоб не расстался ты со своей Асей? Какой могущественный враг разрушил внезапно возникавшее счастье? И что в Асе делало Н.Н. бесконечно счастливым? Что делать и каким быть, чтобы стать незаменимым избранником? Да и речь идёт не только о героях повести и не только о любви. К «Асе» – через Линц, Рейн и Зинциг. От «Аси» – к Тургеневу. Проследим путь гения, превратившего эти города в прекрасную страну – Тургению. Почему прекрасную – я думаю, ты почти знаешь ответ и не возразишь мне: это не только объект наблюдения и угол зрения на него. Но и язык, «одеяние» этой самой Тургении, «чутье к тончайшим, поэтическим оттенкам жизни», слова, их организации, интонации русской речи. «Невыразимое – подвластно ль выраженью?». Случается нечасто, но да, если «это великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» и автор этих слов тот самый Тургенев. Кто как не он точнее всех политиков в мире даёт ответ на самый громадный страшный вопрос наших с тобой, читатель, горестных, горьких, невыносимо трудных дней...

...Попытаемся вместе совершить этот «тур» гения и наш «тур» к гению. Вот и двойная радуга над Рейном, когда я выглянула в окно. Река. Два прибрежных городка. Лето, юная девушка из России и молодой русский путешественник на этих берегах. Ланнеровский вальс долетает из городка Л. с правого берега до этого нашего путешественника в городок З. на левом его берегу. Он переплывает Рейн и на празднике студентов из города Б, окончивших университет, знакомятся наши герои. Брат и сестра Гагины приглашают господина Н.Н. их навестить и вместе отужинать. Лунным вечером с высоких холмов в винограднике «Рейн весь серебряный». Уезжая с тургенев-

ского бережка, ты ещё раз оглянись и будешь вглядываться в удаляющийся берег, пытаешься вспомнить страницы повести. А кое-кто и задержится на берегу и пойдёт искать крепостную стену, которой был обнесён прибрежный городок. Придёт сюда ещё раз искать Асин холм и не найдёт его. Придёт ещё и найдёт. Но не все смогут сюда подняться, как и на те Асины духовные высоты, незримые и невидимые, от которых дух захватывает.

Не будучи героиней стать героиней – чудо страны Тургенни. Асины духовные высоты... Это осознать ой как непросто. Непросто понять моё благоговение и благодарность автору за Асю и... Базарова. Человеку, благоговение перед которым порою не может не вызвать недоумение и порою горькую иронию... Из каких его источников возникало его величество Очарование?.. Это Ася выбрала в качестве жилища белый домик на высоких виноградных холмах над Рейном, это с них Ася мечтает «взвиться», как птица, в небесную синеву. После вальса с Асей на этих холмах во время переправы через ночной Рейн пугающая глубина с отраженным в ней небом зажигает в Н.Н. жажду счастья, «счастья до пресыщения».

В поисках городской стены ваш взгляд неоднократно остановится на скульптуре мадонны. Мадонны в нише на стене, на воротах, на высокой башне, на главной площади. Какая же из них и что сказала ему, когда он проходил мимо? Вот дом украшен цветущими кустами, железными ажурными кружевами, но более – её любящим присутствием вблизи человеческого жилища. Скульптура мадонны возвышается в центре Линца на высоком пьедестале, мать-защитница и мать-спутница в трагическом подвиге сына, с просветлённым лицом, осознавшая их предназначение. Вот мадонна взывает к Всевышнему избавить род человеческий от невзгод не столь жестокой ценой, как гибель сына. Мадонна в самый страшный час ее жизни напоминает, что есть страдание, которому не может быть

конца, и во имя чего оно. Мадонны живут в каждом немецком замке долгие века вместе с ними. Вместе с героями «Аси» живет в городке З. маленькая мадонна. Смотрит на «величавую реку», слушает вальс, доносящийся с правого берега.

И вы не раз вспомните, проходя по Линцу, тургеневскую мадонну. «Я часто ходил смотреть на величавую реку и... просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзённым мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился». Ещё одну стрелу в сердце получит эта мадонна от горестной истории юной, тоже «маленькой» русской девушки, круглой сироты, как говорят на Руси, случившейся на берегу реки мадонны, у её городка, покой и радость которого она до сих пор охраняла. Но ведь она маленькая, ей не всегда и не всё удаётся... Но удалось сделать Асю и её любящего Н.Н. счастливыми хотя бы на короткий, но незабываемый период жизни. Мадонны встретят вас и в Зинциге, согревая материнским теплом и божественной заботой, украшая ваш день. «Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигающейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом все громче и громче; я повторял сто раз, что я ее люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я бы дал всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою...». Асе не дано было слышать этих слов, их слышала мадонна на противоположном берегу, ведь она более всех знает, что такое страдание и потеря самого дорогого...

...За светлой полоской реки, выше по течению, вдалеке и есть тот самый «небольшой городок З.». Чтобы рассказать об Асе, автору нужна была «великая», «царственная река», «Рейн, весь серебряный», весь в лучах солнца, облитый луной и ночной, его бездонная глубина от отраженного в ней неба, ему нужны были холмы. Она должна была жить высоко над рекой.

Ему надо было видеть Мадонну, не одну мадонну. Мы искали такую мадонну, яшень и скамью, тем более, что она, скамья, – каменная, (наивно думали мы в поисковом азарте). Нашли скамью под деревом, идя по Асиным следам. Конечно же, как Зинциг и Линц не совсем такие, как городок З. и городок Л., и не там. Но об этом – позже. Любуемся берегами с грустью: нет и не могло здесь быть мадонны под ясенем: берега у Зинцига пологие. Но разве огорчит нас от этих пологих берегов «Ася»? И сама Ася похожа на маленькую мадонну с её мечтой «пойти на молитву, на трудный подвиг». «...толпа богомольцев тянулась внизу по дороге с крестами и хоругвями. «Вот бы пойти с ними, – сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов. «Разве вы так набожны?» – «Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, продолжала она, – а то дни уходят, жизнь уйдет, а что мы сделали?»

...В Асе есть нечто созвучное Базарову, Елене, Инсарову. Не по этой ли причине Рудин на парижских баррикадах? Асино «дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?» созвучно словам о Елене: «Она с детства жаждала деятельности, деятельного добра», словам Натальи: «Неужели вы находите, что вам пора отдохнуть? – произнесла она робко... – отдыхать могут другие; а вы... вы должны трудиться, стараться быть полезным. Кому же, как не вам...». Идеей деятельного добра пронизаны все романы Тургенева, это самая звучная их идея. Уж не преувеличение ли эти наши размышления об Асе? Вспомним слова её брата: «Ася мнением каждого дорожит»; дорожат мнениями тех, кто дорог. Асе дорог и ты, читающий эти строки. Мне думается, что каждое прочтение «Аси» – день её рождения, праздник. На земле становится больше сочувствия и восхищения. – Добра.

...Откуда у Аси такая любовь к людям и миру, в котором ей нет места и в котором ей так тяжело? Вернёмся с этой загадкой страны Тургенина на наш бережок. Вспоминается пятого мая

2015 года. Двойная радуга прямо над городом Аси. Чуть не в центре этого полукружья – белый дом у пристани с памятной доской. Нас ждут и другие неожиданности во время нашего будущего путешествия в третье июля 2017 года. Мы проведем этот день в Зинциге, куда приехал третьего июля 1857 года Тургенев. В сто шестидесятый раз взойдет над Зинцигом третье июля, осветит речку Ар, треугольную площадь и собор Святого Петра – его следы в Зинциге. В Зинциге будем, когда в него придет сто шестидесятое двенадцатое июля, совершим другие не совсем обычные путешествия. И будем праздновать в Зинциге его 200-летие. Мы даже предположить не могли, что это событие в этом городе таки произойдёт.

Зинциг. «Sinzig» – читаем, верим и не верим своим глазам. Скромное небольшое двухэтажное здание. Вокзал? Привокзальная площадь? Или отсутствие её? Огромные железобетонные подпоры для дороги над головой, по которым несутся машины... Узенькая улица. Улица Барбароссы. И Тургенев... Чудовищный «план Барбароссы»... О нём напоминала нам улица, внезапно ставшая широкой, с высоким холмом по левую её сторону, на вершине которого возвышается церковь с готической башней и шпилем над ней – католический собор тринадцатого века. Вспомнилось: «Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями...» Собор не мог не посетить наш писатель, не мог не поставить там свечку, как поставили свечи мы – ему.

(Продолжение следует)

Волна

и

камень

Виталий СТАРОДУБЦЕВ:
Вупперталь

ЗООПАРК ДЕДУШКИ ВИТАЛИЯ

Лидя ЭПШТЕЙН

Вупперталь

Я родилась в Харькове, окончила Художественно-промышленный институт, работала дизайнером, художником по тканям. В 1997 году переехала с семьёй в Германию. Веду изостудию в еврейской общине Вупперталя. Участвовала в выставках в Харькове, Киеве, Москве, Питере, Вуппертале, Кёльне, Карлсруэ, Франкфурте, Париже, Венеции и других.

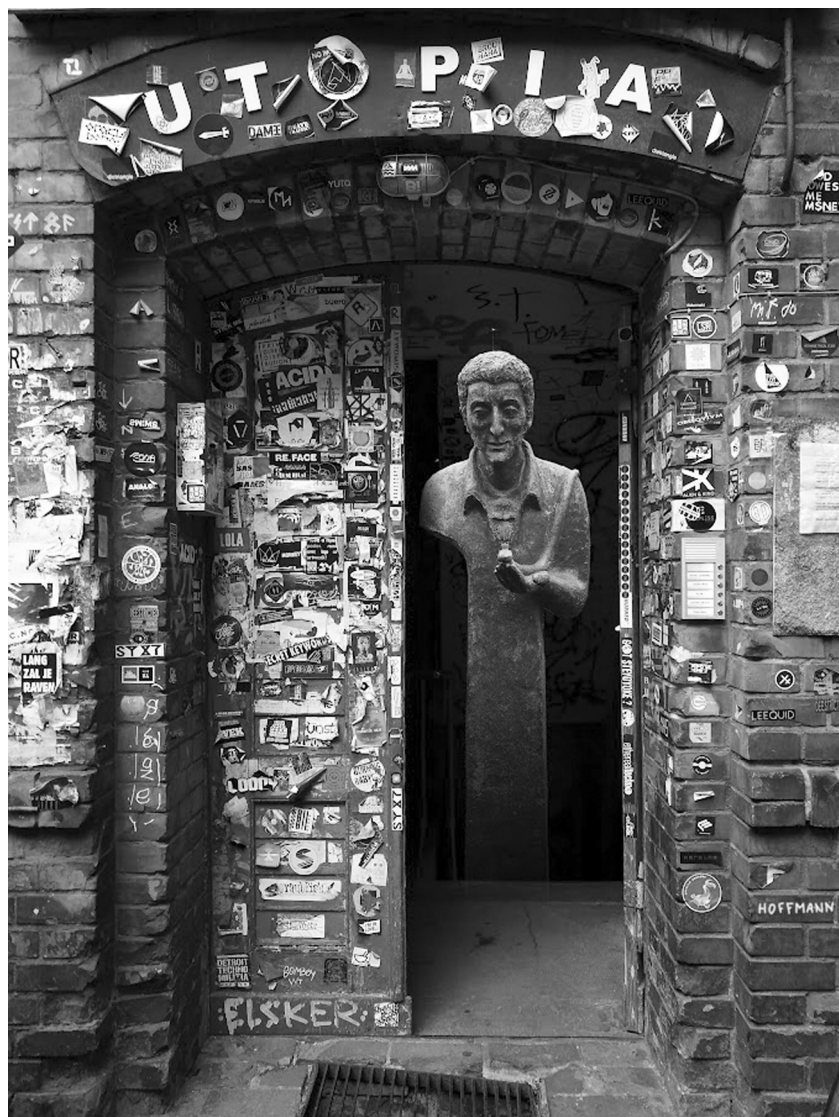
Немного о проекте: в прошлом году четверо фотографов сделали совместный проект и две выставки к юбилею Гоффмана: Лидия Эпштейн, Татьяна Строганова, Буркхард Бюхер и Эберхард Воглер.

ГОФМАНИАДА

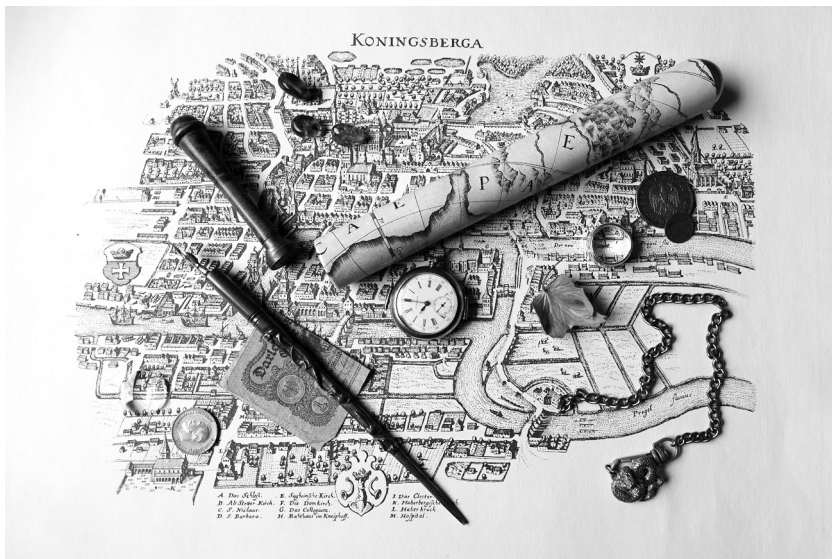

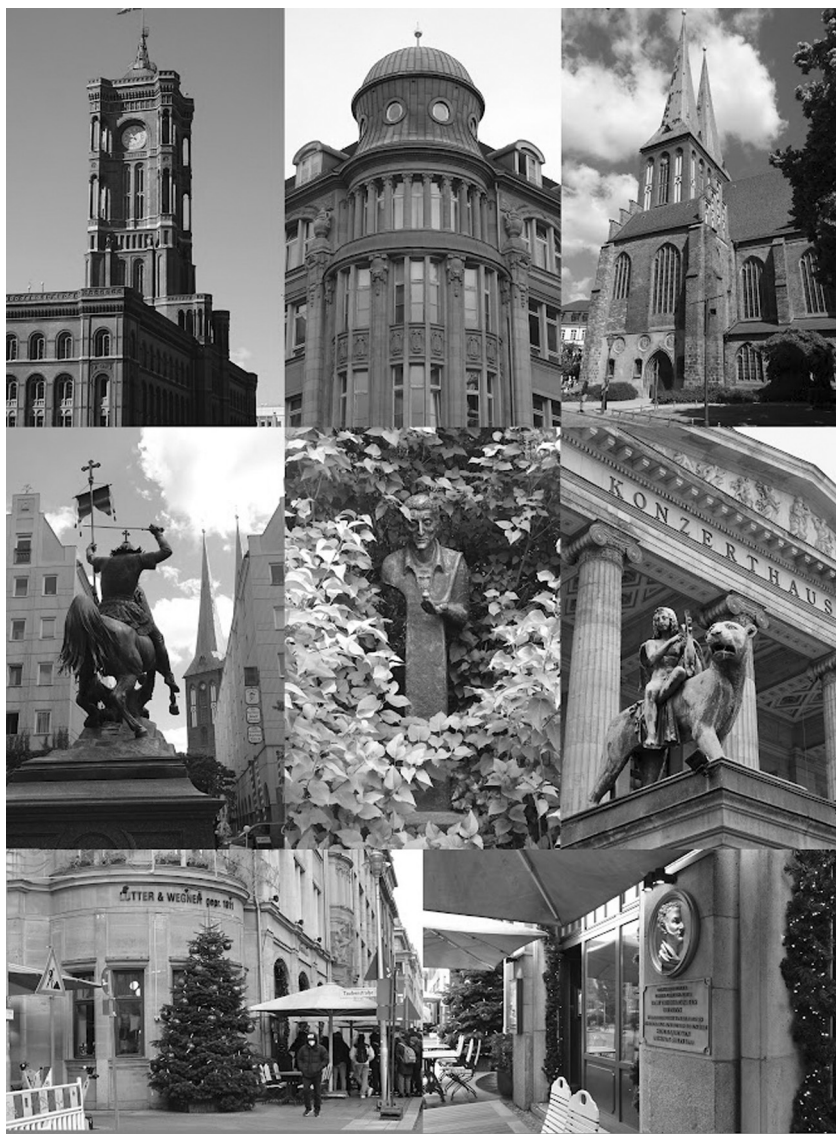

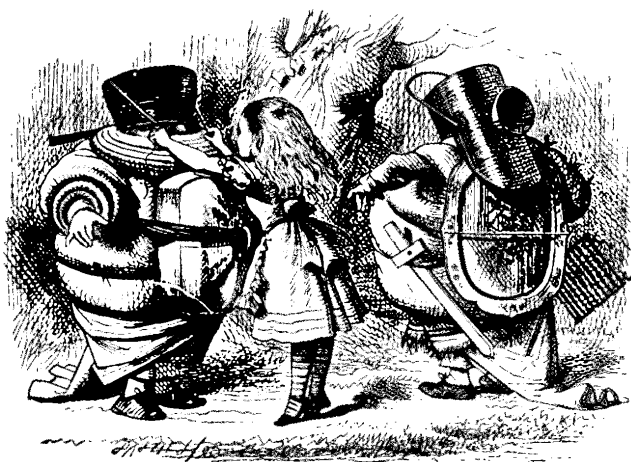

*Они
сошлись*

Андрей АНПИЛОВ

Москва

Роман про тёплого щенка

Готов у девочки роман
Про тёплого щенка,
Он весь вмещается в карман –
И лапки, и щека.

Он весь в кармане от и до,
С начала до конца,
И только ухо из пальто
Высовывается.

Он там, в романе, весь живёт
И спит, припав на грудь,
Он греет сквозь карман живот
И всхрапывает чуть.

Щенку ведь надо отдохнуть,
Во сне зевнуть раз сто,
А ухо можно запихнуть
Обратно под пальто.

Я столько видел разных стран –
Деревья, облака –
Они вмещаются в роман
Про тёплого щенка.

В кармане, что ни говори,
Теплее со щенком,
И он вздыхает там, внутри,
Свернувшись узелком.

Заснул или проснулся?

Никак не запомню – ну не успеваю! –
Куда я деваюсь, когда засыпаю?

Я только что был и боялся без свету,
Отвлекся чуть-чуть, и – меня уже нету.

Лежу, лоб наморщив, в ответах копаюсь –
Откуда берусь я, когда просыпаюсь?

И надо ж родиться таким чудаком мне:
Засну – и не знаю, проснусь – и не помню.

Я сел на кровати, оделся, обулся.
Вдруг кажется мне – я совсем не проснулся!?

Ведь я перед этим улегся, укрылся,
Боялся, отвлекся и – в сон провалился!

Ага – значит, надо раздеться, разуться
И снова заснуть, чтобы вправду проснуться!

Зубки заболели

Зубки заболели,
Что за чудеса?
Смотрят еле-еле
Мокрые глаза.

Дёргает и ноет
Нерв такой-сякой,
Словно домик строит
Гномик за щекой.

Боль – конца не видно,
Там – уже нора.
Гномику обидно,
Но к врачу – пора.

Врач твое мученье
(Клещи тут как тут)
Вылечит в течение
Нескольких минут.

Завернув в платочек,
Гномика отдаст.
Пусть живет, где хочет,
Только не у нас.

Не горюй, мой сладкий, –
Через пару лет
Новенький и гладкий
Вырастет на грядке...

А у папы – нет.

* * *

Болезнь лишь в детстве хорошо –
Лежишь, как цуцик, на подушке,
И шерстяной платок смешно
Завязан в бантик на макушке.

Покажешь горлышко врачу,
Слизнешь, зажмурясь, горечь с ложки,
И снова делай что хочу,
Весь день упрямясь понарошке.

А все на цыпочки встают!
К губам прикладывают пальчик!

Украдкой сладости дают
И называют тебя – «зайчик»!

Болей, мой маленький, пока
Носочек вязаный белеет
И ночью мамина рука
«Бо-бо» найдет и пожалеет...

Остров сокровищ

Вот так здрасьте-досвиданья –
Вдруг нашлись на верхней полке
Книжки старого издания,
Корешки мои, осколки.

Эти буквы и чернила,
Эти выцветшие краски,
Эти, господи помилуй,
Приключения и сказки.

Помнишь томики «Детгиза»
В переплёте бледно-сером,
Где Том Сойер и Алиса,
Квентин Дорвард с Гулливером?

Мушкетёры с Робинзоном,
Дети капитана Гранта...
Пахло порохом, озоном,
Как морская контрабанда!

Жалко лампочка свисала.
Рыбий жир. Температура.
Ты одна меня спасала –
Вредная литература.

Голова горит и млеет,
Жар плывёт перед глазами –
Но под снежными белеет
Мой корабль парусами.

Как читалось из-под парты
Про пиратов и чудовищ!
Вот они – цветные карты,
Вот он – остров мой сокровищ.

Позабывтые небрежно
Конан Дойл и Сетон-Томпсон,
Вальтер Скотт и, уж конечно,
Монте-Кристо с Билли Бонсом!

Как выращивать ребёнка

Как выращивать ребёнка?
Это надо делать тонко –
Взять младенца и в горшочек,
Как цветочек, посадить,
Поливать его спросонок,
Не менять ему пеленок,
Глядь – извилиной сыночек
Начал бойко шевелить.

Есть еще хороший метод,
Сильно действующий летом –
Выгнал в поле, как козлёнка,
И скомандовал: «Пасись!»
Он побегает кругами,
Не мешаясь под ногами, –
Не узнать потом ребёнка,
Так он вымахает ввысь.

Ну а самый главный способ –
Воспитанье под гипнозом.
Нету школы для подростка
Лучше сна и тишины.
Детство кончится без нервов,
Мальчик вырастет, наверно,
И проснётся сразу взрослым.
Все проблемы решены.

Впрочем, можно с чувством долга
Жизнь ребёнку портить долго –
Закалять в режиме строгом,
Стричь пятнадцать лет подряд,
Баловать, кормить арбузом,
Целовать за тройку с плюсом...
Ну и что? Глядишь – в итоге
Тот же самый результат.

Коля фыркает, как моржик

Коля фыркает, как моржик,
Он, наверное, поёт,
Он поплыть ещё не может,
Но вот-вот – и поплывёт.

В волны синие в бассейне
Он ныряет с головой
И выныривает в пене,
В пузырях, как деловой.

Плывать он пока не может
От начала до конца –
Но зато уже, как моржик,
Он отфыркивается.

Ребёнком можно всех представить

Воображение и память
Напрячь, прищуриться на свет –
Ребёнком можно всех представить,
И только прапорщика – нет.

Вот этот был щекастый школьник,
Та – деловая колбаса,
А тот, большой мечты невольник,
Глядел в окно на небеса.

Все эти фартучки и банты,
На изоленточках очки,
Неряхи, модницы и франты,
И пионерские значки,

Ладочки с цыпками на коже,
Пирог с капустой за пятак...
И только прапорщик моложе
Не получается никак.

То есть в уме-то он поменьше
Легко выходит раза в три,
Но те же все снаружи вещи,
И то же самое внутри.

Всё стало крохотное просто –
Погоны, бляха и живот,
Идёт в строю, полметра ростом,
Честь генералу отдаёт.

Мой папа

– Мой папа! – как сын мой, бывалоча, скажет
И всем на меня гордо пальцем покажет:
– Мой папочка, – скажет он, – храбрый и сильный,
Талантливый, умный, весёлый, красивый,
Порядочный, скромный, смешной, современный,
Симпатией пользующийся неизменной
За доброе сердце, отходчивый нрав!

Ну, что возразить?
Мальчик, в сущности, прав.

МОЖНО ПОГЛАДИТЬ ВАШУ СОБАКУ?

Собачка немолодая, вроде кокер-спаниеля, одна лапка в кожаном башмачке, воспитана лучше, чем обычный человек, глаза умные.

Одна незадача – приехала с хозяевами из Италии, слышит только итальянские команды. Ну я с ней по-русски и по-немецки разговариваю – и она меня понимает. По интонации, по контексту и по выражению лица.

Я тоже так умею, когда иностранцы со мной говорят.

Значит, гости пошли главный собор города внутри посмотреть, а меня с собачкой оставили у входа. И не очень удачно, почти на ходу у посетителей, чуть сбоку. А оттащить собаку мне жалко, тем более, что опасаясь, как бы она не подумала, что её пытаются присвоить.

Так что держу её точно там, где нас оставили, где собака последний раз видела хозяев.

Она стоит на четырёх ногах, наклонившись чуть вперёд, и держит поводок в натянутом напряжении.

Хоть не дёргает, уже хорошо.

Вперилась умными глазами в церковную темноту, куда ушли люди, и нюхает воздух коротким неглупым носом.

Показывает, что ждёт сильно, но терпение пока есть.

Вдруг подходит крохотная девочка и что-то спрашивает. Вокруг довольно шумно, и вопрос звучит так – тоненьким колокольчиком «блям-блям-блям?»

Язык я не узнал, но смысл понял точно – девочка спросила: «Можно вашу собачку погладить?»

Ребёнок приехал из Японии, лицо было круглым как шарик, чёрная чёлка подстрижена прямой линией, глаза, как две чёрточки, а брови, как две пушинки.

И ростом японка в красной курточке была не больше нашего кокер-спаниеля.

И я великодушно закивал, что конечно, собачку погладить можно.

И девочка стала гладить собаку по спине, по ушам, по голове и по носу.

Потом подошёл японский мальчик, это был старший брат девочки, тоже крохотный, и тоже спросил у меня «блям-блям?»

То есть то, что я дал разрешение девочке, на него пока не распространялось – и он взял у меня свой собственный допуск.

Ему я тоже дал энергичным кивком и утвердительным мычанием разрешение.

И дети стали гладить собачку в четыре маленьких руки.

Собаке пришлось отвлечься от несения службы ожидания, она села на задние лапы, ослабила поводок. Немного понюхала, кто это её тут поглаживает, и, наконец, чуть расслабилась в чужом городе, где все говорят на разных языках.

Посмотрел я вокруг – недалеко стоит взрослая маленькая японка с детской коляской, мама этих детей. Она меня спрашивает вопросительным взглядом – ничего, мол? И я ей возвращаю взглядом утверждение – что, мол, ничего, обычное дело.

Тут маленькая опять что-то у меня спрашивает, вроде «блям-блям?», но звучит малость иначе.

Неизвестно отчего я понимаю сказанное мгновенно, она спрашивает: «А можно мне поцеловать вашу собачку?»

Спрашиваю взглядом мамашу – что отвечать будем?

Та пожимает узкими плечами – сам решай, мол, а я не против...

Ну даю глазами и жестами добро.

Девочка поцеловала собачку в оба уха, потом в лоб, а потом в нос. Собаке стало щекотно, и она потёрла нос своим кожным башмачком.

Тут как раз вышли на свет хозяева, я наконец-то выдохнул и отдал поводок.

Нашёл взглядом спасительную семью, все трое вежливо улыбнулись в ответ, а девочка в красной куртке села в коляску, взяла в рот соску и стала болтать ногами.

Она была даже ещё моложе, чем показалось с первого взгляда.

Рис. В.Харика

Елена ЛАРИНА

Таллинн

Елена Ларина родилась в подмосковном городе Дубна. Позже с семьёй переехала в Украину, где закончила среднюю школу и Днепрпетровский Институт Инженеров Транспорта, а затем в Эстонию, где работала ст. инженером проектного отдела строительной организации. В 2003 году окончила Таллиннский Евроуниверситет, факультет «дизайн интерьера», работала по специальности. Сейчас живёт в Эстонии. Член поэтического объединения «Белый Ком» при Эстонском Филармоническом Обществе, а также МПП (Международная Гильдия Писателей) в Германии и МАП (Международная Ассоциация Писателей) в Латвии.

По итогам поэтических конкурсов печаталась в российских журналах в Калининграде («Балтика»), Пскове («Словенское Поле»), Москве («Московский дом»), С.-Петербурге (альманах «Русский Миръ»), а также в Польше, с переводом на польский («Мосты»), в Болгарии, с переводом на болгарский «Антология. Современные славянские поэты», Германии («Русский Stil»), Австрии («Венский Литератор»), Израиле («Интеллигент», «Арфа Давида»), Бельгии («Эмигрантская Лира»), Латвии («Письмена», «Паровоз»), Эстонии («Таллинн» и «Вышгород») и других, а также в интернет-изданиях.

Автор книги детских стихов «Еле-еля и Быстр», мюзикла для детей «Одуван», либретто опер для детского театра В. Игнатова по сказкам Сильви Вяльля «Семь друзей Юссике», Василия Ливанова «Дед Мороз и лето», Андерсена «Снежная Королева», «Таллиннские сказки», а также переводов.

Дикобраз

Жил один миленький дикобразик,
который ни разу не безобразил,
никто никогда даже слова
не слышал от него худого
ни разу, представьте, ни разику,
как и следует дикобразу.

С любовью и лаской
общался он с лаской,
с теплом и заботой
с кротом и енотом,
и с лучшим приятелем бурундучком
колючки ни разу не ставил торчком,
поскольку топорщат колючки
лишь пакостники и злючки.

А мама ему говорила всегда,
иголки – награда, а не беда.
На свете, сыночек, и хищники есть,
они беззащитного могут и съесть –
вот тут-то иголки тебе пригодятся,
и все дикобразики ими гордятся.

И вот, как-то раз на мостках он сидел,
ногами болтал и на воду глядел,
и очень гордился причёской,
такой необычной и броской.

А мимо как раз проплывала ехидна,
на дикобраза взглянула ехидно
и задала свой ехидный вопрос:
– Ты дикобраз или дико оброс?
Так вот одной необдуманной фразой
можно обидеть дикобраза.

На кончике травинки

На кончике травинки –
росы прозрачной капля,
а сверху на росинке
спит божия коровка,

а у неё на спинке
стоит, качаясь, цапля
и сотню мелких пташек
на крыльях держит ловко.

А наверху – зверюшки,
большие и не слишком,
и розовые хрюшки,
и мышки, и мартышки.

Над ними – целый город
и люди, и машины,
и реки, и равнины,
а выше – только горы.

И всё это качается
на кончике травинки,
и ты её нечаянно
не зацепи ботинком...

Черепашка

Спросила я у черепашки: – Черепашка,
зачем тебе такая крепкая рубашка?
Она тяжелая и твердая, как камень,
и как она тебе не давит под руками?

Да и фасон такой давно не носят, детка,
а уж расцветка! Что за мрачная расцветка?

А черепашка мне ответила: – Дурашка,
да это домик мой, а вовсе не рубашка,
и в этом домике, в ореховом комод
лежат наряды по последней самой моде!

Такие яркие, чудесные одёжки –
сорочки, юбочки, браслетики и брошки.

– Так вот ты модница какая, Черепашка!
А с виду просто настоящая монашка.
Так почему же эти яркие наряды
ты постоянно прячешь от людского взгляда?

И неужель тебе ни капли не обидно,
что красоту такую никому не видно?

– Ну что ж поделывать, я по дому их ношу,
ведь я из дома никогда не выхожу...

Жираф и бегемот

Погладив свой большой живот,
сказал жирафу бегемот:
– Тот, кто назвал тебя ЖИРаф,
категорически не прав.

Жир – привилегия моя,
его коплю годами я,
он греет, защищает
и на волнах качает.

А ты свой жировой запас
неосмотрительно растряс.
Теперь в тебе, транжира,
ни капли нету жира
и вся твоя натура –
сплошная арматура!

Всё скачешь по саванне,
копытами мелькая,
а я лежу, как в ванне,
и пользу извлекаю.
Ты всё вприпрыжку, всё бегом,
а я забочусь о другом.

– Ну что ж, – сказал в ответ Жираф, –
возможно, в чём-то ты и прав.
Да, жир – стихия не моя,
люблю на воле бегать я.
На то и ноги мне даны
не-о-пи-су-е-мой длины!

Но ты, плавучий чемодан
и покоритель тёплых ванн,
ты на себя-то посмотри –
лежишь, пуская пузыри,
а что, скажи, за оборот
тебе дал имя БЕГемот?

Ты ж бегать не умеешь,
в воде годами млеешь.
Скорее уж наоборот,
я – Бегераф, ты – Жиромот.

– Ура! – вскричал в ответ толстяк, –
согласен я, да будет так!

Пускай гордится весь мой род
почётным званьем – Жиромот,
а я тебе приставку «бег»
за это жалую навек.

И он вальяжно, словно граф,
ушёл по ноздри в воду,
а Жир..., простите, Бегераф
умчался на свободу.

Умный дятел

Тетерев как-то у дятла спросил:
– Откуда, сосед, у тебя столько сил?
Ведь это не каждому в жизни дано,
с утра и до ночи ты долбишь бревно,

и хоть бы разок обратился в больницу!
И нос не болит, голова не кружится...
Вот я головой долбанусь только раз –
так звон в оба уха и искры из глаз.

А дятел ответил: – Наивная птичка,
да, просто привычка!
– Привычка?
– Привычка.
– В семье у меня восемнадцать птенцов,
любимых проказников и сорванцов,

и все они учатся в школе,
и с каждым из них поневоле
пришлось мне до изнеможения
таблицу зубрить умножения.

Долбили-долбили, потели, сопели,
покуда в учении не преуспели,
а там птицеведенье, птичий язык,
долбили-долбили, вот я и привык.

Зато повелось с этих самых времён,
что каждый из дятлов ужасно умён!

Зебрёнок

В семействе у зебры большое волнение,
в семействе у зебры опять пополнение:

на свет появился чудесный ребёнок,
ещё один маленький резвый зебрёнок.

Обычное, вроде, в природе явление,
так что же застыла семья в изумление?
– Ах, боже мой, бедная деточка,
да он не в полоску, а в клеточку!

Дивятся сестрички и братики:
– Какие смешные квадратики!
Откуда такие квадратики,
когда все вокруг полосатики?

И мама в линейку, и папа в линейку –
обычная, в общем, для зебры семейка,
и вдруг, нарушая эстетику,
один среди всех «в арифметику»!

Зато этот умный зебрёнок
считать научился с пелёнок,
теперь он отлично задачки решает
и видом своим никому не мешает.

Тенепас

Сегодня видел я в лесу
не зверя и не птицу.
То, что увидел я в лесу,
во сне вам не приснится!

Иду лесной дорогою
и никого не трогаю,
и вдруг остолбенел, открывши рот –
навстречу насекомое,
как будто незнакомое...
нет, точно незнакомое,
ползёт, ползёт, ползёт!

Я подошёл и говорю:
– Привет, ты кто такое?
Оно в ответ на мой «привет»
притопнуло ногою.

– Иди себе, мой юный друг,
болтать с тобой мне недосуг,
я самый главный тут в лесу,
я вахту важную несу –

гуляю под деревьями –
и юными, и древними,
гуляю под деревьями
и тени их пасу!

– Да как же так? – воскликнул я. –
Что ж это за работа?
– Да как же так? – воскликнул я. –
Немыслимое что-то!

Как может быть животное
такое беззаботное,
и как ему не совестно неправду говорить?

Да можно землю обойти –
такой работы не найти!
Зачем, скажите, тень пасти,
раз тень нельзя доить?

Оно с обидой: – Глупости!
Кто врёт? – никто не врёт!
Да если тени не пасти,
не сможет дерево расти,
и лес тогда умрёт!

Так происходит сотни лет,
придумано до нас,
так происходит сотни лет,
и каждый Тенепас,

лишь солнышко проглянется
и луч к земле потянется,
обязан выгнать тени на лужок,

и там они слоняются,
и к ночи удлиняются,
а с ними лес меняется,
вот так-то вот, дружок!

Дарья СТРАННИК
Вунперталь

ЧЕБУКЕМОН

Дома меня встретили взволнованные сыновья. Младший громко кричал:

– Мама, мама, мама!

Старший был немного конкретней:

– Ой, мама, мама, мама!

«Ой» – значит случилось что-то плохое. Но не слишком, потому как оба ребёнка живы, головы и руки-ноги всякие на месте, дымом не пахнет, вода под ногами не хлюпает.

– Что случилось-то? – спросила я, стягивая сапоги. В голове крутились варианты вроде: притащили в дом дворнягу, потеряли библиотечную книгу, разбили мячом окно соседу... Но нет, сыновья – оригиналы, а это всё уже было – дворняга, теперь просто Нюша, живёт у свекрови в деревне, книга найдена и куплена, окно оплачено, сосед уже снова с нами здоровается. Что же дети натворили в этот раз?

– К нам ворвался Чебукемон! – выпалил старший.

– Это зверь такой, – объяснил младший.

– Редкий.

– Очень!

– В кухне намусорил и тарелку разбил!

– С цветочком на доньшке, – деловито уточнил младший. –

И забил туалет бумагой.

– Ага. Пачку порошка в ванной вспенил...

– И опрокинул стакан сока на диван!

– А ещё порвал на клочки совсем готовую картинку, которую нам задали нарисовать на завтра!

– И оторвал рукав моей куртки!

– Раскидал всё, особенно в детской.

– Надкусил каланхоэ!

Я обрабатывала услышанное.

«Чёрт с ней, тарелкой, не порезались и то хорошо. Туалету придётся подождать возвращения мужа, радости, конечно, мало. Порошок купить новый и спрятать повыше. Диван почистить, рукав пришить. От домашнего задания не отвертится, будет до полуночи сидеть, но нарисует. Каланхоэ укус переживёт, не впервые».

Внезапно мальчики притихли.

– Ты нам не веришь? – осторожно спросил старший.

Младший задержал дыхание в ожидании ответа.

– Нет, почему же? Верю, конечно. Я даже встретила этого Чебукемона. – Я освободилась от верхней одежды и начала осмотр места происшествия... или лучше сказать – мест?

– Дааа? – недоверчиво протянули сыновья.

– Ага. Я тут по дороге тортик купила к чаю, так этот Чебукемон его из рук вырвал и был таков! – Я развела руками.

Мальчишки переглянулись, а я отвернулась, чтобы спрятать злорадную непедагогичную ухмылку.

Бардак в квартире царил знатный. Почему-то на телевизоре сидели любимые игрушки: потрёпанный Чебурашка и грязно-жёлтый покемон. Блестящие кнопки-глаза честно уверяли: «Это не мы».

А ведь мальчишки молодцы, историю придумали и встретили сложный выбор между Покерашкой и Чебукемоном. Дел, конечно, натворили! Но вместе и дружно!

Горжусь. Люблю.

НЕПРАВИЛЬНАЯ

Я – внук двух бабушек, сын мамы, племянник трёх тёток и младший брат двух сестёр. Ещё в доме попеременно, но регулярно пребывали многочисленные кузины и подружки всех вышеперечисленных женщин. А иногда гостили и почти незнакомые знакомые тётеньки, которые проездом в нашем городе и только на один денёк... Да вы знаете таких.

Мужчины, если и случались, то, наверное, очень хорошо прятались или применяли «забывалку» – любимый инструмент людей в чёрном, потому что я совершенно не могу вспомнить хоть одного. Впрочем, особо глазеть по сторонам было некогда. Стоило отвернуться, и бабушка подкладывала добавку на тарелку, мама нахлобучивала на мою голову шапку, тётки успевали смачно чмокнуть в щёку, а сестрицы устраивали свадьбы моих солдатиков со своими куклами.

В общем, окружённый с самого детства этой толпой представительниц прекрасного пола, я научился быть очень внимательным и осторожным, а также наловчился неплохо понимать женщин. Сначала, естественно, в целях самообороны, а позже, когда повзрослел, уверенно перешёл в атаку.

Стоило пару дней присмотреться к интересующей меня девушке, и сама собой вырисовывалась формула идеальных ухаживаний.

Я единственный отважился пригласить на танцы первую красавицу класса Леночку. За её симпатичной мордашкой легко угадывалось желание быть принятой всерьёз. Точь-в-точь как моя тётя Ольга. Формула успеха до смешного простая: сначала забавная, но не пошлая шутка, потом не глупое, но не слишком заумное замечание, восхищение схожестью наших вкусов и, собственно, приглашение, ответ на которое мне был известен заранее. Ложной скромностью не страдаю.

Студентка Мариночка была не просто симпатичной девушкой, но и редкостной умницей. Только затуманенный взгляд зелёных глаз – такой же, как у лучшей подруги одной из моих

сестёр – выдавал в ней романтическую натуру. Было совсем легко: открытки в форме сердечка, цветы, свидания в кафе с чтением стихов.

Лидочка, характером похожая на свою тёзку, мою кузину... А, впрочем, я ведь джентльмен. Скажу только, что этих Оленек, Светиков, Анечек и Женечек в моей жизни случилось немало.

Поначалу было даже интересно в роли гениального взломщика подыскивать к каждой из них индивидуальную отмычку. Несколько лет спустя я уже видел себя скорее ключником, лениво выбирающим нужный ключ из тяжёлой связки.

А потом стало скучно. И меня привлекали разве что настежь распахнутые двери, если вы понимаете, что я имею в виду.

Длительные отношения были невыносимы. Любая женщина начинала меня раздражать через несколько дней после знакомства.

Моя семейка, естественно, бодро занялась сводничеством. Им, видите ли, приспичило понынчить правнуков, внуков и племянников соответственно. Умело отражая атаки многочисленных пассий, удивлялся своей прежней юношеской наивности: каким бы гениальным стратегом я ни был, оказывается, больше всего женщины интересуются тобой, когда они тебе нафиг не нужны. Этот факт только укрепил моё решение – такое мне в хозяйстве ни к чему.

К тому времени я снимал уютную холостяцкую берлогу в центре, не позволяя родственницам обезобразить творческий хаос безвкусными абажурами и занавесками. И был счастлив, представьте себе. Да, счастлив, без жены, детей и абажуров.

Татьяна всё испортила. Просто позвонила в дверь, представилась новой соседкой и попросила гаечный ключ – надо было затянуть что-то на раковине. Помощь мою, предложенную рефлекторно – сказалось воспитание, – она небрежно отклонила:

– Сама справлюсь, спасибо. Там ерунда.

Я немного удивился, но поделился инструментом и пару дней вслушивался в обычные новосельные шумы этажом

выше. Судя по перетолкам соседей, Татьяна жила одна и самостоятельно занималась несложным ремонтом и сборкой мебели. И это было неправильно. Потому что не существует женщины, которая бы не свалила неприятную работу на чужие – мужские – плечи. Особенно, если таковые сами вызывались помочь. Говорю не только о себе – как выяснилось, многие предлагали Татьяне поддержку, но она вежливо отказала всем со странными словами:

– Мне ремонт в удовольствие. Руки заняты, голова отдыхает.

Гаечный ключ она, кстати, вернула на следующий день, без напоминаний. Просто бросила в почтовый ящик с запиской: «Вас не было дома. Спасибо. Таня». К ключу скотчем был приклеен небольшой пакетик орешков. Моих любимых. Совпадение?

Казалось бы, чёрт с ней, Татьяной, и её ремонтом. Но мне почему-то стало интересно. Не потому, что глаза у неё синие, грудь третьего размера, талия тонкая, а бедра стройные. Хотя всё это, несомненно, не лишнее. И форма попки почти ни при чём. Просто появился азарт подобрать ключик к этой незаурядной женщине.

Решил отправиться на разведку. Оделся попримичней, словно я всегда дома в джинсах и рубашке, а не в любимых дырявых трениках и выцветшей футболке. Спросить решил пакетик разрыхлителя. Это замечательный приём, можете пользоваться, дарю. Во-первых, я такой просьбой рассказываю кое-что положительное о себе: умею печь, явно не новичок. Дилетанты и слова-то «разрыхлитель» не знают. Девушки приходят в умиление от мужчин, умеющих готовить, а уж хобби-пекарю все двери открыты. Во-вторых, я узнаю, насколько хозяйственна женщина. Потому что каждая уважающая себя представительница прекрасного пола после непринуждённой беседы о разрыхлителе и прочих компонентах обязательно пригласит вас на пробу собственной выпечки. Конечно, если испытывает интерес к вашей скромной личности. В моём случае – гарантировано.

Татьяна открыла мне дверь после первого же звонка. В спутанных прядях виднелись капли подсохшей краски, вылинявшая майка отвлекала от своего плачевного состояния глубоким вырезом, мятые спортивные штаны, напротив, даже не пытались притвориться модными. Соседка явно не стеснялась своего внешнего вида, но, заметив мой удивлённый взгляд, небрежно бросила:

– Извините, я в домашнем. Гостей не ждала, а сама люблю, когда удобно.

Заикаясь, я пробормотал что-то нескладное. Мол, сам люблю комфорт, вот только с работы переодеться не успел. Судорожно пытался сообразить, как, чёрт побери, она это устроила: прилично одетый я испытывал большую неловкость, чем она в своих шароварах.

– Разрыхлителя у вас случайно не найдётся? – Наконец получилось задать заготовленный вопрос.

– Конечно!

И уже из кухни поинтересовалась:

– Тоже трубы засорились?

– Эмм... – сказал я.

Понимаете, выдал не намеренно, просто не нашёл слов, что со мной редко бывает. Вернее, до этого момента – ещё никогда.

– А вы не знаете? Это же первое средство! – удивилась Татьяна.

– Я, вообще-то, для пирога... Люблю, знаете ли, печь... Иногда...

– А-а-а. Я в этом не разбираюсь. Не очень люблю сладкое, – поскуцнев, объяснила соседка, не подозревая, что её слова пустили трещину по картине моей вселенной. Женщина, не любящая сладкое!

Я понял две вещи. Выпечкой меня Татьяна не угостит. Звать её на тортик тоже бессмысленно. Я сначала решил, что теперь точно чёрт с ней, этой неправильной пчелой, которая, наверное, делает неправильный мёд. Но потом подумал, что

надо пригласить её в кино. И вторая мысль понравилась мне намного больше.

Итак, несколько дней спустя я снова стоял перед дверью странной соседки с пакетиком разрыхлителя в руках.

Татьяна явно только что вышла из-под душа. Укутанная в толстовый её махровый халат с тюрбаном полотенца на голове, она всё равно не походила ни на одну из сотен знакомых мне женщин. И я с ужасом понял, что влюбился.

– Спасибо! – Отдал ей пакетик. И, кляня себя, краснея как подросток, неуклюже пригласил Татьяну в кино.

Она смотрела на меня немного дольше, чем женщины обычно смотрят в таких ситуациях. А я даже не пытался понимать, анализировать и предсказывать. Просто стоял, как баран, и ждал своей участи. Немножко мечтая провалиться сквозь пол прямо к себе в квартиру.

– Я с удовольствием посмотрю с вами фильм. Только не люблю кинотеатры: звук всегда слишком громкий и пахнет попкорном. Как насчёт уютного вечера дома у вас или у меня?

Я, заикаясь, согласился, что это прекрасная идея и спросил, какой фильм она хочет посмотреть.

– Давай на «ты»? – легко предложила Татьяна и, не дожидаясь ответа, добавила:

– Если ты не возражаешь, завтра наши играют против Англии... С тебя пиво, а я вкусняшки организую.

Спустившись на ватных ногах домой, я решил, что женюсь.

Ухаживания за соседкой были долгими и неуклюжими. Дарил ей цветы и узнавал, что у неё в хозяйстве нет вазы. Дарил вазы. Татьяна смеялась.

Приглашал её в парк, где она и слышать не хотела о колесе обозрения, зато лихо подрезала меня на автодром-аттракционе.

Она напросилась на рыбалку и наловила больше рыб, чем я.

Совершенно невыносимая женщина. Неправильная, непостижимая, непредсказуемая, чудесная, любимая...

Я так никогда и не понял, чем понравился ей. Татьяна совершенно не любила пространных бесед о чувствах и отношениях. Только иногда говорила:

– Смешной мой!

И пусть первое слово мне не очень льстило, второе с лихвой его окупало. Потому что было иррационально здорово чувствовать себя «её» мужчиной.

Когда я набрался храбрости сделать предложение, то совершенно не знал, что Татьяна ответит. А она, очевидно перепуганная цветом моего лица, заботясь о моём здоровье, просто ответила:

– Да.

На свадьбе я впервые познакомился с её роднёй и прозрел. Передо мной стояли торжественно серьёзные и празднично одетые прадед, два деда, отец, три дяди, четыре брата и два кузена Татьяны.

Эвелина ЦЕГЕЛЬНИК Красногорск, Московская область

Российский писатель и поэт, заслуженный работник культуры, член Союза писателей России, член Международной гильдии писателей (Германия), лауреат премии Союза писателей России, автор 17 книг, соавтор 42 сборников стихов и прозы, автор слов более 300 песен. Вдохновитель и организатор конкурса «ЖИВОЕ СЛОВО».

Щенок и лето

На крылечке, солнышком согретом,
Спит Щенок, свернувшийся в клубок.
На ступеньку с ним присело Лето
Подтянуть спустившийся чулок.
Гребешком лучистым расчесало
Кудри золотистые свои.
Подтянулось, сладко зазевало,
Босоножки скинуло с ноги.
И, Щенка обняв своей ладошкой,
Осторожно рядышком легло.
Отдохнуть от летних дел немножко,
Запасть любовью и теплом.

Жабёнок

Головастик из икринки
Выбрался веселый.
Не носить ему ботинки
И не бегать в школу.
Только хвостик торопливый
Вьется быстро-быстро.
И глазенки, точно сливы, –
Быть ему артистом!

Поднатужился, и вот,
Изо всех силенок
Пузырём раздул живот
Крошечный жабёнок.
И, забравшись на пенёк,
Средь зелёных кочек,
Развернул на весь лесок
Звонкий голосочек!

Обжора

Я на горке всё утро катался,
До чего ж аппетит разыгрался!
Съел я булочку, съел пирожок,
Съел телятины целый кусок,
Ну а после – куриную ножку,
Два салата и с квасом окрошку.
А потом съел солянку мясную,
Запеканку с подливкой грибную.
Ну а после заел всё блинами
С курагой, черносливом, грибами.
На десерт съел два торта слоёных,
Тридцать банок сгущёнки варёной,
Двадцать два с ветчиной бутерброда
И ещё восемь бочек компота.
Я ещё подкрепился бы малость,
Только жаль: ничего не осталось!

Манфред КЮБЕР
(1880 – 1933)

КОТ РАТЦЕПЕТЦ
(сказка)

Однажды эльфийка танцевала с сестрёнками на краю луга, где растёт бузина. Та самая бузина, на стволе которой влюблённые рисуют сердечки, а гномы срезают ветви, чтобы нацарапать руны. Эльфы любят танцевать возле бузины, хоть это и небезопасно: многие эльфы уже потеряли там свои накидки.

Светила луна, поблёскивали блуждающие огоньки, хотя нужды в них не было – лунного света для танцующих эльфов вполне хватало. Но блуждающие огоньки всё равно светили, отчасти из вежливости, отчасти из любопытства. Им нравилось светить танцующим эльфам, хотя танцевать было небезопасно, ведь многие эльфы уже потеряли там свои накидки.

И вот однажды, когда хоровод закончился и сестрички-эльфы, взяв накидки, засобирались домой, одна маленькая эльфийка вдруг заметила, что её накидка потерялась, и теперь она не сможет пойти вместе со всеми. Искала, искала она свою накидку, но не нашла. К тому же стало совсем темно, потому что луна, явно простуженная, уткнулась в облако и чихала в него, а блуждающие огоньки скрылись на болоте – в своём родном доме.

Все сёстры маленькой эльфийки облачились в накидки. Теперь им предстояло топнуть ножками по траве и произнести заклинание – тогда гора разверзнется и поглотит их, словно никогда их и не бывало. И вот все эльфы-сестрички исчезли, а наша эльфийка осталась одна-одинёшенька в темноте. Она плакала и дрожала от страха. Нет страшнее беды для эльфов, чем потерять накидку! Это позор, ведь тогда вернуться в страну эльфов нельзя. Как это печально, ясно каждому, кто хотя бы разок побывал в этой стране.

На плач маленькой эльфийки приполз светлячок. Он был очень жалостливый.

– Милая эльфийка, – произнёс он, – чем я могу я вам помочь? Луна больше не светит, но, может, я её заменю? Посадите меня себе на волосы, и тогда вы сможете найти дорогу. Хоть луна и ярче меня, мы всё-таки чем-то схожи.

Эльфийка поблагодарила светлячка, посадила его себе на волосы, и они отправилась искать накидку. Но шла ли она налево, направо или прямо – нигде не было видно накидки, и никого рядом, чтобы подсказать ей или дать совет.

Наконец ей повстречалась большая толстая жаба: она сидела на обочине и вязала шерстяные носки. Была она некрасивой, по крайней мере, в представлении эльфов, но улыбка придавала ей обаяние и привлекательность. И тогда эльфийка решила попросить совета у старой жабы.

– Ах, пожалуйста, – сказала эльфийка, – вам, наверное, всё в округе известно. Может, вы видели мою накидку? Я потеряла её, когда танцевала возле бузины.

– Многие эльфы растеряли свои накидки, когда танцевали у бузины, – ответила жаба и улыбнулась, но, как уже сказано, улыбнулась весьма обаятельно. – Увы, я за их дела не отвечаю. Я просто жаба и вяжу себе шерстяные носки, потому что у меня ревматизм. Шерстяные носки – никак не накидки для эльфов, деточка.

– Я не это имела в виду, – сказала эльфийка, – ваши шерстяные носки не заменят мне накидки; я подумала только, что могла бы получить от вас толковый совет: у того, кто страдает ревматизмом и вяжет себе шерстяные носки, наверняка большой жизненный опыт.

– Одного ревматизма для этого недостаточно, – ответила жаба и снова улыбнулась, но, как вы уже знаете, улыбнулась обаятельно. При этом она почесала вязальной спицей бородавки на спине.

– Но что правда, то правда, сама частенько наблюдала. Некоторые эльфы теряли тут свои накидки и если не находили,

то вместо сказочной страны им приходилось селиться на болоте, где всё время серые будни, и ревматизм, и шерстяные носки.

– Но я не хочу на болото! – чуть не плача сказала эльфийка. – Я сказочное существо, и хочу жить в сказочной стране!

Она с мольбой воздела руки к шерстяному носку ревматической жабы, и светлячок в её волосах для пушей убедительности засветился ещё ярче.

Жаба считала петли на спицах и размышляла.

– Вот что я вам скажу, деточка, – промолвила жаба наконец. – Единственный, кто может помочь, – это мудрый кот Ратцепетц. Нет никого умнее во всей сказочной стране.

– И где же живёт кот Ратцепетц? – спросила эльфийка.

– Кот Ратцепетц живёт в домике возле золотого моста, ведущего в сказочную страну. Прислуживает ему человекоподобное существо. Передайте коту мои самые прескользящие рекомендации и скажите, что я свяжу ему шерстяные носочки к Рождеству.

Эльфийка рассыпалась в благодарностях, а жаба в ответ улыбнулась своей обаятельной улыбкой. Светлячок произнёс множество тёплых напутственных слов и тоже распрощался, потому что был совершенно измождён, да и не был нужен больше – даже если бы мог светить как луна. Мост, возле которого жил кот Ратцепетц, так ярко сиял в темноте, что найти его было легче лёгкого. По этому самому мосту добрый Бог уходит в сказочную страну, когда ему нужно отдохнуть от людских грехов и слёз. Он сбегает к зверям и детям, и ко всем остальным жителям сказочной страны, они же зверью и детям – братья и сёстры.

Эльфийка добралась до золотого моста и постучалась в дверь домика, в котором жил кот Ратцепетц. Дверь отворилась, и появилось человекоподобное существо. Это был мужчина, не отличавшийся красотой, но в глазах у него сияли искорки, потому что он любил сказки, зверей и детей и потому что он прислуживал коту Ратцепетцу и многому-премногому

от него научился. Как человек, он знал, что такое грехи и слёзы, но потом он поступил как добрый Бог и ушёл в сказочную страну к коту Ратцепетцу. Надо ведь подглядывать, как поступает Бог, если хочешь попасть в сказочную страну!

– Вы кто? – спросило человекоподобное существо.

– Я эльфийка, – сказала она, – я потеряла свою накидку и хочу поговорить с мудрым котом Ратцепетцом. Меня послала сюда старая жаба с ревматизмом, которая сидит на обочине дороги.

Человекоподобное существо провело эльфийку в дом, и она сразу очутилась перед котом Ратцепетцом.

Её сердечко громко застучало: она и представить себе не могла, что кот огромный и могучий, как медведь! Комнату заливал свет от золотого моста, и казалось, что пушистый мех кота Ратцепетца светится в его лучах. Кот сидел перед большим фолиантом, перелистывая его когтями.

– Множество прескользящих рекомендаций от старой жабы! Она свяжет для вас шерстяные носочки к Рождеству. Я эльфийка, которая потеряла свою накидку. Если она не отыщется, мне придётся жить на болоте, страдать от ревматизма, и я никогда не смогу вернуться в страну эльфов под зелёным холмом. Это так печально!

Кот Ратцепетц задумался. Две тысячи лет назад он побывал в кошачьем храме, что в египетском городе Бубастисе, и был посвящён во многие тайны. Человекообразное существо уже тогда жило вместе с котом, прислуживало и любило его так же, как сейчас. С тех пор и у кота, и у человека осталась частичка египетского солнца. И хотя они побывали в храме две тысячи лет назад, оставалось ещё много неразгаданных тайн... да и что такое две тысячи лет?

– Твоя накидка не потерялась, – произнёс кот Ратцепетц, – её стащила болтливая сорока, пока ты танцевала с сестричками возле бузины. Сороки часто воруют накидки, а потом приглашают подружек на чашечку кофе, показывают краденое и уверяют, что эльфы сами это потеряли. Здесь живёт множе-

ство сорок, но я попробую найти среди них воровку. И тогда верну тебе накидку.

– Благодарю тысячу раз, – сказала эльфийка. – Я каждый день буду приходить и чесать вам под подбородочком.

Кот замурлыкал: он больше всего на свете любил, когда его чешут под подбородочком. Это была его слабость – ведь и у великих они есть.

– Я схожу к сороке, – сказал кот человекоподобному существу. – Накрой пока эльфийку колпаком для сыра – мало ли что с ней может приключиться.

Кот Ратцепетц ушёл, а человекоподобное существо накрыло эльфийку колпаком для сыра. Сидеть под колпаком – дело невесёлое, и человекообразное существо чуточку приподняло колпак, чтобы девочка могла выглянуть наружу и послушать истории из жизни мудрого кота Ратцепетца. Человекообразное существо было по профессии биографом кота. Это очень редкая профессия.

Между тем кот Ратцепетц обнюхал всё вокруг и быстро обнаружил гнездо сороки-воровки. Оно располагалось на высоком дереве в пограничье сказочной страны, – в самой сказочной стране болтливые сороки не живут. Они говорят, там слишком уж поэтично, а поэзия может вызвать мигрень. Намного приятнее сидеть в тёплом гнезде в пограничье сказочной страны, воровать накидки у эльфов и хвастаться. Это была их профессия, и очень распространённая.

– Вы украли накидку эльфийки! – прошипел кот Ратцепетц вверх – туда, где располагалось сорочье гнездо. – Немедленно верните!

– Что?! – возмущённо затрещала сорока, – я честная женщина, я никогда ничего не краду! У меня есть только бюро находок! По доброте своей не выношу, когда вещи легкомысленно теряются.

– И что же есть в вашем бюро находок?

– Как всегда, честно всё расскажу. Я нашла резиновые сапожки лягушонка, зонтик от дождя какого-то гриба, дырявые

чулки медведицы и пианино ящерицы. Ничем больше не могу помочь, и у меня совсем нет времени: скоро ко мне на чашечку кофе придут мои подружки.

– Сударыня, – произнёс кот Ратцепетц, – если я сейчас поднимусь наверх и сам всё осмотрю, вам придётся подавать кофе гольшом – я не оставлю на вас ни единого пёрышка!

Кот вонзил когти в дерево и принялся яростно драть кору. Вдруг к лапам кота Ратцепетца упала накидка эльфийки... А сороке пришлось сказать подружкам, что у неё случилась мигрень и кофепитие отменяется.

Так маленькая эльфийка получила обратно свою накидку. Теперь она каждый день почёсывала кота Ратцепетца под подбородочком, а кот громко, во всеулышание мурлыкал. Ясное дело, любой замурычет, если эльфийка будет почёсывать под подбородочком, да только не всякому такое счастье выпадает. Для этого надо быть таким умным, как мудрый кот Ратцепетц.

Перевод с немецкого Елены Ханен

Надежда РУНДЕ Дингольфинг

Рунде Надежда (*Nadeschda Runde*) – издатель, поэт, педагог, журналист, автор сказок в стихах. В разных издательствах Германии и России вышло в свет около 20 её книг для детей, которые в разное время переводились с русского на немецкий, нижненемецкий диалект платтдойч, на английский, украинский, сербский и другие языки мира.

Родилась Надежда Рунде 8 февраля 1971 года в посёлке Синегорск в Северном Казахстане, куда в 1941 году по национальному признаку были насильственно депортированы её предки – кавказские немцы. В 1993 году закончила факультет русской филологии Кустанайского государственного университета. С этого же года и до выезда в 2001 году в Германию преподавала русский язык, русскую и казахскую литературу в средней школе № 19, а также курсы «Детская литература» и «Стилистика» в педагогическом колледже в г. Кустанае. Лауреат множества премий.

В 2000 году стала лауреатом Международного фестиваля культуры в Астане, проводившегося под патронажем Всемирной организации ЮНЕСКО и президента республики Казахстан Н. А. Назарбаева. Награждена медалью за книгу детских стихов «Про Илюшку и про мушку». В 2001 году стала лауреатом областного литературного конкурса в г. Кустанае. Первое место в номинации «Поэзия для детей». Также награждалась лауреатскими званиями и наградами за публицистические работы и лирические произведения.

Как журналист сотрудничала с государственным радио «Голос России». Пишет для журнала «Контакт-Шанс», Кёльн, «Немецкой всеобщей газеты» ДАЦ, Алматы, для «Московской немецкой газеты». Публикуется в детских журналах «Шрумди» и «Шрумдирум» Международного Союза немецкой культуры в Москве. Живёт в Германии, в городе Дингольфинг. В 2019 году основала издательство *Runde Verlag* в Баварии.

Книги Надежды Рунде в разное время иллюстрировали Любовь Ерёмкина, Елизавета Махлина, Марьяна Фляк и Наталья Халифаева.

Дорогие мамы и папы, уважаемые дети!

Перед вами фрагменты из книги о весёлых приключениях обычной-необычной (альпийской!) коровы с прекрасными стихами Надежды Рунде и замечательными иллюстрациями художника Дениса Серкова

Книжку целиком можно приобрести у автора.

Надежда Рунде

Молочная Коза

Рисунки Дениса Серкова

Альпы. На пастбище

Солнце тускнеет, пустеют луга,
Как под гребёнку, собрали стога:
Ни василька, ни ромашки, ни лютика,
Ни разрисованной дудки, ни прутика.
Пусто в пастушьей сумке,
Смогли мелодий струнки.

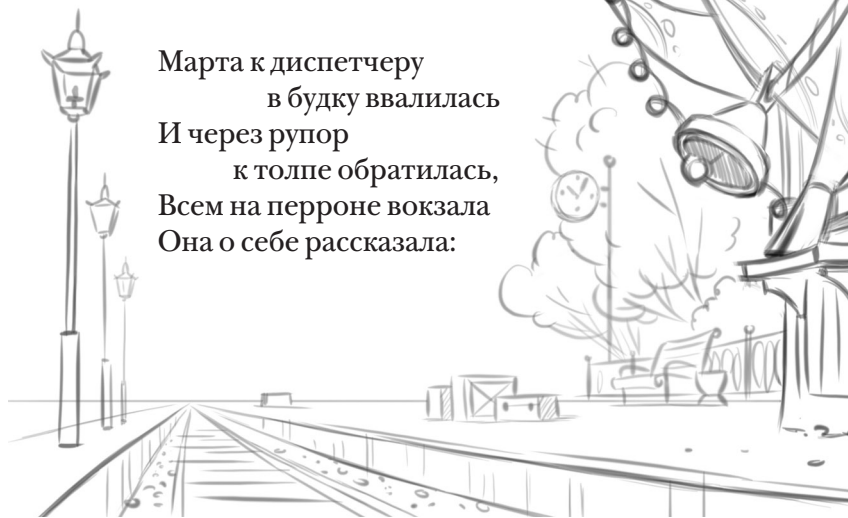
Паслась корова всё лето, добрела,
А нынче на поезд, на скорый, села:
В дальнем Коврове у Марты родня,
С утра в чемодане коровьем возня.
«Возьму сарафаны
с расцветкой простой:
Прощайте, подружки,
спешу на постой!»

По прибытии в Ковров

Марта к диспетчеру
в будку ввалилась
И через рупор
к толпе обратилась,
Всем на перроне вокзала
Она о себе рассказала:

– Чтобы к зиме
не попасть мне впросак,
Туго набив васильками рюкзак,
Я, по совету коров,
Прибыла в город Ковров.

По виду я вроде простая Коровна,
По документам
вполне чистокровна,
А по преданью коровьего рода
На шёлке зимует такая порода.

Не по душе нам солома и сено...
На них я в дороге
лишь с краю присела.

Прапрапрабабушка Альма¹, альпийская корова

Бабка из Альп моя происхожденьем,
Не обходили её уваженьем.
В средних веках королеву тайком
Альма поила парным молоком.
Год королева и сын в заточенье,
Альма пекла им на сливках печенье,
Принца носила в корзинке на луг,
Всех заменяла: и няньку, и слуг.
Бабушка участь спасла королевства,
Эту историю помню я с детства.

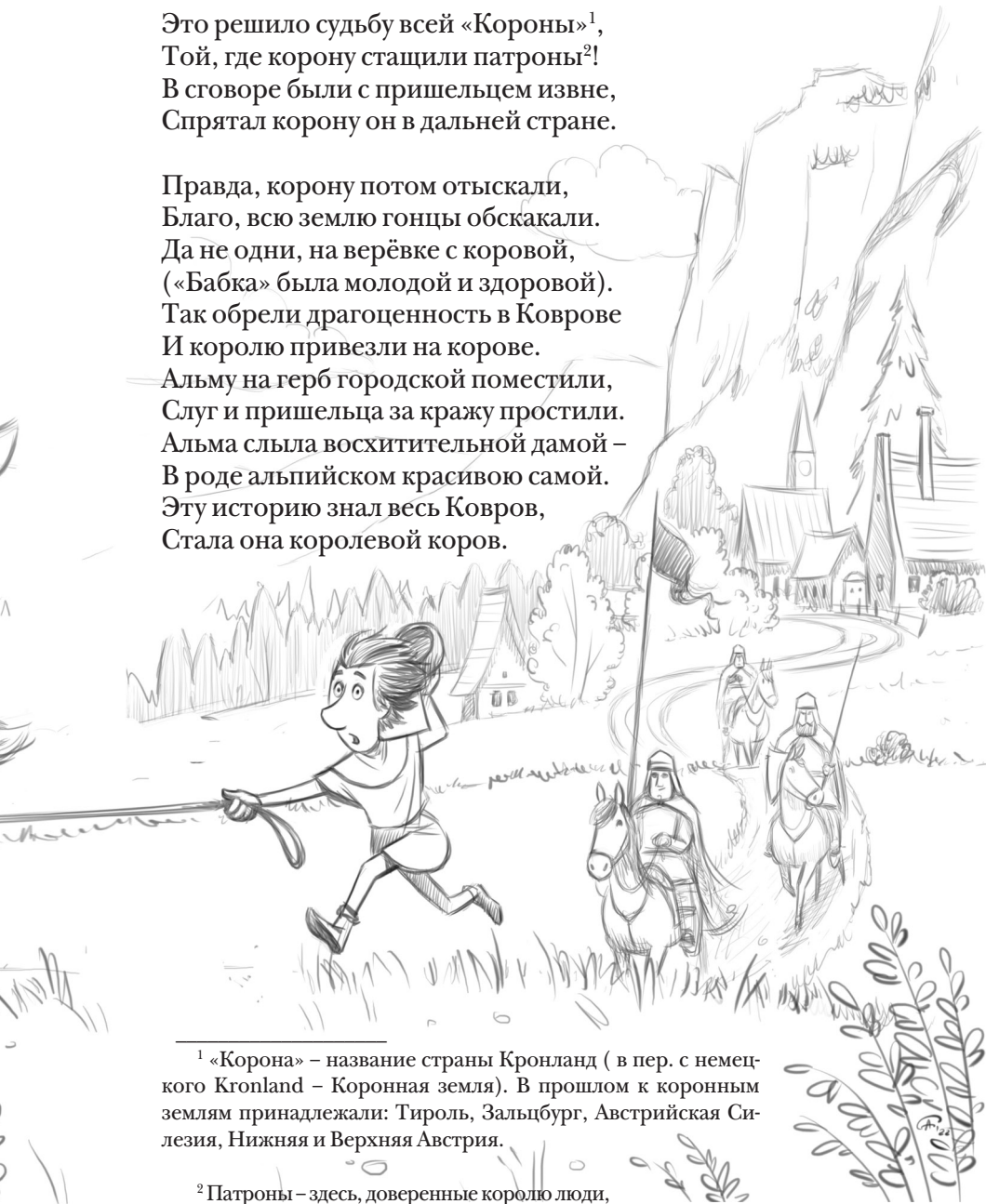

¹ Альма (лат.) – питающая, кормилица, любящая.

Это решило судьбу всей «Короны»¹,
Той, где корону стащили патроны²!
В сговоре были с пришельцем извне,
Спрятал корону он в дальней стране.

Правда, корону потом отыскивали,
Благо, всю землю гонцы обскакали.
Да не одни, на верёвке с коровой,
(«Бабка» была молодой и здоровой).
Так обрели драгоценность в Коврове
И королю привезли на корове.

Альму на герб городской поместили,
Слуг и пришельца за кражу простили.
Альма слыла восхитительной дамой –
В роде альпийском красиво самой.
Эту историю знал весь Ковров,
Стала она королевой коров.

¹ «Корона» – название страны Кронланд (в пер. с немецкого Kronland – Коронная земля). В прошлом к коронным землям принадлежали: Тироль, Зальцбург, Австрийская Силезия, Нижняя и Верхняя Австрия.

² Патроны – здесь, доверенные королю люди, его помощники.

Подарок

С поезда сгружена груда игрушек:
Все с трескотней, на механике лучшей:
Дар для чудесной заморской коровы!
Штамп на квитанции. Будьте здоровы!

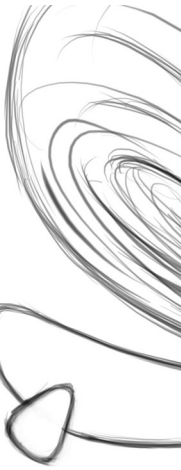
Дети чуть свет рассадили букашек
В чашечках всех васильков и ромашек,
А паучков восемнадцать пучков
На паутинках цветных, без клочков.

Восторг

Взгляд от чудесных ковров не отвесьть,
Об этом мгновенно разносится весть.
Мчатся в Ковров заказы:
«Шлите ковры на базы!»

Стараются фермеры тут и там
Вернуть настроенье
отдельным стадам...

Для дальней рязанской фирмы
Ковры собирали в скирды.
Ковры под названием «Лето» –
Изделия яркого цвета.

Настроение

Глаза у коровы от этого чуда
Расцветились,
как суповая посуда...
И мокрыми стали от влаги,
А уши взвились, как флаги.
Раньше, когда зимовала на сене,
Как лоскутки, её уши висели.

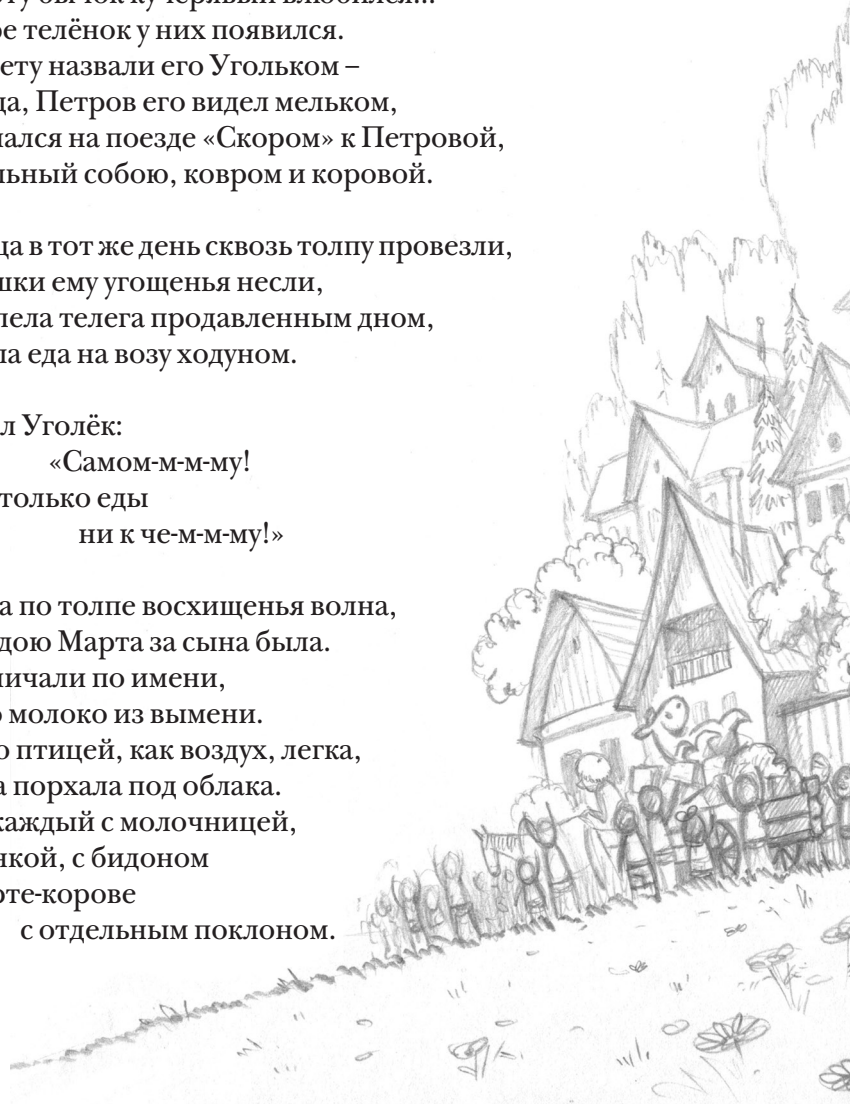
Торжество

Встала корова с утра на постой,
Блеснув на ковре под оркестр красотой!
В Марту бычок кучерявый влюбился...
Вскоре телёнок у них появился.
По цвету назвали его Угольком –
Правда, Петров его видел мельком,
Он мчался на поезде «Скором» к Петровой,
Довольный собою, ковром и коровой.

Мальца в тот же день сквозь толпу провезли,
Детишки ему угощенья несли,
Скрипела телега продавленным дном,
Ходила еда на возу ходуном.

Мычал Уголёк:
    «Самом-м-м-му!
Мне столько еды
    ни к че-м-м-му!»

Плыла по толпе восхищенья волна,
И гордою Марта за сына была.
Её величали по имени,
Текло молоко из вымени.
Белую птицей, как воздух, легка,
Пенка порхала под облака.
Шёл каждый с молочницей,
с кринкой, с бидоном
К Марте-корове
    с отдельным поклоном.

Перелётные коровы

А в небе виднеется целое стадо.
Летят, им тесниться в вагоне не надо:
Им Марта ковёр-самолет отдала,
За это корове от всех похвала.

Спасибо Петровой, билета обрывку,
И Марте, прибывшей
в Ковров на побывку.
Историей стал её важный визит,
Обрывок билета в музее висит.

В Коврове бывают заезжие дети,
И нет знаменитей музея на свете.
Обходит корова гостей не спеша
И льется для них молоко из ковша.

